А. ВЕЛИЧКОВСКИЙ

БОГАТЫЙ

Париж 1972

А. Величковский - БОГАТЫЙ

БОГАТЫЙ

А. ВЕЛИЧКОВСКИЙ

БОГАТЫЙ

Париж 1972

I

Выйдя из темного подвала на свет Божий, от блеска политых водой тротуаров, Богатый ослеп. На перекрестке горел солнечный пожар, пучки лучей били из окон и витрин. Над ущельем улицы ярко сияла утренняя синева неба, синева безусловно праздничная.

Привыкнув к свету Богатый, по своему обычаю, стал присматриваться к окружающему. Ему очень хотелось, уже давно хотелось, встретить на своем пути подходящий случай, нечто вроде первой ступеньки, став на которую он мог бы подниматься все выше и выше в поисках благ жизни. Самые же блага жизни он считал единственной целью своего существования.

Весь город состоял из цифр и написаных огнеными буквами слов. Богатый шел и читал надписи, ему импонировали названья фирм, банков, фамилии выдающихся фабрикантов. Это чтение было его единственным чтением.

Он подошел к тумбе с афишами, желая прочесть где в каки хтеатрах и кинематографах выступают новые знаменитости.

Сначала он не обратил внимания на пеструю афишу с изображением призового столба, лошадей с вытянутыми шеями, жокеев в разноцветных камзолах. Но вдруг некий толчек заставил его, как бы, проснуться и уже наяву иначе взглянуть на афишу.

— Будет ливень — шепнул кто то в самое ухо

Богатого. Он оглянулся, но шепнувшего не увидел. Однако далнейшее, развернулось уже само собой без всякой посторонней помощи.

Быстро пробежав несколько кварталов, Богатый вошел в гараж и нанял небольшой, но вместительный грузовичек. Не без огорчения Богатый смотрел, как его кровные деньги перешли в карман гаражиста.

— Никто так быстро не меняет своих убеждений как вы — думал Богатый садясь за руль — вам, дорогие мои, все равно кого подкупать, кого баловать могуществом; будь демократ, социалист, монархист, диктатор, зверь, черт, вам денежки — безразлично, но вам нужен оборот, без оборота вы — дрянь, мертвечина, бумага.

Нужный Богатому склад старьевщика, был по случаю праздника заперт, но Богатый знал, где найти хозяина.

— Как тебе живется, старина? — крикнул Богатый, входя в угловое « бистро ».

— А !-а ! — удивился старьевщик, поворачивая голову и глядя на вошедшего с явным недружелюбием. Но Богатый так радостно улыбался, так дружелюбно обнял его кожанную куртку, что старьевщику стало неловко.

— Ну, а ты как? спросил он для того чтобы отвязаться.

— Я как всегда : постепенно ! — воскликнул Боготый с чрезвычайной готовностью.

— Прежде всего выпьем, старина ! — сказал Богатый и заказал новую порцию пива. За кружкой отношения стали налаживаться. Поговорив о том о сем, о марках автомобилей, о политике, о здоровье жены, детях, Богатый перешел к делу : — твоих зонтиков никто не берет, а я, все куплю — сказал он. Старьевщик, зная за Богатым не мало мелких грешков, подумал, что тут, что то неладно и ощетинился.

— Зачем они тебе? спросил он с подозрительностью, много раз обманутого.

— Да, так, просто, по старой дружбе, хочу тебе помочь, старина!

— Видно разбогател? — полувраждебно спросил старьевщик.

Вместо ответа Богатый вынул из кармана деньги и помахал ими перед носом приятеля.

— Серьезно, значит?

— Да, вполне, идем грузить — предложил Богатый и, наскоро допив пиво, приятели вышли на улицу.

Товар был взвешен, при чем Богатый незаметно ногой придерживал весы так, что выгадал в свою пользу несколько килограмм. При расчете Богатый заплатил только две трети назначенной суммы, остальное обещал доплатить, если дело выгорит. Но старьевщик и так было доволен. Зонтики собранные на помойках, у него на складе только гнили и воняли.

Пользуясь чудесной погодой, из города выехали тучи автомобилей. Иные направлялись в леса, иные в горы, иные к морю, но были и такие, что ехали на скачки.

К ипподрому подкатывали и набитые битком автобусы, да и от вокзала через горку тянулась цепочка пешеходов.

Флаги развивались над деревянной трибуной, над судейской башней, флажки разных цветов украшали столбы стартов. Белые ленты на белых колышках, обозначающие скаковую дорожку, трепетали над яркой темно зеленой травой. На холмике цвел куст черемухи. В траве, мыльными пузырьками, белел пух одуванчиков. Желтели и голубели полевые цветы. И над всем этим сияло солнце, горячее чистое, оно накаляло

крыши, травы, столбики, до чего не дотронься все было горячим, все пахло солнцем, все сверкало в глазах так, что уцелевшая на траве росинка, казалась сияющим огромным изумрудом.

Богатый, как торговец въехал на грузовике в пелюзу, вместе с торговцами прохладительными напитками и всякой снедью.

Он прикрыл свой товар брезентом, а сам пошел к воротам, остановился и смотрел, как валом валит народ.

На нем был черный фрак, добытый из сорного ящика, во время службы у старьевщика, широкополая шляпа такого же происхождения, желтые брюки и сандалии на босу ногу. Самым страшным были вот именно эти босые ноги, вернее лапы с огромными ногтями, с вывернутыми в разные стороны пальцами. Курчавые волосы выбивались у него на затылке из под шляпы. Легче всего, его можно было принять за уличного, нищего скрипача.

Почти все, проходящие мимо Богатого, люди были в черных очках. С некоторых пор чудесные солнечные дни, созерцанием которых можно, казалось бы, только наслаждаться, начали людям вредить.

Сверкая черными очками, мужчины несли пиджаки на руках, цветные и белые рубашки были не застегнуты, но это не мешало галстухам свисать на обнаженную грудь. Многие, по примеру Богатого, были в сандалиях. У дам наряды доходили почти до полной прозрачности. В особенности, когда смотрел на них Богатый, против солнца. На головах своих они несли всевозможные парикмахерские выкрутасы. Иные прически походили на башни, иные на шары, иные на палатки с наплывами на уши, на глаза, но большею частью они напоминали кремовые фигурки на тортах.

Большинство было без чулок, но за то ноги их были выкрашены под загар. Всякие браслетики, колечки, серьги поблескивали, стучали громко каблуки.

Все, что видел Богатый ему чрезвычайно нрави-

лось. Чем глупее представлялось ему человеческое стадо, тем радостнее делалось у него на душе.

В солнечном воздухе как бы заискрились удары колокола. Звон дрожал над ипподромом и на скаковую дорожку, один за другим, из падокка выезжали жокеи, на молодых красивых, похожих на борзых собак, разномастных жеребчиках. Публика скопилась таким образом, что Богатый лошадей не видел, а видел только жокеев которые, как бы стоя на корточках, пролетели над головами зрителей. Таким образом пролетел жокей в зеленом камзоле с желтыми рукавами, за ним малиновый с белым крестом на спине, чуть позже синий с красными полосами, летел почти стоя, заслоняя желтого с белыми рукавами. Остальных Богатый не пожелал смотреть, он пошел к своему грузовику, сел на крыло и начал обводить горизонт пытливым взором. Было уже около трех часов дня. К этом времени все утренние туманности испарились в горячих лучах солнца, воздух стал особенно чистым и потому на синем небосклоне, очень хорошо, виднелись снежные вершины гор. Одни снега были видны, все остальное скрадывала даль и потому получалось впечатление такое, словное на дальнем синем океане, белеют остроконечные паруса. Богатый даже дыханье затаил. Но разобрав в чем дело, он вспотел от горя и обиды.

Проклиная свою идею, Богатый за одно проклял и людей и скачки, и чистое небо и солнце. Но делать было нечего, приходилось ждать. Он, то садился на крыло, то вскакивал и ходил вокруг машины, как потерянный. Словно сквозь сон, ему слышался, иногда, ритм галопа многих лошадей, рев толпы, взрывы аплодисментов и крики восторга. Но все это его еще больше раздражало.

— Ослы в лошадки играют, нашли чем заниматься ! — думал Богатый — в мой век техники, науки, возмутительно ! На бойни бы всех этих фаворитов, раз навсегда покончить с остатками варварства !

Что-ж может быть Богатый был прав, может быть действительно следовало бы покончить раз навсегда с этим древним благородным спортом. Ведь не только он, но и почти вся остальная публика пришла на скачки лишь для того, чтобы выиграть деньги. Не из благодарности, не из любви к своему вековечному другу сохраняется жизнь этих вот скаковых лошадей. Люди уже давно забыли, что этот ритм галопа, это цоканье конских копыт, как неизменный аккорд сопровождало их подвиги, славу и труды в продолжение долгих веков. Теперь редкая душа человеческая обольется слезами, при виде унижения, которое незаслуженно несет вековечный забываемый, уходящий в небытье старый, верный друг. О, сколько их легло рядом с воинами на полях сражений, сколько их исхлестано кнутами, сколько их замучено в рудниках, где они слепли от вечной темноты, сколько « сивка-бурка » перевернула земли и все это для того, что бы теперь пришел на скачки торгаш, выхолощеный машинами от всякого чувства красоты, добра, подвига, и ставил свою ставку в тотализаторе.

Если на то пошло, что нужна одна коммерция, так лучше уж действительно, раз навсегда, покончить со всякими напоминанием благородства. Для пользы дела нужно все связи с прошлым покончить : долой оперу, долой балет, долой стихи, картины, скачки, да так оно и будет.

Четвертым заездом была скачка с препятствиями : в этом « стиплышезе » ичаствовало двадцать лошадей. С необычайной грацией и ловкостью лошади прыгали через каменные стенки, бревенчатые изгороди, высокие кусты. Перед трибуной находилась речка трехметровой ширины, вода была закрыта, со стороны прыжка,

забором из ровно подстриженных кустов. Благополучно преодолев все препятствия, кавалькада вышла на прямую и мчалась в облаке пыли, быстро приближаясь к этому барьеру. Оторвавшись от соперников корпусов на тридцать, летела на препятствие золотая кобыла, под жокеем в черном камзоле с красными руковами. Лошадь эта в « стипль-чшезе » учтвовала первый раз в жизни и потому еще не очень твердо прыгала. Она боялась, жокей то же боялся, ну и вышло так, что на барьере золотая кобыла, потеряла своего, черного с красным жокея. Она помчалась, взметая стремена и путаясь в поводе, а ее всадник лежал у самой воды черным неподвижным комочком. Убился он или нет — никто не знал. А к речке, кучно, подходили остальные девятнадцать. Шутка ли!? Даже жокеи из за кустов не могли видеть, в каком месте лежит их коллега. Да и не очень то направишь разгоряченную, взлетающую над кустами и водой, расчитывающую свой прыжок, лошадь.

С интервалами в пол корпуса или чуть больше, или чуть меньше, вся кавалькада, заняв всю ширину препятствия, взмыла, перелетая речку. Все перепрыгнули, кроме серого жеребца, под жокеем в желтом камзоле. Конь этот воткнулся носом в землю, постоял мгновенье на голове и охваченный инерцией прыжка, рухнул на спину. Сломав позвоночник, он убился на месте.

Желтый жокей лежал рядом с черным. К ним бежали санитары с носилками, но они оба, почти разом, сами поднялись на ноги.

Только они знали, почему серый никогда не падавший, чудесный прыгун вдруг упал и убился. Причиной его смерти был черный жокей. Жеребец поздно, уже летя над водой увидел, что летит прямо на лежачего человека. Старые кавалеристы знали, что полки могут проскакать по полю, покрытому раненными и убитыми и, что ни одна лошадь на человека не наступит.

Все это толпа переживала, как некое дополнение

к развлечению. Люди затаив дыханье ждали, что свалившегося первым жокея добьют копытами, прыгающие лошади, потом они ревели, радуясь, что человек остался под копытами невредимым. Все же несколько человек взгрустнуло о том, что конь убился. Одной даме Богатый сказал : — завтра, мадам, будем бифштексы есть из вашего фаворита. — Богатый уже был в хорошем настроении, он видел, что вместо белеющих горных вершин, появилась темно лиловая туча и, что ее приближающиеся края, прозрачные словно медовый сот, уже выпустили из каждой ячейки струйки падающие снопом, мимо колокольни дальней деревушки.

Толпа смотрела, как черный жокей снимает седло с мертвой лошади, потом провожала его глазами, когда он заковылял с седлом на руке и с зеленым пятном на белых галифэ, в сторону падокка. Потом смотрели как подъехал конский санитарный грузовик и как втаскивали мертвую лошадь. Как ее увезли, как сторожа заравнивали ямку, которую серый вырыл мордой и копытами. А еще смотрели на то, как конюха ловят золотую кобылу, бегая за ней то взад, то вперед, по всему полю.

Все эти развлекающие и отвлекающие внимание происшествия были Богатому очень на руку.

Первые осторожные капли зашлепали по носам, по ушам, начали ставить запятые на рубашках, на платьях. Люди удивленно переглядывались и прятались под навесы крыш. Но не всем хватило навесов. Над головами забелели програмки. Не долго думая, что из этого выйдет, капли посыпались гуще, запрыгали на кыршах, застучали по програмкам. Флаги опали. Капли выравнялись в струны, солнце перед тем как скрыться озолотило их задумчивыми лучами. Вместо солнца молния озарила сумрак зеленоватым светом, струны зекально отражая молнию, вспыхнули и за-

дрожали. Но не сразу их дрожь дошла до слуха публики, как чудесный, веселый раскат грома. Дав грому умолкнуть, Богатый вскочил на площадку грузовика и заорал во всем горло :

— Графы, сеньеры, сеньориты, камбузины, леди и лорды ! — выкрикивал он, размахивая зонтиком, — ко мне ! ко мне ! вот зонтики ! вот зонтики ! самого первейшего качества ! — Количество ограничено, спешите, спешите все, кому жизнь дорога. — В мгновенье ока, грузовик окружила толпа. Никому неизвестный Богатый, вдруг сразу сделался главным лицом, предводителем, вождем, благодетелем всех жаждущих спасения от проливного дождя. Теперь Богатый чувствовал в себе силу, теперь он испытывал все те чувства, что может испытывать любимый народом властитель дум. Он весь горел, воспламененный своим триумфом. И кричать ему уже было не нужно. Он выдавал зонтик, брал деньги, выдавал, брал, брал выдавал. Нужно было только успевать. К его высоте как бы к трибуне тянулись руки, тянулись помыслы, надежды, мольбы. И все шло и сочеталось в неразрывной связи с его выгодой. Сама природа помогала ему. Ливень наддал, молнии сверкали, гром гремел. Публика, трибуна, флаги, флажки, кустики все это казалось водорослями на дне кипящего озера. Прически дам превратились в космы ведьм, мужчины напоминали утопленников. Где уж тут было разбираться в товаре ? У всех была одна цель-получить поскорее зонтик.

— Товарищи, граждане ! — закричал Богатый, продав последний зонтик — пропустите, сейчас еще привезу ! — С этими словами, он сел за руль, мотор несколько раз выстрелил, в дожде повисли клубы дыма и Богатый исчез.

И странно, как только его машина, прорычав на первой скорости « веее », на второй « лззее », на третье « вууул » перестала быть слышной, в погоде нечто

(все это почувствовали) начало меняться. По дальним полям пробежала светлая улыбка. Дальняя колокольня вдруг засияла, облитая жидким золотом. Сноп лучей из тучи ширился и вел за собой по земле полыхающее зеркальное отражение. Струи дождя, теряя густоту приобрели ленивую тягучесть меда. Одна за другой они, имено ,как струйки меда, стали обрываться, падать, в зеркально запылавшие лужи, отдельными каплями. В лужах они немножко подпрыгивали, словно силясь снова улететь в небеса. И все озарилось, засверкало, заблестело, запахло новым нагреваньем. Куст черемухи горел пожаром и от него, во все стороны, разливался аромат. Каждая травинка, казалось, благодарит небо за чудесную поливку.

Конюх вел пойманную золотую кобылу и она несла на своем блестящем, мокром крупе, зеркало, с отражением солнца. С ее гривы и хвоста стекал мед. Видно было, что душ пришелся ей по душе. Она подняла золотую голову и, глядя в даль, радостно заржала. Из падокка ей ответило такое же радостное ржанье.

Только люди имели плачевный вид. Женщины стали старыми, некрасивыми, их ноги были забрызганы грязью, лица оказались бледными, словно все они только, что вышли из больниц, после тяжкой операции. Да и мужчины были не лучше. А радость вокруг так и разливалась, так и сияла, пригретая солнцем и выкупанная в небесной купели, природа благоденствовала.

И вот тут то и рассмотрели клиенты Богатого свои покупки. Их горю и злости небыло границ.

Толпа покупателей бросилась к месту, где стоял грузовик, что бы выместить на Богатом все : и ливень, и свою наивность, и зонтики. Но там остались от Богатого только следы шин.

И пострадавшим, ничего другого не оставалось, как излить свою злость на зонтиках.

Многие зонтики лежали раскрытыми, напоминая

исполинские грибы. И можно было сказать, что их было так много, как грибов после дождя. Вечером сторожа долго собирали их по всему полю, и посылая проклятия, не могли понять, какая нечистая сила могла переломать такое количество зонтиков.

II

Богатый, вскоре, очутился в столице. Капитал у него теперь был, для бедного человека, значительный. Но долго, очень долго Богатый не находил возможности снова сделать хороший оборот. Он очень верил в свою гениальность и крепко страдал от того, что она пропадает без применения. Что бы капитал не растратить, он сошелся со столичным старьевщиком и утрами, еще в потемках, ходил по улицам, выбирая из сорных ящиков все то, что могло пригодиться.

Пришла осень, началась зима, время подходило к рождеству, а выгодное дельце все не подворачивалось. Расчитывая на улов, после бурно проведеной горожанами рождественской ночи, Богатый вышел из дому раньше обыкновенного. Он надеялся найти портфель с деньгами, или кольцо, или браслет. Однако люди, как оказалось даже и подвыпившие и совсем пьяные, ни денег своих, ни браслетов не растеряли. Путешествовал Богатый от ящика к ящику. В ящиках он находил бумажные ленты, серебрянные нитки, пустые бутылки. Он спрятал в сумку почти новые женские золотые туфли, а так же и мужские лакированные, светер голубого цвета. Он встречал, иногда, компанию, всю обмотаную бумажными лентами, в бумажных колпаках. Морозец был не большой, но все же у тротуаров, на мостовых блестел лед, освещенный предутренним светом уличных фонарей. Ледок этот был виден между стоящими близко одна к другой машинами.

Молчаливые автомобили чем то напоминали поставленные на звериной тропе ловушки, капканы, крысоловки, мышеловки.

В темноте они были страшными, но Богатый не боялся, наоборот, он с вожделением изучал надписи знаменитых фабрик на радиаторах. С приближением рассвета, люди стали попадаться все чаще, капканы, крысоловки и мышеловки захлопывались тоже все чаще. Выстрелы моторов потрясали темные крысиные ходы, начинался обычный рык, миганья красными фонариками, очевидно извещавшие о том, что зверь пойман и что душа его, добровольно подготавливается к будущему аду.

Вдруг пешеход, идущий перед Богатым, остановился, как вкопаный. Его верблюжья голова, с длинной губой, высунулась на куриной шее из красного шарфа, наклонилась над крылом автомобиля и стала принюхиваться. При свете, падающем из витрины булочной, Богатый увидел, что крыло машины повреждено. Как всякий современный, практичный человек, Богатый все знал, был внимателен к чужой беде, если это ему ничего не стоило, поэтому он спросил : — это ваша? Спросил с сочувствием. Верблюжья голова отняла прижатую к носу губу. Богатый понял, что сейчас услышит ответ, он как всегда не ошибся.

— Нет, не моя, я ставлю свою в гараж, иначе вот что случается : помнут крыло и не оставят записки. Куда пойдешь, кому пожалуешся ? с кого убытки взыщешь ?

— Да, эти мошенники ужасный народ — согласился очень охотно Богатый.

Подошел рабочий в меховой куртке и потряс крыло вынутой из кармана рукой.

— Стукнуло ! — воскликнул он весело.

— Верблюжья голова снова отцепила от носа губу и пропела гнусаво : — хорошо, что не сильно !

— А сколько будет починка стоить ? спросил Бо-

гатый рабочего. Рабочий деловито, с видом хирурга, начал ковырять крыло ногтем. В это время подошла компания ночных кутил и окружила машину. Молодые люди что то пели, кричали, безобразили, но тут вдруг все замолкли перед поврежденным крылом, так словно наткнулись в своей жизни на самое главное, самое интересное. Рабочий все еще вычислял стоимость поломки, а молодежь, вежливо уступая друг другу место у крыла, по очереди изучала поломку и перекидывалась репликами, чуть ли не такими голосами, как разговаривают набожные люди в храмах. Богатый отошел в сторону и задумался. Он чувствовал нечто, но охватить умом своего чувства не мог. Продолжая свою думу, он зашагал дальше. Губы Богатого делали такие движенья, словно хотели высосать нечто вкусное и питательное. В это утро ему везло на поломанные автомобили. Для многих горожан праздники часто кончались трагически. У коммисариата полиции стояло несколько, в дребезги разбитых, машин. Большая толпа окружала их, хотя на улице людей было еще очень мало. Войдя в толпу, Богатый увидел огромный красный автомобиль с шеснадцатью разбитыми фонарями, с выбитыми стеклами, с задранным и измятым капотом, со скривленными на бок колесами. Дверца не закрывалась, сиденье было залито кровью, на нем валялись раскрытая пудреница и очки. Новые зрители подходили, а те, что насмотрелись, задумчиво удалялись. И говор был тихий, сдержанный и лица были похожи на лица спящих во время гипнотического сеанса.

Губы Богатого начали еще лучше упражняться в высасыванье. Он приставил к ним палец, но и палец не помогал.

От самых зонтиков и до этого рождественского утра в его душе боролись страсти. О, как хотелось ему сесть в шикарный автомобиль, иметь безчисленные аппараты. Соблазн — держал душу Богатого в железных клещах. Машины, особенно автомобиль, обла-

дали, как бы, некой колдовской магией, это Богатый чувствовал в толпе зрителей и в своем сердце. Из машины, из этой разбитой машины, залитой человеческой кровью исходило нечто несущее смерть последним остаткам духовности.

— Не можешь сам изобразить, найми художника — услышал Богатый тот же шопот, что и У столба с афишами.

Зеленые огоньки засветились в глазах Богатого. Через минуту он был в телефонной будке и узнавал адреса художников.

Зайдя к себе, он вышел на улицу в новом виде : на нем была черная мантия, огромные сапоги и шляпа с пером.

В кармане своем он нес кошелек, сфабрикованный так, что могло показаться, будто в этом кошельке милионы. Пять крупных, настоящих, денежных знаков, лежали на первом плане, а за ними простые бумажки, что создавало вид набитого до отказа большими деньгами кошелька.

Богатый очень спешил, медленно идущие люди ему мешали, поэтому он возненавидел стариков и старух.

— Зачем вы ползаете, сидели бы дома ! — крикнул он старику и старушке которые шли под руку, что мешало ему разминуться с ними на узком тротуаре !

— Молодежь теперешняя ! — огрызнулся старик. Но Богатый не обратил на скромный упрек внимания.

Роща не распроданных елок зеленела у запертого магазина. Но не сжалось сердце Богатого оттого, что вот погибли деревья даром. Он чихнул от непривычного запаха и увидев, прижавшегося к елкам, дрожащего, испуганного, потерянного песика, пожалел, что нет времени заняться этой собаченкой, с тем что бы продать ее в знакомое учреждение, где профессора делают над собаками свои полезные для человечества опыты.

Ему конечно никак не могло прийти в голову, что

профессор, истязающий животное, своей жестокостью распространяет ядовитые токи, которые приносят больше вреда духу человеческому, чем пользы его телу.

Но, несмотря на свое спешное дело, Богатый не мог победить соблазна и остановился перед витриной гаража, в которой был выставлен лимонный лимузин марки « Дрин Дрон ».

Автомобиль знаменитой марки приковал к себе глаза Богатого и охватил своим блеском всю его душу. В этой машине было сосредоточено все то уродство, которым изделия черной магии отличаются от созданий Бога, от художественного творчества человека. Окна имели форму дьявольських продолговатых глаз, шины походили на жернова, радиатор, благодаря широкому стальному паршоку, казалася страшной пастью допотопного зверя, со стальными зубами.

Изобретатели разве они не есть прямые наследники колдунов и магов? Ведь они так же, как и маги углубляются в запретные тайны природы, для окончательного закабаления ее и ради своей наживы.

Насмотревшись на мертвое чудовище, Богатый почувствовал в себе новый прилив той энергии, что способна пробивать дорогу, не останавливаясь ни перед какой гнусностью.

Улицы становились извилистыми, узкими, дома были черными от копоти. Замерз грибной соус вот и стена, подгнили яблоки — другая, каменный уголь смешался с гипсом — третья. Дом, номер которого Богатый искал, оказался восьмиэтажным и был, казалось, сложен из винных ягод. На верхних окнах сушилось белье. Напоминая картины Марка Шагала, надутые ветром штаны шагали по воздуху. Когда Богатый входил, одна штанина, завернулась и погрозила ему. Войдя в дом, Богатый постучал в стеклянную дверь сторожа. За дверью рычало радио. Занавеска отдернулась, за стеклом показалось лицо старухи, состоящее из сплошного носа. Над носом курчавился парик.

— Что нужно? спросила женщина. Богатый стал объяснять, что ищет живущего в доме живописца. Старуха сморщила нос, указала на свое ухо и приоткрыла дверь. Богатому пришлось повторить все с начала.

— Восьмой этаж, комната № 22 — низким басом ответила сторожиха. Она тут же захлопнула дверь, притушив неумолкающий голос спикера.

Лифта не оказалось. Но Богатый не смутился этим обстоятельством. Над обглоданными ступеньками лестниц, горели таким же обглоданным светом электрические, засиженные мухами и закопченные лампочки. Их, едва тлеющие, проволочки напоминали свернувшихся спящих червячков. Но Богатый все знал и потому умел пользоваться любой лестницей и мраморной и трущебной.

Восьмой этаж состоял из узких, длинных коридоров, как лисья нора. Богатый, наугад, пошел вправо; номера на дверях пошли : восемь, семь, и вдруг десять. Тут даже хилых лампочек не существовало. Он кужддую дверь освещал карманным фонариком. В коридорах было, холоднее, чем на улице, пар шел от дыханья, гробовая тишина прислушивалась к шагам непрошенного гостя. Богатый повернул налево, но и тут номера сбивали с толка, заставляя посетителя сомневаться в существовании двадцать второго номера. Человеческая логика впервые Богатому не могла оказать решительно никакой услуги.

— Есть ли кто? отзовитесь пожалуйста — крикнул Богатый. Крик Богатого, вызвал враждебно и насмешливо ответившее ему эхо. Так, что Богатый даже испугался, думая что обычный друг, лучший друг его сам разум затеял глупую шутку.

Но спускаться с пустыми руками, с восьмого этажа, было ему перед самим собой неловко. Преодолев страх, он обнаружил еще одну лазейку. Тронулся в путь, пригибаясь под низкими арками и светя фонариком. И

вдруг неожиданно и ясно увидел над дверью искомую цифру.

— Какой я молодец! похвалил себя Богатый и согнув указательный палец, легонько постучал в дверь. Тут снова гробовая тишина ощерилась, подула цементным холодом. Но Богатый всегда, разрешал любые вопросы с успехом.

— Комната пуста — может быть он там спит? а может быть давно умер? — Последнее предположение вызвало опасение. — Могут быть неприятности с полицией, если он там зарезался или повесился, с этим народом, с художниками бывает всякое. — Но, Богатый все же рискнул и постучал снова громко и решительно, как человек власть имущий.

Характерный треск половицы заставил Богатого снова обратиться к разуму и сделать вывод — кто то зашевелился.

Из медленно приоткрывающейся, двери высунулась голова в меховой кубанке, забелел высокий лоб, засверкали серебрянные глаза и клинообразная рыжая бородка вопросительно поднялась.

— Вы от хозяина комнаты? Инспектор? Глухо спросил рыжий. Разум Богатого сразу же уловил стратегическую и тактическую тонкость обстоятельств, поэтому он не спешил ответить.

Приняв молчание за согласие, юноша продолжал: — приходите после выставки, когда я продам картины, в данное время у меня нет свободных денег — Сказав это он конечно не мог знать, что посетителю чрезвычайно понравилось это обстоятельство. Богатый был в восторге от того, что сумел, сразу же, узнать самое главное: нужду художника, благодаря которой значит можно будет его объегорить с полной легкостью, без свяких встречных и поперечных препятствий.

— Нет, вы не угадали, молодой друг — ответил наконец Богатый, я наоборот, зная ваш талант, можно сказать погибающий среди холодного сего мира, при-

шел что бы сделать выгодный для нас обоих заказ.

— Заходите! — предложил художник распахивая дверь и делая рукой широкий жест, вместе с наклоном головы. Богатый солидно вошел, охватывая взглядом обстановку. Пахло маслянной краской, холстом свежей картины. Круглых окон было два, мольберт стоял повернутый к свету, дырявый стул, койка застеленная кое как защитным одеялом. На эту койку и посадил своего неожиданного благодетеля рыжий художник.

— Холодно! воскликнул Богатый, растирая руками свои ляшки.

— Я привык, не топлю, мне тепло вредит — сразу же отпарировал неприятный намек рыжий и гордо задрал свою бородку. Под бородкой его Богатый увидел медный крест, к нему была прикреплена серебрянная лира.

— Сумасшедшие все они — подумал Богатый и растирая колени, как бы вслух думая, сказал: — да-с да-с, пришел с заказом.

— Портрет? спросил художник с нетерпением.

— Нет, не угадали дорогой мой! Вы, несмотря на ваш талант, не очень догадливы.

— При чем тут мой талант? — удивился юноша.

— Ну, как же, ведь у вас художников, говорят, интуиция чрезвычайно развита, вдохновение и всякая такая штученция! А я простой смертный, что я могу? хотя я знаю одну штуку, за тем и обращаюсь к вам. Штука в том, что сам то я рисовать не умею, а знаю, что следует рисовать для денег. Деньги у вас будут и у меня. Вы получите свое — за работу, а я за идейку. Задаток я вам тут же уплачу... Идет? По рукам?

Художник слушал Богатого очень внимательно. Он в сущности готов был принять любой заказ, ибо буквально голодал.

— Идет! идет! — сказал он — но что вы хотите, что бы я написал, если это не портрет?

— Мы прославимся с вами — воскликнул Богатый, закатывая глаза в потолок.

— Ну, хорошо! не без иронии, вставил свою реплику рыжий и наклонил голову, что бы подчеркнуть свое внимание.

Но Богатый решил, что следует помучить художника перед тем как разложить перед его глазами раскрытые карты. Он таинственно молчал, а юноша в нетерпении спрашивал :

— Рекламу для зубной пасты? Богатый отрицательно покачал головой.

— Для воды? и снова отрицательный кивок.

— Икону?

— Нет, нет, я вам говорю, что тут вы никогда не угадаете! — с легким смехом перебил вопрос Богатый и сразу перешел к делу.

— Мне нужны картины штук десять, размером скажем шестдесять на сорок — объявил он и снова солидно умолк.

— Значит самое главное размер? удивился рыжий.

— Да, нет, я из экономии красок, полотна. Размер можно хоть и два метра пустить. Только это напрасно. Вы мне нарисуете автомобили с поломанными крыльями. Что б в одном подвернулось колесо, стекла были разбиты, в другом что — б на сиденье кровь была и пудренница лежала, очки там забытые, ну, словом, побольше фантазии, главное, что бы крылья были расквашены и нос задран и руль сломан. И марки разные что-б были : « Дрин Дрон », « Шиномаз », « Гальвани-Брыц », « Кобурон-Водовод » словом вы же знаете, что я вас учу? — Марка — важная вещь, она очень, очень привлекает. Знаменитость марки для нас теперь все, на правда ли!?

Во время всей этой импровизации, Богатый вдохновенно смотрел в потолок, он думал, что художник, увлечен его речью, внимает и тает от умиления.

— Стоп! Молчать! — вдруг услышал Богатый

грозный окрик. Заказчик даже глазам не поверил до такой степени изменился в лице рыжий художник. Бородка его дрожала, глаза горели, он топал ногами, молча, не в силах произнести ни одного слова.

— Что с вами? — воскликнул Богатый, привставая.

— Я знаю! вымолвил художник сквозь зубы — знаю! крикнул он. Богатый удивленно развел руками, всем своим видом выражая непонимание и невинность.

— Вы! вы! хотите что-б я изображал автомобили? выжимал художник слова с болезненной отрывочностью — дьяволу я не слуга! Автомобиль пакость дьявольская! Автомобиль — плод соблазна! Главный, самый адский! А я буду вам их изображать? Да вы кто? Кто вы? Посланник сатаны? Вам нужна реклама несчастных случаев? В мерзости я не имею права принимать участия! Я защитник Бога! Его мира, его добра! Нет, это не по моей части. Уходите!

Богатый захохотал, все, что говорил художник казалось ему чрезвычайно забавным, в особенности упоминание о Боге.

— Вот, деньги! перебил речь художника Богатый — это важно, а то, что вы рассказываете ничего путного, ни вам, ни мне не принесет — тут он показал рыжему, набитый до отказа, кошелек.

— Я не Иуда! — завопил художник, так что стены задрожали и Богатый зажал уши. Но в уме у него сложилось предположение: играет роль, набивает себе цену. Поэтому он и оскорбление снес (он был очень обижен за автомобиль) и стоял, не теряя надежды.

— Я конечно ничего не понимаю, — хотел и вас поддержать, заработаете вот и все. В искусстве я, конечно, слаб, вам быть может, как артисту полагается погорячиться, покричать, но не лучше ли поговорить серьезно о деле!? а там посмотрим: может быть, я вам две трети барыша отдам.

— Опять вы свое! Как горохом об стенку! Ка-

жется я вам ясно сказал... Стою за Бога и сатанинских заказов не беру! — отчеканил рыжий и распахнул широко дверь — прошу! воскликнул он так, словно его била лихорадка.

— Так, значит вы меня выгоняете!? злобно крикнул Богатый.

— Да, выгоняю!

— Пожалеете, молодой человек! Защитник Бога! — Богатый хихикнул и помахал рукой, указывая в потолок — Пустого места защитник! Плоха ваша доля! плоха! Оно и видно! — болтал Богатый, иронически обозревая нищенскую комнату. Сделав широкий шаг своими огромными сапогами, Богатый вышел в коридор. Дверь за ним с треском захлопнулась. Он харкнул и плюнул на эту дверь и погрозил кулаком. — Запляшешь ты у меня, в бараний рог согну! — И есть же еще на свете такие идиоты? Ему, видите ли, автомобиль не нравится! Самое лучшее не нравится! Ученые века думали, всю математику, все науки прошли, что бы создать автомобиль. Морду я ему набил бы, знал бы тогда! Я бы таких ненавистников просто казнил, зачем такая шваль существует? — В суматохе, Богатый снова заблудился в коридорах. Светил фонариком, а номера то увеличивались, то уменьшались. И эхо отдавалось в цементном холоде каждого шага. О своей неудаче Богатый забыл, ибо весь сосредоточился на поисках выхода. На улице он вздохнул с облегчением, однако вернулся, что бы спросить старуху:

— Что он, ваш жилец двадцать второго номер, сумасшедший?

— Да, сумасшедший — подтвердила сторожиха с большим удовольствием, и добавила — за комнату не платит, не жрет, а работать не желает.

Неудача не остановила Богатого. По дороге к дру-

гому художнику он думал: — затея моя оригинальна, оригинальное модно, а раз так следовательно успех обеспечен.

Витрина с «Дрин Дроном» снова притянула его внимание. По его понятиям перед его глазами блестела и сияла красота. Изучать эту красоту ему было приятно. Магия техники волновала его приблизительно так как некогда волновала больного человека чудотворная икона. Ему казалось, что когда он купит себе Дрин Дрон это будет подобно исцелению.

Позвонив в парадную дверь другого художника, на вопрос горничной: что вам угодно? Он ответил, что имеет неотложное, важное дело к самому метру.

В тех случаях, когда приходилось ждать, Богатый всегда садился. Он выбрал кожанное кресло перед низким столиком и уселся. Думая, что на него, может быть, кто то тайно смотрит, он взял со стола журнал и начал перелистывать. Журнал оказался медицинским. На одной из страниц показывалось фотографическим способом, как, в одном человеколюбивом учреждении, профессор в белом халате, кромсает ножем живую собаку и как эта собака лижет ему руку. На эту картинку Богатый засмотрелся невольно, ибо это могла быть одна из тех собак, что он лично продал. Ему доставило бы большое удовольствие, если бы он узнал собаку. Вышло бы тогда, что и профессор и Богатый вроде одного поля ягоды. Нечто, вроде, рука руку моет. Но собака была английский пойнтер, такой Богатый не помнил.

Вдруг он услышал вопрос: — чем могу служить? Новый художник вошел безшумно в комнатных туфлях. Он стоял перед Богатым в белом халате, лицо у него было коричневое, длинные волосы падали на плечи белоснежными кудрями. Богатый вскочил, как ужаленный, и отвесил поклон, заимствованный у киноматографического принца. Он долго оставался в согнутом положении, водя шляпой у ног художника.

Глядя на это представление, седой художник начал пощелкивать пальцами, как это делают дресировщики, подбадривая обезьянку к выполнению фокуса.

— Я один из миллионов ваших страстных почитателей — почтительно пролепетал Богатый. Тут он снова провел шляпой с лева на право у ног художника.

— Забавно, забавно! скучным, сонным голосом сказал седой — ну, а дальше что?

Так сразу выпалить про расквашенные автомобили Богатый по горькому опыту не решился. — Этот седой, может быть, такой же ненормальный сукин сын — подумал он и решил подготовить почву дифирамбами.

— Искусство! сказал он, поднимая голову и закрывая глаза, — искусство это, это самое главное. Мне страшно, сердце мое замирает от ужаса при одной мысли, что я простой человек нахожусь в непосредственной вашей близости, маэстро. О, удостойте вашего поклонника, протяните ему вашу руку! — Художник вяло подал руку Богатому. Схватив ее и страстно пожимая, Богатый — почти запел: — о какое счастье! В моей руке та самая рука, что создала вечные шедевры!

— Садитесь — предложил художник. Богатый повиновался, именно повиновался, все жесты его были как бы, связаны волей хозяина, в них не было, хоть убей небыло ни капельки самостоятельности. Он сел и весь вид его говорил: покорился, покорился, батюшка, наставник и покровитель.

Художник присел на ручку соседнего кресла и покачивая ногой в синей войлочной туфле, попросил Богатого, как можно скорее высказаться.

Тут Богатый начал врать, что будто бы у него есть жена и пятеро детей. Он начал описывать способности каждого ребенка, заговорил о том, что ему трудно содержать и воспитывать семью.

— Вы хотите, что б я вам дал денег? спросил художник.

— О нет, о нет, что вы маэстро, такой мысли у меня нет и не может быть, я коммерсант.

— Не понимаю, чем же я, в таком случае, обязан — сказал художник, и помолчав добавил — вашему посещению ?

Роковой момент приблизился, нужно было переходить к делу и Богатый решился : — мне нужно десять картин с расквашенными в дребезги автомобилями, десяти разных марок. Сказав это, Богатый взглянул на художника и не найдя в его лице ничего подозрительного, продолжал говорить и говорить о содержании картин, расписывая подробности.

Взглянув снова на художника, Богатый увидел, что он по прежнему сидит, болтая ногой, но что-то новое было в лице его. — Очарован, мной очарован, в конец очарован — подумал Богатый и тут что бы вернуть художника из эмпиреев, на землю дотронулся до колена знаменитого маэстро, уже совсем по приятельски.

Седой художник вскочил, подпрыгнул, воздел руки и застонал : ох ! ох ! Боже мой ! Боже мой ! Что они со мной делают ! ? Что, они со мной делают ! ? Отнимают ! все отнимают ! Вечно, вечно так, так, так, так, так ! ! восклицал он, подпрыгивая на месте.

— Простите — лепетал Богатый — я не знал, что у вас болит колено... право не знал !

— При чем тут колено ? взревел художник и на его рев, вышла из соседней комнаты испуганная истерикой мужа, красавица жена. Она, словно королева, несла свою гордую голову на длинной шее, выбрасывая из под белого платья, носки золотых туфелек, подобно тому, как разозленная змея выбрасывает свое жало.

Богатый стоял, опустив руки, художник наоборот окаменел с воздетыми руками.

— Что тут происходит, Петя ! ? — спросила она, подходя к мужу и рассматривая в лорнет Богатого. —

Вы что тут делаете? спросила она гостя, продолжая смотреть в лорнет.

Художник вмахнул обеими руками так словно хотел посадить Богатого на кол. Богатый, действительно, как бы на кол и сел, так у него покраснело лицо и выпучились глаза.

— Простите меня — сказал Богатый я честное слово не виноват, я же не мог знать что у них болит колено.

Петя, не сердись, тебе вовсе не подобает сердится, лучше обьясни мне, что этот господин, в огромных сапожищах, хочет. Мне даже смешно — сказала жена художника и вдруг звонко захохотала.

— Я был подчинен уже той воле, что заставляет океаны нести свои огромные волны к берегам, я слышал шум и тех незримых волн, что заставляют мое сердце биться, я попал в ритм соединяющий меня с тем, что главное! А этот жалкий тип хватил меня поколену! Ах все равно меня никто не поймет! Я трагический человек! Понимаешь трагический! Обязательно меня кто то собъет. — Выкрикивал седой художник в бешенстве.

Но жена в трагедию не верила, гнев мужа ей казался просто капризом.

— Петя не волнуйся так, тебе вредно. Прости ему — сказала она и обращаясь к Богатому добавила — знаете иногда даже я ему мешаю... Войду в мастерскую с самыми благими намерениями, а он вдруг схватится за голову и чуть не плачет. Это оттого, что я вошла некстати. — С этими словами супруга художника подсела к Богатому и стала его расспрашивать. Богатый излил всю свою душу, рассказал обо всех своих горьких разочарованиях и в конце концов сообщил о цели своего визита.

— Так что-же ты, Петенька, отвергаешь выгодное предложение? О, какой ты у меня бека. Подумай, у куплетиста бездарного, безголосого уже есть «Дрин

Дрон» яхта, дом на острове Ямайке, а у нас старый «Бидон Каслан»! ах! ах! ах! заохала супруга — Умоляю, нарисуй ему десять картин с автомобилями разных марок.

Художник склонил свою белую голову, но так, словно на ней были длинные рога, и забодал воздух молча.

Жена встала и, снова выбрасывая свои золотые змениные жальца, подошла к безнадежно бодающемуся супругу и положила ему на плечи обнаженные до подмышек руки.

— Капитал при мне! — ободряюще проговорил Богатый.

— Хочу «Дрин Дрон», хочу яхту — как пятилетняя девочка, выпрашивала себе подарков красавица. — Не хочешь, тогда я сама закажу картины твоему бывшему ученику, он для меня все что угодно сделает.

— Хорошо! отрывисто воскликнул художник — говорите, что за картины? бросил он Богатому вопрос, глядя на него ненавидящими глазами. Но теперь Богатый не смущался уже ни чем, он все знал, знал и то, что когда у жены имеется поклонник, муж ни за что не позволит своей благоверной обращаться к этому третьему лицу, через свою голову.

Поэтому он без лишних слов и поклонов повторил все то чего художник не слышал, унесенный далеко от земли своим творческим трансом.

— Только для тебя я это делаю — обьявил седой художник с любовью глядя на жену и изменив нежные интонации на неприятные и строгие сказал Богатому: картины будут готовы через неделю, вы их заберете и делайте с ним что угодно, но я их не подпишу своим именем. Понятно?

Богатый чуть не подпрыгнул от радости, он даже и вообразить себе не мог, что выйдет так хорошо, подпись ему была совершенно не нужна.

Он встал и снова отвесил поклон кинематографи-

ческого принца ,но теперь его шляпа проехалась по полу у ног супруги седого художника. Богатый выразил ей глазами свое обожание.

— Да, к стати, вы же дадите задаток! напомнил художник резким голосом.

— Как же, как же заторопился Богатый, вынимая свой увесистый кошелек, как известно наполовину набитый простыми бумажками. Деньги принимала она и Богатый длил операцию: он выдал ей первый билет, выждал и кокетливо спросил: — еще? Она ответила: — Да еще — и улыбнулась. Он отслюнил следующий билет и опять повторил вопрос. Снова услышав ответ и получив улыбку отслюнил третий билет. Таким образом он дошел до последнего денежного знака, который оставил для прикрытия бумажек. После этого Богатый с легким сердцем вышел на улицу.

III

На большой новогодней выставке картин, публика ходила по залам, любовалась творениями многочисленных художников. Все веянья времени, все школы были предоставлены вниманию посетителей. Вскоре, однако, как бы некий гигантский пылесос, высосал посететилей из всех зал и сосредоточил их, огромной толпой перед картинами Богатого. Во всей этой толпе чувствовалась объединенность единоверцев. На выставке повторялось точь в точь тоже самое, что происходило на улица, когда перед разбитой машиной, склапливались любопытные прохожие. Незнакомые друг с другом люди взволнованные общими чувствами, мыслями и понятиями, находили в искусстве свое родное, уличное, и потому общий разговор быстро завязался. Каждый хотел показать себя знатоком автомобильного дела, опытным автомобилистом. Рассказывались самые разнообразные случаи автомобильных катастроф. Каждый сравнивал поломку своей машины, с тем что видел на картине Богатого. Говорили о дорогах, совещались о том, по какой дороге лучше ехать. Ругали плохих автомобилистов, жандармов. Перечисляли марки автомобилей, горячо спорили об их качествах и недостатках. Словом, у картин Богатого происходил очень для всех интересный и поучительный, диспут.

Дама автомобилистка, вонзив острые каблуки в паркет, шевеля кровавыми губами долго любовалась

разбитым « Дрин Дроном ». — А что если там были детки ? поставила она вопрос. Мальчишка лет семи, которого мать вела за руку, переводил с картины на картину, большие не детские очки, и безошибочно назвал девять марок. На десятой картине запнулся и дергая мать за платье, капризно требовал : — скажи как называется вон та машина ? — Мать курила сигарету и морщась от дыма, силилась прочесть, скомканную ушибом надпись на радиаторе. Подоспел услужбивый господин. — Это, мой дорогой, будущий автомобилист — сказал он, « Шиномаз ». Мальчик засопел носом, очевидно ему дыханье сперло оттого, что незнакомая марка стала теперь на всю жизнь известной.

Девушка в красных штанах, в сапогах, в куртке, похожей на одежду самоедов, вдруг начала рычать, изображая автомобили разных конструкций при чем так удачно, что публика пришла в восторг и наградила ее аплодисментами.

Бутуз вырвался из рук матери и понесся по залам, вертя руками, рыча по автомобильному и брызгая слюной. Этот спектакль был так же одобрен.

Словом, у картин Богатого, точки зрения самых разнообразных по профессиям людей сходились и вырабатывалось общественное мнение. И это было безусловно хорошим признаком. Как свет электрический затмевает луну и звезды, так картины Богатого затмевали свет настоящей красоты и настоящего искусства.

А сам Богатый, инкогнито, ходил по залам и потирал руки. В одной из зал он наткнулся на рыжего художника, который проводил время, в мрачном одиночестве, у своих двух картин. Никто даже и не останавливался, что бы на них взглянуть, все спешили где был народ, где было весело и шумно.

— Так тебе, дураку, и нужно ! — подумал Богатый. Потом он нашел картины седого художника, возле них тоже было пусто.

— Какая пакость эти автомобили с поломанными крыльями! Услышав эти слова, Богатый оглянулся. Он увидел девушку, которая шла под руку со старцем аристократического вида. Старец ответил: — на толпу всегда действуют сатанинские чары. Оглянувшись Богатый подумал: тем лучше.

На другой день Богатый пришел на выставку с тюльпаном в петлице. Весть о его необычайных картинах уже облетела город. Критики, банкиры, журналисты, находились теперь среди многочисленных зрителей. Администрация выставки успела к этому дню прибавить прожекторов и еще лучше осветить картины новой знаменитости. Да и сама публика принесла с собой не мало всяческих аппаратов, дающих возможность изучать искусство научно.

Маленький профессор, направив на картину прибор изрекал: этот автомобиль чудесно изображен, главное потому, что ясно видно: его вытащили из воды пожарные. Какое великое дело! техника! — восклицал он.

— Нет! не то, не то! в азарте кричал другой профессор: — были бы прилипшие, в некоторых местах, водоросли.

— А почему? не есть ли взгляд достопочтенного коллеги, взглядом рутины? — возражал первый — наша наука, давно уже, позаботилась о том, что бы в реках водорослей небыло. А вот пятна кислот отлично видны! Прошу присмотреться даже видны следы от крючков.

— А я люблю рыбку! — сказала очень громко расфуфыренная старуха, до одури надушенная чем то ванильным.

— Люблю индустрию! все что индустрия — меня чарует — сказал человек лет пятидесяти, брови у него были черные, густые, а низ лица как у обезьяны шимпанзе.

Журналисты и критики не обратили на эти слова внимания, а между тем сами были угнетены неразре-

шимой загадкой. Залы ломились от картин, действительно замечательных, а тут эти автомобили с поломанными крыльями, изображенные кое как, ляп тяп и такой успех!

А раз так приходилось и им мудрить. Ну и мудрили конечно, находя несуществующие особенности, будто бы разрешающие проблемы современности.

— Автомобили, автомобили! — говорил критик самый бойкий — как мы, терпите вы всякие невзгоды. Вы наши друзья, вы неотъемлемы от человечества, от прогресса... Ведь, вот, как больно нам видеть ваши изображения в таких изъянах и поломках. Не понесется такой несчастный «Дрин Дрон» за город, не повезет, измученную рычаньем машин и бензинным дымом, семью подышать чистым воздухом, покачаться на травке.

— А есть ли у автомобилей души? — спросила женщина, у которой на груди был крест.

— Безусловно — воскликнул профессор — это когда машина разбита в дребезги, а радиоприемник продолжает работать.

— Жаль, что Богатый этого не изобразил — вмешался в разговор толстяк, с подтеками у маленьких глазок.

На третий день Богатый пришел на выставку, окрыпленный успехом, в новом виде. На нем был, широкий до земли, красный плащ, шляпа черная с лиловым пером, огромные розовые туфли на высоких женских каблуках, в довершение всего этого нос Богатого был украшен большими красными очками. Со всех сторон на нем висели транзисторы и различные индустриальные красоты. Под мышкой, Богатый нес сверток холста и сверток с кистями. Новый тюльпан, вколотый в петлицу был сделан индустриальным способом из новоизобретенного материала. Прежний Богатый исчез — теперь это был такой человек, кото-

рый стоит на командной должности и идет проверять посты.

И по мере того как он двигался, шумные разговоры затихали и с новой силой возникали за его спиной. На Богатом долго задерживались глаза самого разнообразного цвета с одним и тем же выражением затаенного восторга.

Проходя мимо рыжего художника, Богатый, нахально глядя ему в лицо спросил: — ну, что? как делишки, молодой коллега?

Несмотря на грим, художник сразу узнал Богатого по голосу и главное по огромным туфлям.

— Ты, сатана! опять? — прошипел рыжий, сжимая кулаки.

Богатый, взмахнув всеми своими аппаратами, звякая ими словно амуницией быстро удалился.

В зале, где были его картины, он вдруг ослеп.

— Ну, и проказники вы, господа! — вокликнул он, протирая глаза, под очками, ослепленные вспышками фотографических аппаратов. Поправив очки, он увидел множество лиц, рук, блок-нотов, карандашей. Тут ему стукнуло в голову, что среди публики могут оказаться случайно покупатели зонтиков. Мысль эта его напугала. Некое смущение в фигуре знаменитости уловила и толпа.

— Смущается, такой герой смущается — подумали все. Видеть скромность у знаменитости было всем очень приятно, ибо скромность великих людей, совсем не то, что простого смертного.

Две дамы, с противоположных сторон, дотронулись до плаща, как бы для того, что бы не только на взгляд, но и на ощупь проверить существование Богатого.

— Маэстро! — воскликнул человек, обвешенный индустрией — что по вашему лучше: короткая жизнь во славе, или долгая, простая, обыкновенная?

— Долголетие не мешает славе — ответил Богатый.

— Я в восторге от ваших картин — возгласила дама, всеми силами своего шарма стараясь обратить на себя внимание.

— Это очень хорошо — сказал Богатый.

— Вы сочувствуете коммунизму? спросил густобровый с обезьяней челюстью.

— Нет, хотя с другой стороны, я конечно преклоняють перед некоторыми принципами вашего Ленина. — Ответил Богатый. И, помолчал солидно добавил — но я его превзошел.

— Вот, тебе и раз! вскричал обиженный коммунист — Ленина превзойти не может никто! Он гений! Вы только всего навсего художник, а он все умел!

Тщеславие заговорило в Богатом, да и как ему было не заговорить? Вокруг поклонницы и некоторые прехорошенькие, поклонники, деловые значительные люди.

— Ваш Ленин мизинца моего не стоит! — крикнул Богатый.

— Ленин в сто раз выше вас! — ответил своей обезьяньей челюстью политик.

— Глупости говорите! вспылил Богатый, краснея и поводя красными очками туда-сюда на подобье автомобильной прочищалки ветрового стекла. — Ленин! Ленин вы все им бредите. Моя операция и его, разве можно сравнить?

— Картинки с поломанными автомобилями? — крикнул спорщик.

— Да и это! А зонтики забыли!? — На этом восклицании Богатый запнулся, принял таинственный вид и начал поворачиваться, пытливо обводя кольцо окружения очками.

— А-аа! Зонтики! послышался голос из задних рядов — а я то сомневаюсь: как будто тот самый мошенник! он, или не он думаю?... А еслиб ты,

знаменитость, туфли сбросил так я бы тебя сразу узнал.

— Попался — подумал Богатый — вот дурак! как же я так?

— Тайна искусства — зашептали в толпе. О, что это за зонтики? ох, как интересно. — политик не унимался и все доказывал превосходство Ленина. Богатый поворачивался, выигрывая время.

Напряжение в толпе росло. Из задних рядов протискивался сквозь народ неприятный свидетель. — Повторяй за мной — услышал Богатый голос, как бы, в себе самом и в тоже время как бы посторонний.

— О, вы ценители моего искусства! слетело с языка Богатого — как не идет вам, людям цивилизованным поднимать базарный крик и спор, в то время как я так польщен, так тронут вашим же вниманием! О! О! я не ожидал, никак не ожидал, что дорогая публика но заступится за своего покорного слугу.

— Петь то ты умеешь — перебил Богатого голос, продирающегося сквозь толпу.

— Мне тут грубят! плаксиво вымолвил Богатый. Мне!

Но тут уж никто из приличных людей не сомневался в том, что коммунист и какой то злопыхатель, есть подосланные кем то провокаторы. Два молодых человека схватили под руки злопыхателя и вывели его вон из зала и сдали его на попечение полицейского. Коммунист же гордо заявил, что он остается при своем мнении, и добавил, что буржуи только могут с ним не соглашаться, но что это ровно ничего не стоит.

— Богатый, умоляю объясните нам тайну: что за зонтики? и какое отношение эта тайна имеет к вашему искусству? — просила красивая брюнетка.

— Кто потерял кисть!? кричал сторож.

— Это я потерял! — Откликнулся Богатый, прорываясь из окружения. Но тут его хватали, просили, увещевали побыть еще, не уходить.

— Я все напишу, я обо всем скажу, я дам интервью — говорил Богатый отступая и раскланиваясь. Сторож подал ему кисть, словно цветок. Через два шага на Богатого напали представители автомобильных марок. Они стали разворачивать перед ним прейскуранты с фотографиями автомобилей, объяснять, хвалить свой товар. — Потом, потом ! — Отстраняя их рукой говорил Богатый. Он сильно вспотел от страха, ему казалось, что все смотрят на его туфли, поэтому он приседал так, что бы красный плащ волочился по паркету, скрывал ботинки.

IV

Богатый окружил себя журналами и газетами и принялся читать все то, что имело отношение к выставке. Помня, как история с зонтиками ,чуть было, не подмочила его репутации, он побаивался, что и в прессе появится отзвук. Но по мере чтения страх у него проходил и сомненья рассеевались. Про зонтики ничего не говорилось, за то журналисты натаскали в свои статьи о картинах с изображеньями поломанных автомобилей, столько знаменитых имен художников, философов, поэтов и композиторов, что Богатый полез под кровать за энциклопедией. Книжка эта была добыта на помойке, она была сильно растрепана и доброй половины страниц в ней не хватало, ибо она служила Богатому, как некое подспорье для практических нужд.

Все же он несколько имен нашел. — Ну, что-ж — думал он — действительно, меня журналисты вознесли и окружили подходящим общество, но дураки не пишут о главном : писали бы лучше по какой цене окружающие меня художники, продавали свои картины, тогда бы я мог ориентироваться, а так все это ветер. — Надеять, что а вдруг, хоть один журналист найдется поделовитее и посолиднее, Богатый принялся рассматривать остальные журналы.

« Искусство и спекуляция » была озаглавлена ста-

тейка которая привлекла его внимание. Вот, что в ней говорилось.

« Индустриализация построила свой рукотворный мир в мире нерукотворном. Она отделила людей от неба и от земли и мы живем теперь в искусственном мире только для нее и благодаря ей. Многие стихийные явления нерукотворного мира индустриализацией побеждены. Это могло бы быть фактом положительным, если бы искусственный, теперешний мир не создал в замен побежденных, естественных стихий, свои новые стихии искусственные. Индустрия держит нас в железных клещах, она требует от нас к себе любви, она хочет чтобы мы на нее любовались с таким же чувством, как скажем на вечернюю, или утреннюю звезду. Она деспотически требует от нас поклонения; не мы ей, но она нам ставит условия. Мы перед ней оказались беспомощными пигмеями и должны рабски выполнять все ее прихоти. Она поставила нас в такое безвыходное положения, что вся наша жизнь, зависит от действия кнопок. Каждое неверное нажатие кнопки может превратиться в мировую катастрофу. Божественная природа нерукотворного мира никогда не имела над человеком такой власти, даже во времена каменного века. Ни дожди, ни молнии, ни холод, ни жара, ни разливы рек, ни потопы не имели такой порабощающей силы. Этим настроением и воспользовался этот новый художник. Он показал нам полотна с кое как наляпанными, поломанными автомобилями и мы пришли в восторг, залюбовались на них именно так, как прежде любовались наши предки нерукотворной красотой природы. Цивилизация, идущая рука об руку с индустриализацией, вытравила из наших душ всякое понимание истины и красоты.

« Говоря о картинах Богатого, можно сказать, что человек этот просто спекулянт, смекнувший, чем угодить рабам, боготворящим своего сатрапа.

« вместе с природой цивилизация победила и куль-

туру. Осталась только у очень ограниченного числа людей, тоска по культуре. Вот почему иные писатели и художники обращают свои безнадежные взоры в сторону государств коммунистических. Задыхаясь у себя от безкультурья они ищут свежей струи воздуха. Они искали этой струи в гитлеровской Германии. И действительно там, что то как бы оживало, ибо культура происходит от слова культ. Там были культы, которые выразились наглядно в последней мировой войне.

Страна с символом свастики победила всю цивилизованную Европу и оказалась побежденной, когда сразилась с Россией, страной, с символом « серпа и молота » Два « культа » перегрызли друг другу горло. Но от этих культов культуры создаться не могло и не может потому, что оба эти культа тоже порождены цивилизацией. А цивилизация так же не может породить культуру, как сын не может породить своего отца.

« Все, что я пишу, как будто к картинам Богатого мало относится. Но поведение публики на выставке наилучшим образом подтверждает то, о чем я пишу. В картинах этих, если можно назвать мазню картинами, нет культуры. Они подобны тому черному пятну, что светится сквозь прозрачное тело ведьмы. Это духовная грязь, собранная в одно, и представлена в разбитом автомобиле.

« В довершение сказанного могу заметить, что я познакомился со свидетелем, знающим темную историю с зонтиками. Свидетель этот почти узнал в художнике человека, который его надул во время ливня на скачках, продав ему и многим, старые зонтики по огромным ценам ».

Последние слова Богатого бросили в жар. Он отшвырнул газету, но потом снова взял разгладил, прочел подпись под статьей. Имя незримого врага было : Игнат.

На вопрос адвоката : — как поживаете маэстро? Богатый ответил : постепенно, метр, постепенно! — После этого маэстро и метр уселись по обеим сторонам заваленного папками стола. Богатый был в полном облачении, правда красный плащ и шляпа с пером остались в передней, но красные очки были на носу, желтые ботинки на ногах, тюльпан в петлице. Для довершения общего впечатления Богатый, нарочно, пришел с мазком синей краски на груди и голубой на колене. Адвокат же, наоборот, был очень далек от всякой художественной неряшливости. Он возвышался над столом, в виде очкастой змеи. Но может быть, еще легче можно себе его представить, если вообразить топор, нацепивший на свое острие огромные роговые очки. Рукоятка топора ровнехенькой трубкой уходила в белейший воротничек, повязаный черной бабочкой. Дальше шел костюм именно такой гладкий и скользкий как кожа угря.

Вот почему первое впечатление было : похож на очкастую змею, а уже только второе на топор в очках.

Знаменитый художник и знаменитый адвокат отлично знали, что не какие то пустячки заставили их встретиться и сесть за стол.

— На дворе холодно — сказал Богатый.

— Сезон такой... зима — ответил адвокат. — Мне очень нравятся ваши произведения. Удивительно, удивительно, поразительно!

Богатый приложил руку к сердцу. Ему показалось, что пора приступать к делу.

— Вот тут — сказал Богатый, вынимая из толстого портфеля газетную вырезку, пасквиль на меня и на все человечество, не угодно ли прочесть.

Рука адвоката, привыкшая держать значительные документы, брезгливо двумя пальцами, взяла вырезку и поднесла к глазам. Чуть взглянув, адвокат тот час же положил вырезку на стол и сказал :

— Я уже знаком с этой статейкой.

— Как ? Уже ? — удивился Богатый. В этот момент, как видно для того, что бы показать клиенту, и другие свои знания, адвокат вытянул шею, наклонился через стол и, как бы, случайно несколько секунд провел в рассматриваньи ботинок Богатого.

Богатый все предвидел, все знал, поэтому он сразу понял и то, что адвокат его уже перехитрил и тоже все понял. Тут бы казалось и выложить карты на стол, но нет, Богатый не так прост. Адвокат тоже был не так прост. Богатый, сняв очки и протирая их носовым платком, грустно сказал : да как видите, мы художники часто подвергаемся незаслуженным оскорблениям. Таков уж наш удел. И не будь у нас верной защиты в лице законов и справедливости было бы нам совсем плохо.

— Но какая наглость, как можно так клеветать ! — заявил адвокат.

Таким образом оба деятеля, отлично понимая истину, сразу же накинули на нее вуаль и закличили как бы некий пакт о неприкосновенности к правде. Адвокат уже знал, что будет защищать мошенника, а Богатый знал, что не смотря на то, что орешек раскушен, можно этому специалисту спокойно поручить свое мошенническое дело. Для верности он все же попристальнее взглянул на своего защитника. Сомнения в том, что эта скользкая фигура пролезет в любую щелочку, быть не могло. Излагая план наступления, метр начал всем своим телом демонстрировать пролазы в невидимые щели. Он то вытягивался, утончаясь то втягивался, утолщаясь. В конце всех этих манипуляций выяснилось, что следует на Игната натравить прессу, с обвинением его в фашизме, эта дискредитация журналиста-нахала подорвет доверие публики к его писаньям. Второе решение касалось редакции, с нее решили потребовать возмещения денежного за моральный убыток.

На этом решении и остановились. Богатому оста-

валось, как это принято в таких случаях, дать задаток, и распрощавшись уйти. Но вместо этого Богатый начал очень сердечно пожимать руку адвоката, наговаривая ему множество приятных вещей.

Адвокат вытянулся, утончаясь до чрезвычайности и заулыбался : — маэстро, смею вам напомнить, что мне предстоят не малые расходы.

— О, да, конечно ! воскликнул Богатый, делая вид, что не понимает намека.

— Дайте мне хоть половину ! — уже почти потребовал адвокат.

— Ах ! рассеянность, мы художники, всегда так, в делах знаете, хуже баб ! — ответил Богатый и полез в карман. Вытащив свой, фальшиво ломящийся от валюты кошелек, на две трети набитый простыми бумажками, он сделал широкий жест, выразил на лице удовольствие с которым готов щедро расплатиться. Но когда адвокат уже пустил слюнки, засмотревшись на кучу денег, Богатый хлопнул себя по лбу и воскликнул : — не могу ! забыл ! не могу ! О ! какой же я дурак ! Я же должен немедленно ехать в клинику и платить за операцию моего единственного ребенка ! Смилуйтесь, метр ! Ведь у вас будут деньги, вы получите с редакции. Тогда и расчитаемся, я вас не обижу.

Адвокат видел Богатого насквозь, он отлично знал, что никакого ребенка не существует, что он ни в какую клинику не поедет. Но тут произошел странный случай, очевидно у адвоката была, какая то, особенная совесть профессиональная, ему показалось, что нарушить пакт о неприкосновенности к правде, даже и в этом случае бесчестно.

— Ну, что ж, если у вас ребенок болен — сказал он с отчаяньем глядя на исчезающий кошелек.

— Да ! да, — уверял Богатый, хлопая метра по плечу — спасибо вам, надеюсь вы будете держать меня в курсе дела ?

— О ! да, о да ! не беспокойтесь маэстро, все будет

сделано, — уверял адвокат даже улыбаясь, в то время, как улыбаться ни за понюшку табаку, ему было необычайно больно и трудно. С этими улыбками он довел клиента до двери и когда Богатый вышел, плавно закрыл за ним дверь.

— Ну, вот дело сделано и довольно удачно — подумал Богатый, выйдя на улицу. Ему давно уже хотелось побывать в ресторане, где, как специальность, подавались жаренные ежики. Он все отказывал себе в этом удовольствии, но теперь решил вознаградить себя за то, что сумел провести вокруг пальца даже знаменитого адвоката. Богатый поискал у себя в голове адрес ресторана, нашел его и быстрыми шагами пошел есть ежика.

V

Проданные Богатым картины уже улетели на аэропланах и автомобилях во все части земного шара. А он открыл счета в разных банках и острил свой ум на новые мошеничества. Рыжий художник наконец собрался с духом что бы пойти на выставку и забрать свои, никем не купленные картины.

Спускаясь с лестницы, он прислушивался к каждому шороху. Встречаться с соседями он вообще не любил, а теперь после выставки, в особенности. Надежда продать картины и тогда удивить всех своими деньгами и славой рухнула. Державшийся на этой надежде иммунитет против людского презрения, потерял свою силу. Рыжий художник почувствовал себя перед всеми людьми безпомощным потому, что в оправдание своей неприспособленности к жизни не мог даже сам для себя привести ни одного довода.

На последнем повороте лестницы он приостановился, что бы найти подходящую минуту для пробега мимо окна сторожихи. Потрескиванья радио и бойкий голос спикера, сообщающего этой почтенной даме последние политические новости, показался хорошим признаком. Рыжий художник бросился стремглав вниз, но не тут то было : сторожиха вдруг распахнула дверь.

— Мне нужно с вами поговорить серьезно — сказала она зловещим голосом — хозяин требует плату,

если завтра не заплатите подаст в суд. Как же вы так : молодой, здоровый, а работать не хотите? Ведь это стыдно, неприлично! Кто работает и автомобиль себе купит и телевизор. А вы, право, неизвестно, чем занимаетесь. Я бы на вашем месте бросила блажь!

До этого места рыжий слушал почтенную даму, опустив голову, но тут круто повернулся и широкими шагами вышел на улицу.

— Как она меня поймала? — удивлялся художник, быстро шагая среди толпы. — У них просто чутье какое то необъяснимое — думал он с горечью и ему казалось, что даже прохожие как то особенно с неприязнью смотрят на него.

В опустевших залах выставки, он наткнулся на полотеров и упаковщиков. Когда он входил рабочие предавались мирной беседе, но увидев издали новое лицо засуетились. Один стал забивать гвоздь, другой завязывать узел, а полотеры пошли мотать ногами.

По мере приближения художника, рвение рабочих постепенно сошло на нет. Им даже стало неловко за проявленную прыть перед таким незначительным лицом. Художнику тоже было неловко потому, что он вызвал своим появлением испуг и суету. Но он ничего не сказал рабочим, рабочие тоже молча провожали его своими взглядами. Замечая на его груди крест и лиру они, не стесняясь, дерзко ухмылялись.

Переносить это молчаливое презренье рыжему художнику приходилось не впервые. Но сегодня оно его особенно сильно ранило.

Он очень хорошо понимал, что если бы он начал служить Богу, одному Богу, или только одним людям, то он не мог бы служить искусству. Оно слишком много брало, слишком много требовало. Служенье ему требовало другого поста, другой молитвы, других лишений, оно требовало полного отхода и от мелочных человеческих интересов. От денег, от спекуляций, от нового

мира индустрии, уводило оно художника на тот путь, что ставил между ним и обыкновенной человеческой жизнью непроходимую преграду. Поэтому среди людей он чувствовал себя всегда одиноко и глупо.

В зале, где висели обе его картины, полотеров небыло. Он вздохнул свободнее. Не так сама дорога, как переживания утомили его. Перед тем, как взяться за упаковку картин он захотел передохнуть и присел на подоконнике. Серый голубь слетел с железной решотки за окном. Жив еще, каким то чудом — подумал художник, протер запотевшее стекло. Новые небоскребы возвышались над старыми домами. Машины разрушали небольшую виллу. Дымилась пыль, грохотали, торжествуя победу, моторы. Один рабочий взмахивал молотом. Художник видел взмах сначала, а через некоторое время долетал стук. — Сначала ударит, а потом стучит — пришло ему в голову.

Вдруг хорошо смазанный жиром голос прозвучал за спиной.

— Ну, что, как делишки? — Рыжий художник нервно оглянулся и увидел Богатого в красном плаще в шляпе с пером, в красных очках.

— Жалееш теперь? вот сколько у меня денег! — сказал Богатый, показывая руками толщину пачки.

— Пошел вон, сатана! Крикнул художник, сжимая кулаки. Красный плащ, повернул спину и разбрасывая полы быстро исчез в дверях. Художник, с новым приливом — усталости, снова присел на подоконник, и приложил руку ко лбу. Он не видел, но чувствовал спиной, как в дверь заглядывают рабочие.

Это ему мешало, делая вид, что ничего не замечает он продолжал неподвижно сидеть. Теперь он уже знал то, в чем боялся сам себе признаться. За мыслями сознательными и отчетливыми, работали другие мысли беотчетные. Он слышал их где то в себе, но не хотел придавать им значения. Они победили на мгновенье

явь, когда он, словно во сне выбирал веревку для пакета покрепче, посолиднее. Теперь он добавил, к прежней неясности, что веревка выбрана хорошо и выдержит. Что она выдержит? Было еще однако не совсем понятно. Легкое, как дым, воспоминание встречи со сторожихой, угроза суда, выселение на улицу, подводили итог под многие другие разочарования. Но все же главной тяжестью на душе лежала беда, раскрывающая ему глаза на его положение в мире искусства. Как много сил, интелектуальной энергии вложил он в последние свои картины! Они казалось выпили всю кровь из жил. И никто не увидел его труда, никто не оценил. Тысячи людей прошли мимо, даже не удостоив их мимолетным взглядом. Принесенную веревку начали щупать и теребить его пальцы. Он бросил взгляд на крючки в стене, оставшиеся от увезеных чужих картин и подумал: — Рабочие скоро должны уйти на обед. — И потянулось время ожидания. Иной месяц проходил быстрее, чем минута теперь. Рабочим надоело заглядывать в зал. Словно каменный сидел рыжий художник на подоконнике, устремив свои глаза в блестящую точку паркета. А второе зрение его начинало видеть нечто похожее на сны. Он видел родные горы, озеро в зелени камыша, отражения белых стволов в воде, склоненные над водой ивы, видел себя среди высоких душистых трав и крапа тысячей цветов. Небо, солнце, блеск снега на вершинах. Казалось ему, что то был рай, из которого его неизвестно кто изгнал.

Но это видение возбуждало в нем жалость к себе. Совсем не это нужно было ему сейчас для выполнения задания неимоверно трудного. Художник отстранил от себя все свое человеческое счастье и заставил себя видеть другое. Над деревьями солнце. Тропинка сада наполнена тенями шевелящихся листьев. По тропинке продвигается ежик. Мальчик к нему, ежик превратился в серый клубок иголок. Застыл в неподвижности.

Мальчик вынул из кармана новенький финский нож раскрыл его, ему хочется омыть кровью свое оружие. Еще и теперь содрогается от отвращения к себе рыжий художник, видя как блеснувшая в его руке сталь, вонзается в несчастное животное и как потом с лезвия капает невинная кров.

Какая низость! восклицает почти в слух художник. Следующий сон : у него в руках дробовое ружье. Бежит рыжая, в белых пятнах чужая собака, она воровка, говорят, нужно ее убить. И мальчик стреляет. Жалобный собачий визг пронзает уши художника, он ясно видит как собака с перебитой лапой убегает.

Это уходит и вызывает художник новый образ и видит, как он отдает деньги проститутке, те деньги, на которые мать послала его в аптеку купить лекарство больному отцу. Потом, как он бежит из дому в огромный город, как нуждается, как работает на фабрике, как учится в школе живописи. И опять делает гадость за гадостью. Накрывает в ресторане ногой, кем то уроненные, деньги, и делая вид, что уронил носовой платок, подбирает их и воровски оглядываясь сует в свой карман. И каких только проституток он не имел? Перед ним проходит серия дешовых, страшных женщин. — Страсть, о этот ужас! Куда она не бросала меня? — думает он и кажется ему, что выполнитъ задание будет ему теперь легко, как только уйдут рабочие.

И они, наконец, он это чувствует, уходят. Тишина воцаряется в залах. Художник поднимает словно налитую свинцом голову и пристально смотрит на свои картины. От картин повеяло чистотой, девственностью, любовью к миру, к природе, к людям. Повеяло от них тем светом, тем раем из которого он был изгнан в первом своем видении. Рыжему художнику почудилось, что это не он написал их. — Столько подлости во мне, столько ужаса — думал он разглядывая картины — почему же в них ничего этого нет, как же

может такое низкое существо, так высоко подняться? И дальше он уже просто думал, без сновидений — все таки нужно, необходимо, нужно, именно, потому, что я так двойствен, так непонятлив к лучшему в моей душе, так глуп среди людей, так никчемен, ненужен и так преступен. — Он опустил глаза, перевел их на сжатую в руках веревку и стал внимательно завязывать петлю.

Сосредоточенность была такая, что он не сразу почувствовал в зале присутствие второго лица. А вместе с тем легкие, быстрые шаги слышались четко.

— Опять сатана — внутренне воскликнул художник, чувствуя, что кто то дышет и смотрит. Он вскинул голову в полной уверенности, что увидит красный плащ и отвратительную самодовольную морду Богатого. Неожиданность, или вернее, предвзятая настроенность, была до того сильна, что художник, в первое мгновенье, даже, как бы, увидел Богатого, сквозь несуществующую фигуру которого, начали проступать голубые блики платья, серебрянного пояска, голубого платочка, лакированной сумочки. Потом он увидел большие финиковые глаза, чистый девический лоб, ровный нос, брови слегка нахмуренные. Все эти разрозненные части, только через добрую секунду, собрались в целый сноп ясного, как солнце света, и превратились в стройную высокую девушку в голубом пальто.

Художник смотрел на нее с мистическим ужасом, держа в руке недоделанную, петлю.

Он видел ангела девушку, а губы его еще были сложены для того, что бы послать проклятье Богатому и всему своему прошлому. До того сильна была в нем решимость покончить раз навсегда с жизнью, что он едва не крикнул!:

— Уходите, вы мне мешаете! Однако петлю он спрятал под колено.

— Простите — сказала девушка — может быть вы знаете к кому я должна обратиться? Я хочу купить эти картины.

— Какие? спросил он, пробегая по пустым стенам своими похожими на серебрянннные ложечки глазами.

— Вот эти две, других же нет.

— Так это ж мои! — воскликнул он, делая на лице улыбку, что бы скрыть потрясение, похожее на ужас.

— И вы их продаете? я так мечтала их купить, они такие чудные, таких не было на выставке, и мой дядя был в востороге.

— А, конечно, продаю! — вдруг ляпнул он почти грубо, ибо волна торжества поднялась в его душе мстительная, относящаяся ко всем тем, кто не оценил.

— Ну, так як покупательница, пропуская грубость художника мимо своих маленьких, красивых ушей, казалось созданных слушать одни песнопения — спокойно сказала она и устремила свои финиковые глаза на картины с явным восхищением.

— А какая цена? протянула она своим мелодичным голосом, от которого у художника сжалось сердце и чуть не выступили слезы.

Но несмотря на это он бахнул такую цену о которой и не мечтал никогда. Это была, своего рода, проба : хотелось знать действительно ли ей так нравятся картины?

И как ни в чем не бывало, девушка вынула из сумочки чековую книгу и подняв колено, стоя на одной ноге, стала на колене своем, выписывать многотысячный чек.

— Вот — сказала она опуская ногу — пожалуйста.

Художник небрежно, не глядя, сунул чек в карман и подойдя к стене снял обе картины и поставив их на паркет, молча принялся упаковывать их в бумагу и обвязывать веревкой, на которой ему пришлось распутывать недоделанную петлю.

Он стоял на корточках, она возвышалась над ним внимательно следя за упаковкой. — Вот тут, подверните бумагу лучше, а то можно поцарапать — говорила она. А он видел близко, ее маленькие туфельки и ему приходило в голову что это вещи иного мира. Он поднимал глаза смотрел на нее снизу вверх и ему чудилось, что в голубом пальтишке воздушность и свет. Вставая, он пошатнулся и упал бы, но в это время она схватила его руку своей неожиданно сильной рукой.

— Спасибо, я поскользнулся, спасибо! — говорил он, уже твердо стоя с пакетом в руках. Она весело смеялась. И, что это был за смех! Это был настоящий смех, такой которым смеялись в прежние времена, он исходил от души, он не таил в себе подлога, он был серебрист, как звон ангельской арфы.

— Какая у вас сильная рука, а вы сами, так воздушны, так хрупко женственны — старался художник сказать комплимент.

— О, если бы вы знали, какая я не хрупкая! О, нет, я не кисейная баришня, могу такое, что и мужчинам не снится.

И как-то так само собой вышло, что они уже шагали к выходу. Выход перечеркивался наискось уймой белых нитей. Снежная манна сыпалась, соблюдая свой натянуто струнный строй.

— Переждем? у нас нет зонтика — предложил галантно, художник.

— Зонтика? переспросила она с таким видом, словно он предлагал ей сделаться посмешищем. И она смело вошла в белую вьюгу. Он пошел с боку приглядываясь. Его поразил тот новый облик, что приняла девушка на воздухе. Она, вопреки большинству красавиц, которые, обыкновенно, выйдя из искусственной обстановки салона, сами искусственные, и потому ей созвучные, сразу на улице теряют половину своего

шарма. Эта наоборот : цвет лица ее разгорелся, финиковые глаза засияли, тонкие ноздри раздулись. И снег, и ветер, и вьюга все это шло к ней, как удачно выбранное платье.

Процессии автомобилей с белеющими крыльями и крышами, размазывали шинами белизну превращая ее в ляпающую по сторонам, грязь. На тротуарах чернели следы подошв и кучи народа, покрытые зонтиками, спешили, как можно скорее очутиться под крышей. Она приостановилась — Бумага не промокнет ? Мои дорогие картины не испортятся ? И не успел художник ответить, как на них налетели со всех сторон зонтики, осыпая их снежной пудрой чуть чуть не выколов им глаза. Один зонтик даже задел художника спицей по голове. — Нет, все в порядке — ответил он и они быстро вышли из окружения. Иногда он в последний момент, успевал остановить свою спутницу и перед их носами проезжал автомобиль с ходящими по ветровому стеклу прочищалками и с седоком за рулем, с выпучеными устрашающе глазами. Иногда бывало наоборот. Один автомобилист приложил руку ко лбу, потому, что если бы она не отскочила, наехал бы.

— Мерзавец ! завопил художник — едва не убил даму и еще честь отдаешь ? ! — Зонтики вокруг пришли в движение. Иные одобряли художника, иные стояли за автомобилиста.

— Извините, что я немного забылся — обратился рыжий художник к своей спутнице. Вы себе представить не можете как меня волнует это отдавание чести. Сидит жирный боров за рулем, в штатской шляпе, в штатском костюме и сидя отдает честь. Это по моему профонация, наглость равной которой нет ничего уродливее, гаже. Автомобилисты за рулем, одержимые эгоизмом, злобой, распространители вони, и рыка присвоили себе рыцарский символ благородства. Это меня потрясает. Так что ради Бога простите.

— За что? Вы совершенно правильно поступили. На них нет никакой другой управы кроме ругани. — ответила девушка.

— Отвратительно а вот действительно ничего нельзя сделать — подтвердил рыжий художник с радостью.

— В ваших картинах я почувствовала, именно то что тут у вас прорвалось на улице. Я терпеть не могу всего этого — с этими словами девушка широко развела руками.

Художник ничего не ответил. Они шли некоторое время молча, шли быстро.

Вот тут я живу — сказала девушка, указывая на зажатую двумя небоскребами виллу. Художник хотел передать ей пакет с картинами. Но девушка и не подумала его принять.

— Зайдем ко мне позавтракаем вместе, я одна, дядя Вася в деревне кстати и погода исправится — сказала она, шагнула, взялась за ручку калитки. Только что пережитый страх перед самоубийством показался художнику пустячком в сравнение с тем страхом что внушала ему красота этой девушки. Все сердце его рвалось к ней, она для него была так дорога, так несказанно дорога и так чиста была в нем начинающаяся любовь, что остаться с нею наедине, представлялось ему чем то вроде невыносимой пытки. Борьба, сумасшедшая борьба с самим собой происходила в художнике.

Он трусил самого себя, потому что весь изнывал от страстного вожделения. Трусил потому, что не мог за себя поручиться. Калитка открылась. Голые белые деревца, запорошенные снегом клумбы показались у входа в дом.

Девушка не оглядываясь пошла. На незапятнанной дорожке стали обозначаться черные следы туфелек. Смутно вспомнив чей то совет художник начал своими

старыми ботинками точно попадать в маленькие следы. Так ступая, укорачивая свои обычные шаги в соответствии с ее шагами, он знал, что творит колдовство. Еще лучше было бы вырезать ее след из земли и носить на груди.

Под навесом она сбросила с головы платочек, отряхнула снежную крупу, словно манной небесной запорошилось крылечко. Художник увидел толстые косы лежащие на ее голове короной. Они были, как глаза : цвета спелых фиников. В прихожей, в сумерках художник почувствовал благоговейный трепет с которым дом встретил свою хозяйку.

Резьба на деревянных перилах лестницы, оленьи рога над вешалкой, белые двери с золотыми каемками, рассеивали его внимание. Он вспомнил, что полагается помочь даме снять пальто, только когда дама уже сама его сбросила. Делать было нечего, он снял свою куртку и неловко повесил. В салоне на веселые шаги хозяйки, легким звоном отозвались хрустальные подвески венецианской люстры. Обтянутая белым шелком мебель стояла вокруг овального стола на золотых пузатых ножках. Ножки утопали в мягком голубом ковре. Белые сторы тяжелыми складками обрамляли оба окна. Они были перехвачены золотыми поясами, на подобие дам в кринолинах.

Между окнами стоял белый рояль. Золотились восковые свечи. Темные портреты смотрели со стен.

Входя в зал художник с особенной ясностью почувствовал бедность своего наряда. Тут ему пришло в голову, что старые носки могли в дороге протереться на пятках. Эта мысль сразу убила в нем все иные мысли и чувства. Он даже, как бы, забыл о красоте своей покупательницы. Ему стало важно только то, что бы она не увидела его голой пятки. В этом чувстве стыда за свою пятку сосредоточился весь художник. Он чувствовал себя буквально провалившимся в тартарары.

Что бы занять одеревеневшего гостя, девушка стала показывать ему портреты на стенах и объяснять кем были эти люди и в каком родстве она к ним находится.

Она заметила, что гость как то все странно поворачивается как бы занимаясь только тем, что бы не показать своей спины.

— А это — сказала она показывая на одну фотографию — я и мой Маврик. Он убился на барьере в скачке. И спас своей смертью жокея.

Я часто о нем думаю и плачу. Бердяев, где то, говорит о том, что надеется встретиться со своими умершими друзьями-животными в раю и, что если их там не будет, рай покажется ему не полным. И это верно, я тоже так чувствую. А кто вам больше нравится я или Маврик?

— Ну, что вы, разве можно сравнивать?

— Очень даже можно! дядя Вася говорит, что на земле самые прекрасные созданья женщины и лошади.

— Да, конечно вы красивы и конь ваш красивый... Но я бы хотел знать ваше имя я досих пор не знаю...

— И верно! Моя фамилия Горленко, а моя Марта, прошу называть меня просто Мартой — ответила она со смехом. — А вы, как в каталоге было написано: Марк Банкле?

— Это точно так — ответил художник с облегчением потому, что Марта вышла из за его спины, и он надеялся, что она ничего не заметила.

— Однако, что-ж я болтаю, обещала завтрак и не думаю исполнять обязанностей хозяйки!

Марта, напоминая ласточку в солнечных небесах, каждым своим движением выражающую радость жизни, выпорхнула из салона.

Марк поднял левую ногу и посмотрел на пятку через плечо, носок оказался целым, он поднял правую,

повернул голову и посмотрел через другое плечо. Голая пятка нагло белела из стрепок. Художник быстро присел на кресло, снял туфлю, подтянул носок завернул его под пальцы и снова обулся с такой поспешностью словно спрятал украденную вещь.

Марта вкатила в комнату столик с едой, бутылкой вина и посудой. Столик был низкий, она высокая. Ей приходилось идти сильно нагнувшись. Колесики вгрузли в ковер, посуда зазвенела. Но Марк не помог. Скосив глаза, еще не разогнувшись, Марта внимательно осмотрела художника. — Плохо воспитан — подумала она. Выпрямившись и указывая ему место и предлагая сесть за стол она увидела, что гость, как бы угадав ее мнение, покраснел. Когда он садился в движениях его была какая то скованность. — Нет, не воспитание виновато, а я — переменила Марта свою догадку. — Я его так сильно волную, что он силясь унять внутреннее волнение, наружно весь сжимается. Это ей очень понравилось, потому, что она увидела в художнике натуру правдивую, неумеющую притворяться в то время когда мысли и чувства охвачены одной страстью, одним желаньем. Открыв эту цельность натуры она конечно сразу поняла, что гость ею покорен. Она поняла и то как нужно пробиваться сквозь наружную оболочку к настоящему Марку. Задача показалась ей заманчивой и стоющей. Из ангела ей предстояло превратиться в простую, доступную всем человеческим страстям женщину.

Она предложила выпить за будущий успех его творчества.

— Нет лучше за ваш успех! — ответил он потупившись. Марк едва прикасался к еде, он стеснялся, отказывался. Марта подкладывала ему на тарелку еще, и принуждала есть. Марку хотелось показать хорошие манеры, а на деле выходило у него все, не только не манерно, но наоборот грубо и неловко. На

скатерти вокруг его прибора образовалось несколько пятен. Разговор вела одна Марта. Участие в нем Марка заключалось в односложных ответах.

— Крест и Лира что у вас на груди, это знак общества в котором вы состоите? — спросила Марта.

Марк почему то всполошился и уронил нож под стол. Он нагнулся что бы его поднять. Нож лежал у открытых выше колен чудесных ножек Марты. Она почувствовала, что художник любуется ими там под столом и потому слишком долго ищет нож. Когда он поднялся, лицо его было красным. Марта попробовала заглянуть ему в глаза, но это ей не удалось. Уткнувшись в тарелку Марк начал работать усердно вновь приобретенным ножем. Она напомнила ему свой вопрос.

— Нет, это мое личное, я люблю крест и люблю лиру — ответил Марк рассеяно.

— Ваш знак, — сказала Марта — он навевает мне мысль о чем то хорошем. Ах, стойте! — воскликнула он положив руку на руку художника.

— Что? — спросил Марк замирая в блаженстве от прикосновения ее тонкой, загорелой руки.

— Давайте мы с вами организуем общество под именем «Крест и лира» Вот идея! Хотите?

— Общество художников? спросил Марк.

— Нет, не художников. Видите ли мы с моим дядей Васей хозяйничаем, у нас ферма. На этой ферме мы возвращаемся к прошлому. Мы достали и отремонтировали старые машины, приспособленные к конской тяге. Мы заменили тракторы лошадьми. Мы силимся показать пример. Нам хочется доказать что без природы люди не смогут жить. Мы ненавидим все новшества. Спросите любую хозяйку довольна ли она продуктами искусственного производства? Ведь теперь все овощи фальшивы, все фрукты, яйца, мясо, молоко. Все стало ядовитым. Это уже теперь, что же будет дальше? Мы например даже запретили въезд авто-

мобилей и вообще всех машин на территорию нашей земли. Во мне душа Юлиана Отступника. Будь моя власть я бы создала костры из автомобилей, телевизоров, холодильников и всей этой чертовщины. — Все это Марта сказала быстро, взволнованно. По мере того как она говорила лицо ее озарялось все сильнее и сильнее внутренним светом. Душа Марка открывалась так, словно, он слышал ангельские голоса. Куда девалась его застенчивость неловкость. Перед Мартой, как бы из ничего, выростала и открывалась личность художника. В его подобных чайным серебрянным ложечкам глазах загорелась твердая воля, решительность. Глаза эти стали темнее, рассеянный блеск сосредоточился в них в две горящих точки. Он стал красив. Марта почувствовала в своем сердце толчек.

— Жертвуете свой « Крест и Лиру » для имени общества ? спросила Марта.

— Не только знак, но и самого себя жертвую ! — Берите меня всего ! — Воскликнул художник глядя промо в глаза девушки.

— Выпьем на брудершафт — предолжила Марта. Марк ловко встал, красиво поднял бокал, смело схватил руку Марты своей рукой. Они залпом выпили вино, бросили на пол бокалы.

— Ты дурак ! — выругалась Марта.

— Ты ведьма ! — выругал девушку Марк.

— Мы возьмем своим девизом слова Достоевского : только крестьянский труд приближает человек к Богу. — сказала Марта усаживаясь на диван. Марк подсел к ней. Марта перестала для него быть недосягаемым божеством. Будущее общее радостное дело, разряжало его напряжение. Он почувствовал себя другом, товарищем.

Взявшись за руки они долго обсуждали законы будущего общества. Решили что членами его должны быть только люди интеллигентные. Ибо только они смогут понять задачу в полном объеме. Кроме того

только они увидят иначе чем например рабочие или даже крестьяне, благотворное влияние труда над землей на всю психику человека.

На дворе потемнело. Марта развязала шторы. Они упали, закрывая окна. Она зажгла электрическую лампочку на рояле. — Тебе как ? спросила она — электрический свет не противен ? я лично отвыкла, у нас свечи, керосиновые лампы.

— Ну его к черту ! потуши — ответил Марк.

Стало совсем темно. Но Марта очевидно в темноте видела. Ни на что не наткнувшись она подошла и села на прежнее место. Марк ничего первое время не видел, слышал только шорох ее платья, да чуть слышный звон хрусталя люстры. Потом он привык к темноте. Светились глаза Марты, чуть чуть не сливаясь с мраком белело ее лицо.

— Марк я не девушка — прошептала Марта — Он отшатнулся — да представь себе я была замужем, но разошлась. Муж мне попался технически — телевизьенно — автомобильный. Я его возненавидела всей душой. — Настало молчанье довольно долгое.

— У тебя была любовь ? — еще тише спросила Марта. Ее дыханье трепетало на ухе Марка. — Нет никогда — ответил он.

— Как же ты жил ? — Марк глубоко вздохнул, потом порывисто задышал и ответил — врать не могу я пользовался проститутками.

— Благополучно ? — спросила Марта. — В смысле заразы ? Да, вполне.

Марта приблизила свои губы к его губам.

В дальнейшем Марта командовала. Она в темноте пересадила Марка на тумбу у рояля. Он был беспомощен в темноте. Замирал, ждал слышал, как шуршит ее платье, что то белое взметнулось. Он почувствовал на себе горячее, порывистое дыханье...

VI

В построенном по последним техническим правилам доме, Богатый приобрел квартиру. Он выбрал себе этаж тринадцатый, это число ему нравилось. Принимая помещение, он не упустил ли одной мелочи. Стены, паркет и потолок Богатый изучал при помощи лупы. Изучал рамы окон, дверные запоры. После некоторого размышления он вызвал слесаря и на каждую дверь поставил кроме существующих еще по два замка. Электротехник поставил добавочные звонки и сирену тревоги которая была так устроена, что ревела, если входил злоумышленник. Богатый так же проверил с градусником в руке температуру горячей воды и выругал заведующего за то, что нехватало четверть градуса. Квартира отапливалась посредствам труб проведенных под паркетом. Подошвы у Богатого делались горячими, ноги потели. Воздух стоял сухой и с непривычки у Богатого болела голова. Однако все это было простительно потому, что критиковать последнее слово техники, Богатый не сомневаясь ни одной секунды, посчитал бы варварством. Паркет отражал, как зеркало, окна, двери потолок, и самого Богатого. В этом было много приятного, ибо Богатый считал, что отражаться в паркете своей собственной квартиры это значит быть человеком самого высокого качества.

Внизу на тротуаре уже стоял новый « Дрин Дрон ». приобретенный на прошлой неделе. Богатый иногда

смотрел на машину из окна и любовался блеском лака. А в квартире хозяйничал декоратор. Несколько рабочих, в синих блузах втаскивали и расставляли под его руководством мебель.

На потолках развешивались старинные люстры, изуродованные проводами и электрическими лампочками. Лампочки эти имели формы огненного языка свечи, даже конец стекла был так закручен как пламя свечи от дуновенья ветерка. Но несмотря на все старанья индустриальных мыслителей ничего общего между светом этих лампочек и светом свечей не получалось. Гармония между трепетом свечей и блеском хрусталя, при электричестве, исчезала. Получалось ни то, ни се. Красота, притянутая за волосы, наглядно тосковала по старине.

Все комнаты, за исключеньем спальни, декоратор обставил мебелью современной. В спальне же поместилась кровать старинная, с балдахином и ночной столик из красного дерева ручной работы и кресла старинные, и туалетный столик с зеркалом овальным и со многими отделанными серебром ящичками.

Кухня превратилась в фабрику. Машин в ней стояла уйма. А полотенца кухонные вплоть до половых тряпок должны были показывать, что живет в квартире знаменитый художник. Поэтому на всем этом тряпье были отпечатаны репродукции со знаменитых картин эпохи возрождения.

Почтовый ящик Богатого был каждый день набит прейскурантами, и письмами. Часть кореспонденции не вмещалась в него, поэтому Богатый находил много писем подсунутых под дверь. Кроме деловых предложений были и предложения чисто любовного характера. Даже на его дверях, парадных и черных, было много надписей мелом и карандашем. « Богатый я вас люблю » или « Только кивни мне пальцем и я буду твоя » или « Покатай меня на Дрин Дроне » или

« Я как автомобиль хороша, думаю о тебе, Богатый, день и ночь ».

Когда с устройством было покончено, Богатый ни гроша не заплатил декоратору, под тем предлогом, что кто то из рабочих оставил отпечаток пальца на стене в ванной. Из за этого началась колосальная переписка. Декоратор присылал счет, Богатый его отсылал обратно, без объяснений сначала, а потом с объясненьями, потом снова без объяснений и так тянулось и тянулось это дело.

Да и мебельщики никак не могли получить за мебель сполна. Богатый умел находить предлоги. А что касается телевизоров которых у него было шесть, то и подавно Богатый за них не платил. Фабриканты и без денег были рады, что им удалось всучить свой товар такому лицу. Ведь этим они могли воспользоваться, как рекламой « Нашу марку выбрал Богатый » стояло теперь во всех их прейскурантах и это помогало.

Богатый ездил на « Дрин Дроне » ему теперь прислуживал за столом лакей-негр, Богатый спал в постели, будто бы когда то принадлежавшей известной графской фамилии.

А вокруг его персоны закручивались дела узлами, которые приходилось распутывать. Тот зонтичный клиент не отставал и попискивал где то. Но это был пустяк, ему все равно никто не верил, ибо пресса признала его подставным лицом журналиста, фашиста. Приходил и старьевщик у которого Богатый купил зонтики, но после некоторого неприятного разговора, принужден был оставить надежду навсегда и уехать домой ничего не получив, потому что Богатый пригрозил ему судом за шантаж.

Хуже всего обстояло дело с седым художником, который подал на Богатого жалобу, обвиняя его в плагиате.

Ночью Богатый изобретал новые комбинации, обду-

мывал их самым тщательным образом. Думал он и том как затемнить и уничтожить следы своих прежних предприятий... Проснулся он часов в десять и пошел в ванную комнату. Негр уже приготовил ванну. Он сразу же показал термометр. Богатый посмотрел, сбросил пенюар и влез в воду. Лакей тер губкой ему спину. Потом вытер своего патрона мохнатой простыней. Потом он подал ему разглаженный костюм: красный пиджак, зеленые брюки, но носков и ботинок не подал.

— Что так? — спросил Богатый. Негр ответил, что пришла педикюрша. Вошла мускулистая дама средних лет. Увидев босые ноги своего клиента, хотя и не в первый раз, она испуганно ахнула. Богатый был сильно раздражен ее восклицанием. Не протянув руки, он только кивнул головой и поставил ногу на подсунутую лакеем тумбочку. Тумбочка была застелена полотенцем с изображением « Джиоконды ». Огромная пятка Богатого закрыла улыбку, над которой история искусства гадает века. Педикюрша раскрыла чемоданчик со множеством блестящих инструментов. Она стала на одно колено и принялась за работу. На большем ногте Богатого ножницы сломались. Богатый вскрикнул и дернул ногой. — Вы меня ранили? — крикнул он с раздражением неимоверным. — Нет, я только ножницы сломала, не причинив никакого вреда вашей ножке — ответила дама с интонацией матери утешающей ребеночка. — Что ты губы отвесил, смотри нет крови? — крикнул Богатый лакею. Тот наклонился подтянул губы, и начал выворачивая белки своих огромных глаз осматривать ногу патрона. — Она правду сказала — подтвердил негр.

Дама стала действовать пилочкой. Настроение Богатого поправилось, он вскоре поставил на тумбу другую ногу. Дама видя расположение клиента, пустилась сплетничать, она знала весь высший круг общества. Богатый иногда смеялся.

— А как насчет нас, патрон? спросил негр, уже натягивая на очищенную от ногтей и мозолей ногу Богатого голубой чулок.

Педикюрша уже собиралась уходить, но вопрос негра, заставил ее задержаться.

— Мои ученые уже нашли средство. Нужно будет всего два три укола и черный человек станет белым. — важно бросил Богатый лакею, давно ожидаемое разъяснение.

Негр стал смеяться, лепетать на своем родном языке, ворочать глаза, губы его покрылись белой пеной, он взвизгивал и танцевал на месте.

— А белых можно будет превращать в черных? спросила мускулистая дама.

— Можно — лаконически ответил Богатый и пересел со стула в комнатный экипаж. Дама ушла в торжественном настроении, новость оказалась стоющей задержки. Она между прочим уносила в пуговице своей блузки фотографию ноги Богатого, которую ей заказал сделать один журналист.

Приладив на Богатом парик, негр покатил своего патрона на домашнем экипаже, сам своими силами, не пуская специального моторчика в ход.

— Что так? — спросил Богатый. — Очень полюбил я вас мой патрон. Готов не только возить, но и на спине носить вас, мой патрон — ответил негр и подкатил экипаж к столу в столовой.

Удесятиренное рвение угодить, — Богатому нравилось. Негр подал кипящий кофейник, булочки, масло, сливки. Он так же подал Богатому пачку утренних газет. Отпивая из чашки душистый, горячий сладкий кофий, отламывая кусочки булочки и запихивая их себе в рот пальцами, Богатый выискивал в газетах репортажи о своем деле.

Суд между Богатым и седым художником вот уже целый месяц занимал самое почетное место в прессе.

Шумиха придавала новое значение Богатому, се-

дому художнику, адвокатам. Адвокат Богатого, этот топор в роговых очках, пошел в гору. Его портрет часто красовался на первой странице, рядом с портретом Богатого. В одной из самых ходких газет эти два знаменитые лица почему то разделяла снятая во весь рост обнаженная красавица.

Богатый был очень рад, ему чрезвычайно льстило уделяемое ему газетами внимание. Об очередной войне например было напечатано где то в конце мелким шрифтом, а о Богатом крупно и на самом видном месте. Собственно говоря, читать было нечего, Богатый все знал сам еще лучше газетчиков. Он просматрил газеты с целью проверки и большею частью видел, что все факты искажены.

— Опять врет — воскликнул он вспоминая самый интересный момент, тот момент когда адвокат седого художника потребовал, что бы Богатый написал картину в изолированном помещении, в доказательство своего авторства. Журналист писал « Богатый был озадачен » — Ничего подобного — воскликнул Богатый и сказал своему негру. — Было так : я встал, поблестел немного глазами, молча, потом улыбнулся и объявил, что считаю такое предложение низким, ибо не умею писать картины по заказу, а пишу их только по вдохновению. Тут несколько прекрасных женщин бросили в меня букетами цветов. А как он поймался этот седой дурак ? Мой адвокат задает вопрос : экспертиза установила, что картины с поломанными автомобилями, написаны не на таком холсте, как другие картины седого художника ? Почему ? — Тут его адвокат рта не успел открыть, а он бах тарарах вскочил и заявляет : потому что я боялся, что Богатый воспользуется моим именем, докажет мое авторство. — Его адвокат так и обмер, а мой захохотал на весь зал. Ты понимаешь, как вышло ? Вышло, что он, мой враг, хочет доказать теперь то самое, чего раньше боялся. Судьи переглянулись, и отложили дело на две недели.

Нацепив красные очки, накинув красный плащ, взяв шляпу с пером Богатый, поскрипывая огромными желтыми туфлями, вышел из дому. Позвякивая ключиками он, устремил взгляд на ручку дверцы своего « Дрин Дрона ». Как только он отпер дверцу, загорелась лампочка и осветила порог машины. Богатый сел боком, потом втянул ноги, захлопнул дверцу. Но ему показалось, что захлопнул плохо, он открыл дверцу и разогнав ее еще раз захлопнул. Потом он нажал кнопку. Железное мяуканье заскрежетало и ничего не вышло. Богатый нажал кнопку еще раз и еще раз. Наконец мотор заработал. Богатый начал дразнить подошвой педаль газа. Мотор взревел на всю улицу, выстрелил, снова взревел. Богатому нравился рык. Ему хотелось разуться, что бы босой ногой чувствовать машину. Богатому было приятно, то что его ноге стоит надавить и вдруг рычит, сотрясается воздух, у прохожих дрожит кишечник. Нервный дантист услышав рык « Дрин Дрона » вздрогнул и проколол десну своей клиентке. Та взвыла. Он бросился к окну с руганью на устах, но вдруг увидев, что это « Дрин Дрон » так рычит сказал : — ничего не поделаешь, самая лучшая марка. Сплюнув кровь, женщина заинтересовалась — какая ? спросила она. — « Дрин Дрон » ответил дантист. И оба они успокоились.

А Богатый уже ехал. Ему казалось, что все другие автомобилисты не умеют управлять. Что все пешеходы мерзавцы. Он был зол на всех. Он давал гудки в спину тем, кто чуть задерживался, когда вспыхивал зеленый свет. Зато он не терпел, когда ему давали в спину гудок. Злился, мигал, красным огнем, рычал взвывал мотором. У красного огня автомобилист быстро опуская стекло, начал ругать Богатого, но Богатый так зарычал мотором, что тот посинел и почти приблизился к разрыву сердца.

Моргая красным светом автомобилист выезжал из очереди, но Богатый загудел, обрезал его и промчался.

Зеленый огонь вспыхнул, а тут перед машиной дама с собакой на ремешке. Богатый, выругался последними словами, и едва не убив собаки бешено промчался. А тут, мигая ему красным, впереди поворот делает блондинка на « Шиномазе ». Но Богатый не таков, что бы уступить даме, он заехал сбоку и перерезав ей дорогу еще и крикнул в окно : — куда прешь ? буркулы свои вылупила ! — Дама не осталась в долгу и выставив раскудланную голову наружу, кровавыми губами завопила : ты сам болван ! И тут они напустили столько дыма и подняли такой рык моторами, что стоящий на посту полицейский исчез.

А среди автомобилей пробирался мотоциклист, он застрелял мотором, еще громче всех, даже громче чем « Дрин Дрон » и как стрела, или ракета проскочил мимо. Но Богатый его догнал, поровнялся с ним, мотоциклист еще сильнее пригнулся и дал полный газ. Как раз грузовик остановился. А навстречу мчаться, пришлось Богатому затормозить. Тормоза взвизгнули. Портфель съехал с сиденья упал на пол. Богатый вспотел от страха, хотому что задним числом понял, что — чуть-чуть не разбил в щепки свою машину.

С трудом найдя место, Богатый вылез из машины, запер дверцы и начал переставлять свои большие желтые туфли на тротуаре. Он их переставлял в направлении входа в большое кафе. А войдя в кафе, продолжал переставлять сначала как то тяп-тяп, неуверенно, а потом, увидев в самом дальнем углу зала женщину, привел перестановку туфель, как бы к общему знаменателю.

Накрашеная, разукрашеная, разодетая по последнему слову эротической техники, жена седого художника сидела, нахохлившись по воробьиному, перед чашкой кофе.

Увидев Богатого она встрепенулась, выставила на показ все то в своей наружности, что считала бьющим без промаха в цель. Они уже встречались, уже были

близкими друг другу, но Богатый не хотел забирать ее от мужа. Так что будучи женщиной совестливой, жена седого художника страдала от двойственности своего положения. Богатый держал ее все на одних обещаниях: будет «Дрин Дрон» будет и яхта, но ничего не делал.

Богатый довольно ловко подсел к ней, с налета обнял ее за талию, и с налета расцеловал.

— Ну, как он? — спросил Богатый.

— Мне все противно в нем! как он ходит, дышет, как есть, словом все все. Неужели ты меня так и оставишь с ним?

— Зависит от тебя — сказал Богатый, но тут подлетел, словно на коньках лакей, с полотенцем под мышкой. Богатый, откинув рукав глянул на часы. Он знал точно, что в котором часу полагается пить. — Бокал Сотерна — сказал он лакею.

— Почему зависит от меня? спросила жена седого, когда лакей отошел.

— У меня будешь жить, поняла, но условие: должна будешь заявить на суде, что он, твой муж, никогда для меня не работал.

Она побледнела, даже под краской это стало заметно. Лакей поставил перед Богатым бокал. Он с полупоклоном удалялся уже, но понюхав вино, Богатый крикнул: гарсон!

Лакей вернулся в некотором замешательстве. — Ваше вино воняет пробкой — сказал ему Богатый очень скромным голосом, даже как бы с некоторой нежностью.

— Не может быть! Никто из наших клиентов никогда на пробку не жаловался — горячо вступился за честь дома лакей.

— Это меня не касается — раздраженно ответил Богатый и брезгливо отставил бокал на край стола. Желая узнать в чем дело, хозяин вышел из за стойки и подошел к Богатому. Это был гигант и было непо-

нятно почему при такой комплекции он занимается таким легким делом, как разливанье вин по стаканам. Но Богатый не испугался богатыря, а богатырь испугался Богатого и начал нюхать вино. Жена седого была чрезвычайно взволнована скандалом, который был таким не стоющим в сравнении с вопросом переезда, « Дрин Дрона », яхты и всего прочего.

Она смотрела испуганными глазами на Богатого, она даже слегка дернула его за рукав. Но Богатый не унимался, как бы, совершенно о ней забыв. Хозяин уверял, что вино самое хорошее, Богатый уверял — воняет пробкой. Хозяин велел принести другой бокал, из другой бутылки. Но и тут Богатый отпив, объявил, что вино поддельное и никто ничего с ним не мог сделать. Разыгрывая раздраженного, обиженного человека, Богатый встал. — Идем — сказал он жене художника. — Но я не заплатила за кофе — сказала она, не вставая и вынимая из сумочки мелочь. — А я ничего платить не буду — безаппеляционным голосом отрезал Богатый. Ей было стыдно за Богатого, но ему только этого и было нужно. Богатый знал, что растерянность и взволнованность мешают собраться с мыслями. Такую выхолощенную скандалом, смущенную он вывел ее из кафэ и подвел к « Дрин Дрону ». Контраст был огромным : там Богатый не захотел заплатить за вино несколько грошей, тут перед ней сияла лаком машина с шестнадцатью фонарями, с надписью серебром « Дрин Дрон ». Богатый позвенел ключиками открылась дверца, зажегся свет, освещая порог. Правда из машины завоняло чем то копченым, но это было ничего. Она внесла с собой запах своих духов, напоминающий запах сена. По дороге жена седого художника согласилась на все условия.

VII

Седой художник иногда брался за шляпу, но поразмыслив вешал шляпу на место и оставался дома. Всякий раз ему приходило в голову, что жена вернется и не застав его дома снова уйдет. Он даже о процессе своем судебном забыл и в суд не пошел. Шаги на лестнице всякий раз заставляли его замирать и прислушиваться.

В начале он сформировал свое горе приблизительно так: — я ее обожал, любил, а она сволочь ушла. Вся вина за этот уход, таким образом, возлагалась на жену. Позже он начал искать причины ухода жены в своем поведении и решил, что сам виноват тем, что потакая всем ее прихотям разбаловал ее и распустил. Однако все эти домыслы в сущности не разрешали вопроса: понять почему она променяла талантливого, хорошего мужа на какого то мошенника, седой художник не мог.

В этом направлении словно горохом об стенку бился его разум так, что художник вообще ни на чем другом не мог сосредоточиться. Брался ли он за кисть: — жена, садился ли за стол, опять — она, брал ли книгу — она, да и все ночи напролет неразрешимый вопрос не давал ему сомкнуть глаз. По ночам он доходил до самой страшной догадки, ему думалось, что она не находила с ним физического удовлетворения. Это вызывало бешенную ревность, которая за-

ставляла его доходить до самых безобразных образов эротизма.

В результате нарисованные воображением картины делались соблазнительными и для самого воображающего их художника. Так, что он вдруг начинал досадовать на то, что такого воображения не имел раньше. В такие минуты ему хотелось иметь женщину все равно какую, но только что бы она была тут рядом. По утрам однако он опять делался чистым от всякой скверны человеком Картина начатая до ухода жены ему не понравилась. Он подумал, что нужно ее переделать. Войдя в мастерскую он взял тряпку и начал стирать краски. — Так будет и с этим миром — подумал художник. — Миллионы лет творится на земле жизнь. Сколько раз Творец стирал тряпкой созданное-неизвестно, но очевидно очень, очень много раз!

Допотопные животные были страшней современных, люди тоже. А прежде что было? Есть прогресс человеческий. Это срок, эра в отрезке которой создается культура. Но есть и Божеский прогресс. Бог художник мира. Он тоже совершенствует свое произведение. То второе совершенствованье идет другим путем. Неудачное уничтожается и на его месте создается лучшее. По всей видимости теперь происходит полная неудача, в созданной людьми цивилизации, уничтожающей Бога. Нужно ожидать тряпки. Она должна хорошенько подчистить творение. — Так думая седой художник, почти, забыл про жену и увлекся работой.

В эту ночь, в ночь предшествующую утренним размышлениям седого художника, Богатый мазал его жену вареньем.

Он обмазал красным вишневым вареньем ей груди и живот, потом слизывал с нее это варенье языком. Жена седого художника была в ужасе от этой забавы.

Штучка эта, обмазка вареньем породила в голове Богатого идейку : он подумал, что если эту красавицу с такими чудесными формами тела, вымазать краской вместо варенья и приложить к натянутому на раму холсту, может получиться некое изображение. И зная о том разврате по которому двигаются дельцы выдающие себя за художников, Богатый решил, что такая картина может сойти за новое в живописи направление.

Утром Богатый предупредил своего преданного слугу : — смотри в оба, что бы она не смела выходить из квартиры.

Обделав свои делишки, побывав во всяких бюро и поговорив по телефону с дельцами Богатый вернулся вечером и притащил с собой несколько больших, в рост человека рам, с натянутым на них холстом. Негр помог ему выгрузить из Дрин Дрона так же несколько бидонов краски.

Всю ночь Богатый занимался художеством. Он выкрасил жену седого художника сначал желтой краской. Потом он приложил к ней холст. На холсте отпечатались две груди почти ровными кругами, там где соски вышло темнее. Отпечатался живот с белым пятном вместо пупка. Отпечатались бедра.

Богатый залюбовался на свое произведение. Он сказал : — твой дурак кистью мазал, а я вот как, и увидишь как заработаю, тебе куплю отдельный Дрин Дрон. Ха-ха-ха.

Потом он повел ее в ванну, она обмыла желтую краску. Следующая картина должна была быть синей. На этот раз он вымазал жену седого художника не спереди, а сзади. Новая картина вышла так : отпечаталось два полушария и лопатки, талия не вышла, но Богатый решил, что и так хорошо. Третья картина была красная и опять взята спереди.

На этом работа закончилась. Вместо краски было пущено в ход опять варенье, но на этот раз малиновое.

Богатый, что бы не оскандалиться, вызвал эксперта. Этот господин осмотрев новые произведения знаменитого художника сказал : — вы опоздали, сэр. Такая живопись уже была. Патент на нее имеет давно другой мастер. Так, что тут ничего нового нет и потому ваш замысел, хотя и гениальный ничего не стоит.

— Но какая модель ! — воскликнул Богатый. — Модель, конечно, хороша. — ответил эксперт. — В таком случае я вас с ней познакомлю. Может быть ее можно нанять, тому, что первый начал. — сказал Богатый. — Нет, он не нуждается, он теперь, только старух прикладывает и десятилетних девочек.

— Понимаю — сказал Богатый вдумчиво — теперь все меняется. Кто стоит на месте, тот гибнет.

— Вы правы — ответил специалист — и получив от Богатого вознаграждение удалился.

В эти последние дни газеты свирепствовали, находя пикантную пищу для статей. Все почему то радовались тому, что седой художник проиграл процесс.

IX

Дело с перекраской негров сильно подвинулось. Богатый создал огромное бюро с телефонами, картотеками, машинами считающими, пишущими, с машинистками, телефонистками, секретарями, письмоводителями, с контаблями. уборщицами, привратниками, фотографами, кореспондентами, рассыльными, сторожами, с несгораемой кассой, с кассиром словом бюро вышло совершенно таким, как полагается быть бюро в индустриальном мире.

Запись желающих перекраситься шла полным ходом. Со всех концов земного шара присылались почтовые переводы, чеки в виде первых взносов. Взносы эти были для каждого в отдельности незначительными, но так как их было очень много, получалась огромная сумма и сумма не по дням, а по часам росла.

Газеты писали, что Богатый ищет место для постройки лаборатории, где будет вырабатывается сыворотка. Кроме лаборатории Богатый выстроит огромный санаторий где будут жить и проходить курс перекраски его черные пациенты. Иногда сообщалось « Богатый выехал на место строительства », но потом новость опровергалась. Иногда передавались по радио планы и речи Богатого. Иногда Богатый выступал на экране телевизора. Он обводил зрителей красными очками и исчезал. Это было прекрасно. Таким образом каждый мог лично познакомиться с великим человеком.

В день, когда в газетах ничего не говорилось насчет выезда Богатого на место стройки, он показался на тротуаре в сопровождении своей последней невесты и ее семейства.

Невеста уже прошла через организованную Богатым « Фабрику Красоты », все ошибки природы были исправлены хирургическим способом. Поэтому какова она была прежде определить было невозможно. Нос у нее был теперь законной длины, слегка приплюснутый и вздернут. Одно время Богатый находил что полагается в нос вдевать кольцо, но этот проэкт был, после некоторой нерешительности, отброшен. Нижние зубы у невесты были удлиненны, так что захватывали верхнюю губу. Такое положение придавало прелесть ее разговору, ибо она шепелявила, что считалось хорошим признаком воспитания. Ресницы у нее были выкрашены в красный цвет, веки в зеленый, губы в голубой. Волосы были разделены на тринадцать прядей и каждай прядь была другого цвета. Вся эта куча прядей ниспадала на плечи. Платье у нее было из светящейся материи. Блеск ее напоминал блеск лака, но цвет не был определенным, он менялся в зависимости от того, как падал свет. На платье этом было много надписей : « Сердце мое, как мотор », « Легкие, как карбуратор », « Желудок, как бак », « Глаза, как фары », « Я даю двести в час ». Всех надписей не перечислить ,а туфли у нее были с надувными подошвами. На правой был изображен золотой дьявол, на левой серебрянный ангел в голубых розах. Сам Богатый тоже имел туфли с надувными, как шины, подошвами (это изобретение пришло ему в голову в связи с уродством собственных ног, в таких туфлях у всех были огромные лапы). Ну конечно, и все остальное было на лицо : красный плащ, шляпа с пером. Весь Богатый как, всегда был обвешен индустриальными штучками. Невеста шла на своих ломких, вихляющих ножках, дробно шагая и держа руку на плече жениха. Жених

выступал крупными шагами, даже не пробуя замечать, что невеста едва поспевает, что ей приходиться иногда бежать трусцой. За этой парой шли мать невесты, полуслепой отец с белой палкой и двенадцати-летняя сестричка невесты.

Сестрица была раскрашена тоже всеми цветами, она была в роговых черных очках, которые почти закрывали все ее детское личико. Надувных туфель у родственников еще небыло, поэтому они громко стучали каблуками. Все были нагружены чемоданами. Самый большой чемодан несла мать. В чемоданах были костюмы и маски, захваченные с собой Богатым на тот случай, если прийдеться проезжать ядовитые места. У самого Богатого костюм был сфабрикован на манер тех одежд, что необходимы лунолазам во время полетов на луну. Его то и несла, пыхтя, мать невесты.

Подойдя к своему « Дрин Дрону », Богатый написал на своем лице уверенность в том, что ключик подойдет, дверца откроется, так оно и случилось. Тогда он сложился вдвое, поместил зад на сиденье, пототм втянул под крышу голову, потом перенес через порог ноги. Невеста, приседая на каждом шагу (очевидно из почтения) обошла радиатор машины и остановилась возле противоположной дверцы. Чуть не задевая ее, мчались автомобилисты. Богатый отстегнул запор, но дверцы не потрудился открыть, ее открыла сама невеста. Она, как Богатый, втиснулась в машину. Лампочка загорелась провела лучем по ее чулкам. Богатый откинулся, повернулся и отстегнул запор задней дверцы. Сестра невесты открыла заднюю дверцу. Полуслепой отец начал мотать белой палкой, пробуя определить ширину влаза в низкую приземистую машину. Он стукал палкой то так, то этак. Вдруг Богатый как подскочил, да как гаркнет : — он мне лак поцарапает ! Отнимите палку ! Вам на мое имущество наплевать ? Палку ! палку ! долой !

Невеста взвизгнула : идиотки, сто вы смотлите ?

Помогите ему, серт вас забели! — Сестра злобно вырвала у отца палку. Она даже замахнулась на него этой вырванной палкой. Потом, сжав зубы, она вталкивала папашу и руками, и коленом, и кричала: — нагни голову, куда ты!? полезай сюда, на колени стань, вот так, вот так. Когда отец сел, начали грузить чемоданы. Потом мать стала на четвереньки, показывая прохожим свои толстые короткие ноги до розовых штанишек, подвязок и бантиков. Она пыхтела, всовываясь в дверцу и ей было не до приличия. Усевшись, она радостной улыбкой отпраздновала новоселье. Отец в это время сказал: — прежде делали экипажи по росту людей, а тепер людей заставляют становиться на колени перед техникой». Богатый фыркнул, сестра ловко впорхнула в «Дрин Дрон». Тут она захлопнула за собой дверцу. Но Богатому не понравилось, как она захлопнула и он заставил ее еще раз захлопнуть, потом еще раз, потом еще раз.

Невеста крутнула кнопку и машина наполнилась пеньем очередной знаменитости. Они с Богатым не могли не быть на конце электронических волн. Всякое молчание наполняло их скукой, они должны были принимать участие в общей суматохе и гвалте. Сквозь пенье, послышалось скрежетанье. Тут на лице Богатого изобразилась полная вера в то, что если он произведет известные манипуляции ногами и руками «Дрин Дрон» поедет и повезет его туда, куда Богатому вздумается. Так и случилось, машина начала выезжать из очереди.

— Мелсавец! воскликнула невеста, ибо, кто то несмотря на то, что Богатый мигал красным огнем, промчался едва не зацепив крыло «Дрин Дрона».

Потом они ехали по городу постоянно дивясь на то, как все другие автомобилисты плохо правят. Уж каких только ругательств не посылали голубые губки невесты, уж так не ругал всякого встречного и поперечного Богатый, а все же всем казалось, что всей этой злости еще слишком мало. Собственно говоря,

невеста с удовольствием казнила бы многих из тех, кого приходилось всего навсего только ругать, да еще и так, что они не слышат.

О! эта езда имела чудесное воспитательное значение. Тут в «Дрин Дроне» под защитой его поршней, его железа, лака скрежета, гуда, и рыка наилучшим образом вырабатывались понятия о людях как о сплошных мерзавцах, эгоистах, и убийцах. Там за стеклами машины образовался чужой мир, тут на мягких сиденьях свой, праведный, божественный, стремящийся к тому что бы вырваться из общей клоаки на широкий свободный путь и там безпрепятственно мчаться.

Но и на дороге не было покоя. Даже стало еще больше чувствоваться отделение от остального человечества. Тут действовала особенная одержимость, вызываемая опьянением быстротой. Все, что мешало этой быстроте, вызывало в Богатом отвращение. Будь то грузовик, не дающий себя обогнать, или какой то осторожный автомобилист, или автомобилист на старой машине, все это казалось Богатому не имеющим права существовать. Выпучив глаза он гнал и гнал, давал сирены, настигал обгонял, он был одержим, как дикарь танцующий религиозный танец. И не только он, все были одержимы тем же ритуальным танцем поэтому на дороге получалась стихийная свистопляска. Несколько выброшенных из машин собак, было раздавлено на шоссе и превращено шинами в кровавые клапти шерсти.

Со всех сторон справа, слева неслись тучи машин и в этом урагане терялась всякая личная воля, это было похоже на то, как в прериях бывало, в прежние времена, мчались гонимые степным пожаром буйволы, бизоны, мустанги, тигры, слоны и антилопы. В одном месте получился затор. Причиной оказалась старинная церковь. Ее ломали с тем, что бы выравнять дорогу для автомобилей. Часть стены упала на дорогу и загородила проезд. Землекопалка расчищала путь.

Богатый спросил невесту : — ну, как ты уже переварила кофий и булочки?

— Кофий узе а булоськи есе не совсем — ответила невеста.

— Богатый поглаживая ей колено очень нежно отозвался о своем пищеварении : — я все переварил, желудок у меня действует великолепно.

— Молодес твой селудок — сказала невеста и поцеловала жениха в щеку. — Не могли раньше убрать этой дряни — указывая на остатки церкви зашипел Богатый.

— Плидумали когда нам ехать ! отозвалась невеста.

В это время спикер голосом, которым говорят кондуктора требуя билеты, начал подавать советы автомобилистам. Он между прочим сказал — на дороге номер сорок пять, разбирается церковь, там затор образовался так, что лучше ехать по дороге номер восемь. Невеста и Богатый возмутились — не мог проклятый болван раньше сказать — пробурчал Богатый и невеста всем своим видом была вполне согласна с женихом.

Мать сказала : а мне жаль, что церковь ломают.

На эту реплику Богатый ответил долгим беззаботным смехом.

Когда дорогу очистили, снова пошла свистопляска одержимых. Вдруг промелькнул плакат с черепом и сложенными накрест костями. И еще один ,и еще один, и надписи пошли :

« В десяти километрах ядовитая река, маски необходимы ».

— Скорей ! Скорей ! Чемоданы раскрывайте, доставайте маски — закричали Богатый и невеста.

Ядовитое место приближалось, а Богатый не мог одеть маски. Все одели, а он не мог. Потому не мог, что правил машиной. Он попробовал было сбавить ход и передать руль невесте, что бы освободить руки и

надеть маску. Сразу же начали мелькать стекла, лак разных цветов, усилился рык, рев моторов, послышались душераздирающие вопли сирен, из окон выглядывали автомобилисты с искаженными злобою лицами. В этой свалке одержимых проявить свою волю оказалось невозможным. К довершению ужаса, дорога была заботливо ограждена с двух сторон железо-бетонными дамбами. Не только Богатый мучился, вся семья понимала что если Богатый отравится и потеряет сознание произойдет нечто такое, что и костей своих не соберешь. Сестра пробовала сзади нацепить маску на Богатого. Но он отстранял ее руки, ибо боялся даже на четверть секунды потерять видимость. Одно неверное движение рулем грозило катастрофой, столкновением многих машин и перелетом вверх тормашками через дамбу в тартарары. Пот крупными каплями катился по лицу Богатого, иные капли попадали ему в раскрытый рот, которым он тяжко дышал. Сестренка даже не заметила, как теплая влага оросила ее ноги. В « Дрин Дроне » запахло отбросами испуганных тел. А тут вдруг из радио хлынула боевая веселость джаза сопровождаемая воем безголосого певца.

Впервые в жизни Богатый возненавидел радио и завопил на невесту : Закрой ! Закрой ему пасть ! — Но невеста в маске плохо слышала да еще и страх отнял у нее всякое последнее понимание. Впереди стали показываться красные огоньки на задах машин. Богатый начал притормаживать.

«« Га ца ца га ца ца » пел певец. — Тебе там хорошо « га ца ца » — а мне ? — подумал Богатый и, едва не въехав в зад передней машины, завизжал торомозами. Тут он выхватил маску и всунул в нее голову. — Одену и лунолазный — решил он и вылез из машины и потребовав костюм, облачился. Всем хотелось за маленьким. Однако кругом были автомобилисты. Мать постеснялась, отец побоялся выходить, но Богатый прикрывшись дверцей, оправился. Невеста

и сестра присели за радиатором. В этот момент показались жандармы на мотоциклетах. Они осматривали, по очереди, все автомобили. Подъехали и к Богатому.

— Маски есть? — спросил огромный жандарм в гоночных очках, и в непромокаемом, костюме отчасти как бы тоже лунолазном.

— Есть — ответил Богатый. Жандарм, другой поменьше ростом, все же внимательно заглянул в машину. Впереди тронулись и Богатый тронулся. Задержка привела всех автомобилистов в особенное нервное состояние знакомое нервно больным: они сразу до отказа надавили педали газа. Вскоре все увидели печальную картину: по краям дороги курилась мертвая земля. Деревья были угольно-черными, безлиственными. не было ни травинки, ни цветка. Мертвая тишина нарушалась, как бы торжествующим победу, ревом моторов. Богатый был в восторге от своего изобретенного учеными спасительного облачения. Он очень хвалил человеческую мудрость. Благодаря маске его гимнов, однако, никто не слышал.

Обгоняя машину, Богатый увидел, что напротив мчится огромный грузовик. Что бы с ним не столкнуться Богатый крутнул рулем вправо, он обрезал того кого перегонял. Тот, во избежание катастрофы тоже крутнул и приторомозил, на него налетел задний и столкнул его в ров. Гром и стук и рык прокатился в мертвом лесу, столб пыли поднялся над местом катастрофы. Понимая, что спровоцировал беду, Богатый нажал на газ. Как бы жандармы не заметили — подумал он. Теперь уже, кроме всего прочего, и страх перед жандармами заставлял Богатого гнать что, есть мочи. Вскоре замелькали столбы с зелеными плакатами, вокруг дороги стали показываться живые деревья, травка на канавах, цветочки. Плакаты гласили: « ядовитая местность кончилась ». Богатый, а за ним и все сдернули маски. Богатый нажал кнопку и стекла в окнах опустились. В машину повеяло более чистым

воздухом, хотя конечно и вонючим от бензинной гари.

Промелкнула надпись с названием того городка, что Богатому был нужен. Тут была природа еще мало тронута цивилизацией поэтому она интересовала Богатого. Тут он, как будто бы, хотел строить санаторий и лабораторию.

Постояли у шлагбаума, потом довольно быстро въехали в городок.

X

Узкие улицы, почти без тротуаров, то поднимались круто, то опускались круто среди высоких изгородей. Сложенные из булыжника стены местами были покрыты зеленым мхом, местами даже травка пробивалась из трещин. Навстречу ехал сидя в стеклянной кабине рабочий в синей блузе. Трактор тащил грохочущий буккер. Богатый опустил козырек над ветровым стеклом, солнце било ему в глаза. Разъехаться « Дрин Дрону » и трактору было негде. Богатый дал задний ход.

Сестра невесты сказала — Куда мы заехали ! » Тут не войти не выйти. — Но благодаря ловкости Богатого все обошлось благополучно.

Церковь цвета слоновой кожи возникла перед путешественниками. Тут была большая площадь. Болтались разноцветные тенты с вылинявшими надписями. В тени храма стояло несколько автомобилей, старомодных, потрепанных. Богатый зарычал мотором, развернулся и ловко всунул свой Дрин Дрон между двумя машинами.

Выгружаясь мать невесты, сначала ударилась головой об крышу, потом коленом об дверцу. Выйдя она не знала за что держаться и о чем сокрушаться о колене или же о голове ? — Она стонала. Богатый разозлился. — Старая ведьма — подумал он и тут же крикнул : — что стоишь ? опять он своей палкой

начнет царапать крыло! — Сестры ретиво взялись за своего папашу и разоружив его, безоружного вытащили на свет Божий.

А тут мальчишки деревенские и девченки примчались, что было духу, взглянуть на чудовищную машину со множеством фонарей и всяких диковинных штук.

Богатый погрозив пальцем сказал: — дети, имейте в виду, кто из вас дотронется до моего автомобиля будет убит, в нем есть ток.

Замурзанная девченка, лет восьми, засунув пальчик в рот осияла Богатого голубыми глазами и спросила: — а какой он, дядя, твой ток? Собачка?

— Молнию видела? Так вот какой ток. — объяснил Богатый.

Мать, прихрамывая, шагала к ресторану. Отец держал ее под руку. Сестры пританцовывали и шли на согнутых ногах им хотелось, что-бы поселяне упали в обморок при их появлении. Богатый держал перед глазами растопыренные пальцы любуясь блеском своих колец.

В ресторане пахло мокрыми древесными стружками, винным перегаром. Было сумрачно и прохладно. У стойки стояли извилистые фигуры. У музыкального ящика попыхивала папиросами молодежь. У электрического биллиарда дергались игроки. Каждый выкат шариков сопровождался толчками: животом и руками в станок.

Вход семейства возбудил чрезвычайное любопытство. Даже извилистые фигуры (главный доход ресторатора) загляделись.

Это было не удивительно благодаря наряду невесты, да и вообще всему, одни надувные туфли Богатого чего стоили?

Хозяин заведения — представился Богатому выбежавший навстречу человек, необычайно похожий на жердь. Представившись этот хозяин засуетился и

начал обметать салфеткой стулья у окна. Но Богатый не обратил вниманья на его старанье, он подался в правую сторону и стал пробовать крепость стула. На лице его было написано сомнение в том, что деревенский стул выдержит вес такого значительного как он лица.

— Садитесь, садитесь — сказала женщина, имеющая несмотря на улыбку такое выражение лица, как будто, бы она горько плачет и раскаивается в том, что говорит. — Стулья хотя и не модные, но крепкие — добавила она и накинула на стол белоснежную скатерть.

Богатый уселся и все семейство уселось. Но суета улеглась не на долго. Богатый взглянул на часы откатив рукав и сказал невесте : триста километров я в два часа отмахал ! Хозяин пошатнулся. Новость оказалась не только для него с ног сшибательной. Все всполошились. Дама уплетавшая кровавый бифштекс остановила нож в тарелке, а вилку с куском мяса у самых своих губ с которых половина красной краски уже была стерта жеваньем. Ее ножки открытые выше колен, задергались. Они были очевидно у этой дамы, чем то вроде ручных животных-перерыв в кормежке им явно не понравился. Даже игроки в биллиард затуманились, усмиряя волнение сильными затяжками и клубами дыма.

Только один голос был здравым; кто то тихо, но явно выговорил : — это что бы пожрать и выпить ты так мчался ! ?

Но Богатый не придал ровно никакого значения одинокому голосу. Он как ни в чем не бывало начал заказывать обед и вино. Хозяйка удалилась выполнять заказ. Хозяин посчитал своим долгом остаться в распоряжении именитого клиента.

— Позвольте спросит какой марки ваш автомобиль ! ? начал хозяин любезно завязывать разговор.

— Дрин Дрон — лаконически отчеканил Богатый.

— О ! я слышал это чудо техники —сказал хозяин почти столбенея, так словно клиент напустил на него колдовскую силу очарования.

— Какой идиотизм ! — опять кто то воскликнул все оглянулись и увидели человека выбритого, рыжего, с глазами похожими на чайные ложечки. Он стоял прислонившись к косяку двери и в упор смотрел на Богатого. Богатый тоже посмотрел, пожал плечами. Что то кого то ему напоминало в этой личности.

— Хочу тут у вас завести культуру, буду санаторий строить, негров буду перекрашивать в белый цвет и вообще построю вам институт красоты — с этими словами он взглянул на даму, которая задумчиво изучала наряд и лицо невесты.

О ! нам культура нужна ! Добро пожаловать ! обрадовался хозяин, хозяйка в это время ставила на стол приборы.

Вдруг человек отделившись от двери медленно приблизился к столу. Глаза его горели почти безумным, блеском, дикой враждой.

— Встать ! Сесть в Дрин Дрон ! Убраться сию минуту ! вырвалось из дрожащих губ пришельца.

Чтоооо ? — Грозно прорычал Богатый вздрагивая и прячась за хозяина.

— Всех предупреждаю ! кричал пришелец в зеленой бархатной куртке — Он сатана ! Он всех вас обворует ! Не верьте ему ! Это автомобилист ! Он может убить, изнасиловать ! У него ничего святого нет !

— Твоя выходка тебе дорого обойдется ! загремел Богатый.

Хозяин схватился за голову и взвыл. Хозяйка стояла раскрыв рот, держа в руке поднос. Клиенты ресторана замерли, как бездыханные трупы. Богатый вскочил на ноги. Его враг подошел к нему в плотную. Так они постояли с минуту, пронизывая друг друга взорами.

Серебрянные, чайные ложечки стали ложечками столовыми, когда этот чужой человек заорал, взмахивая руками : — уберешся ты наконец или нет ?

В это время произошло нечто неуловимое. Невеста схватилась за щеку и заголосила на весь ресторан.

— О люди ! Люди ! Как же вы терпите такое насилье ! Он бьет мою беременную невесту ! — провозгласил Богатый отступая и загородив себя стулом.

— Сам ударил а на меня сворачивает ! — уже другим голосом, почти, испуганно вымолвил пришелец.

— Он врет ! Солидно крикнул Богатый — Бейте его, гоните !

Первыми двинулись извилистые личности. Они напали на нарушителя порядка с кулаками. — Как, женщину бить ! ! Орали они. — Беременную ! К извилистым присоединились еще многие. Похожий на жердь хозяин, возвышался над всеми словно арбитр футбольной команды. Вырвавшись скандалист выбежал на улицу. Плачущее лицо хозяйки теперь уже совершенно подходило к событиям. Она принесла лед и полотенце. Лед приложила к щеке невесты. Потом полотенцем начала перевязывать раненную девицу. Невеста плакала, разноцветные краски текли по ее лицу смешиваясь со слезами.

Сестра невесты была в восторге. Она думала, что ей посчастливилось увидеть живого гангстера. А это не то что кинематограф. Такое не всякому выпадает в жизни удовольствие. Отец постукивал белой палкой, мать утешала дочку : — до свадьбы заживет — говорила она и рот у нее был как бублик. Богатый собирал подписи свидетелей. Дама, что ела бифштекс, первая подписала лист. Когда она подписывала большой палец ее ноги с противным, накрашенным ногтем все время задирался вверх и она все время укрощала его прыть нажимая на него пяткой другой ноги.

Собрав подписи Богатый заявил, что хочет звонить по телефону. Посему он был пущен за стойку. Изви-

листые личности были тут как тут — Здорово мы его потузили — сказала одна личность. В этом заявлении звучало: — заплати по стаканчику винца своим защитникам. — Но Богатый намека не понял, хотя он и повторялся в различных варьянтах и даже дошел до прямого требованья.

— Что-ж братцы выходит, мы даром свои кулаки в ход пускали?

Богатый делал номер всовывая пальцы в перстнях в дырки диска и накручивал диск по цифрам. Делал он это не хуже любого бюрократа. Взяв трубку телефона он приложил ее к своему уху.

— А маэстро! Как поживаете? Хорошо? тут у меня новое дельце. Что? Ха Ха Ха...

Вдруг трубка выпала из рук Богатого. Ресторан наполнился громким рыком Дрин Дрона. Богатый в своем красном плаще шариком выкатился на улицу. За Богатым рванули все, оставив на произвол судьбы недопитое и недоеденное.

« Дрин Дрон » в клубах пыли ревел и летел. Богатый сыпал мелкими быстрыми шагами. Дрин Дрон пропал за поворотом. Надутые воздухом подошвы мешали Богатому остановиться. Тормозя бег, он начал подскакивать, красный плащ взметался, парик съехал на бок. Остановился Богатый только тогда, когда доскакав до церкви уперся в стенку руками.

Взглянув на Богатого все испугались, можно было подумать что его тут же хватит удар. Богатого обняли и бережно повели в ресторан, усадили его в кресло, подали ему стакан холодной воды. Стуча зубами о стекло, Богатый сделал несколько глотков.

— Это она виновата, что я забыл запереть! — вымолвил он указывая пальцем на мать невесты. — Начала охать, ударилась. Даже выйти из Дрин Дрона не умеет! А ты что смотрела!? — спросил он невесту. — Все на мне! Все на мне! Ни один скот не поможет! Только на себя я и могу расчитывать!

Вся индустрия, что была на Богатом звенела от дрожи его тела в такт дрожащему его голосу.

Богатый страдал... Все семейство Богатого было чрезвычайно удручено. Все чувствовали свою вину. Белая палка перечеркивала отца невесты, она, как бы, исключала его из общего балагана жизни и снимала с него ответственность за кражу машины. Лишенный зрения старик, таким образом, при этих прискорбных семейных обстоятельствах, мог высоко держать свою невинную голову.

Но вместо этого и он поник головой. Богатый и его терроризировал. Страшные омертвляющие душу флюиды шли от будущего зятя и слепой, быть может, их лучше, чем зрячие люди чувствовал.

XI

В эту ночь была очередь Марка исполнять обязанности ночного сторожа. Он и серый пес, волчьей породы, по величине и силе не уступающий настоящему волку, таким образом были отделены от всего остального общества. А в замке еще не спали. Отец Илларион играл на рояле, а кавалеры и дамы, то слушали музыку, то танцевали.

Такое препровождение времени Марка не интересовало, он музыки не понимал и нелюбил. Виною этому были радиопередачи. С детства наслушавшись безголосых певцов и новых композиторов он начал плохо переносить и вообще всякую музыку. Звуки фабричных станков, возпроизводимые новой музыкой, навсегда убили в нем его музыкальный слух.

За темной громадой замка поднималась луна. Ночь была теплая, звездная. Думая, что следует навестить Машку, которая вот вот должна ожеребиться, Марк зашел на черный двор. Тут стояло несколько телег. Задумавшись о чем то он прислонился к одной из них и поднял голову. Волчек (так назывался пес) присел у его ног. Глядя на звезды Марк, как то особенно, почувствовал свою любовь к Марте. Через эту любовь он как бы связывался со всем этим видимым, безграничным миром. Он прищурился на самую яркую звезду, от звезды к его глазам разбегающимся пучком протянулись лучики. И вдруг Марка поразило то, что он,

именно, в этот момент находится именно в этом месте безграничного простора. Он открыл глаза, лучики вернулись на звезду и там растаяли. И все вокруг показалось ему не таким, как прежде. Обведенные тонкими полосами серебра, стояли телеги, изгородь, как бы таяла и вершины темных деревьев таяли, и замок среди звезд, таял. Казалось ему, что все, что он видит возникло по мановению волшебства, почти так же, как мог бы возникнуть загробный мир. Он чувствовал, что там был бы меньше удивлен, чем тут этими звездами, этой ночью с ее чудодейственным дыханьем, тишиной, с этими вот телегами, замком. Чем сильнее, чем больше он хотел вернуться к прежней ясности тем дальше отходил от реальности. То, что в нем бьется сердце, то что он дышит и видит, и слышит показалось ему неимоверным чудом. Он ясно почувствовал, что без воли свыше, этого ничего не могло бы быть. Эта минута была словно духовным его перерождением. Прежде он верил в Бога лишь в пику общему безверью. Верил насильно. Он начал с того, что увидел в машинах (особенности в автомобилях) дьявольский замысел. Этому развратному замыслу нужно было противопоставить другой светлый замысел. Явилась мысль : раз есть диавольское, должно быть и Божеское. Вера Марка до этой минуты была только теоретической. Но теперь он по настоящему нашел Бога, как блудный сын вернулся к своему Отцу и всеми силами своей души, всеми клеточками своего естества уверовал в Него.

. . . .

. . . .

Услышав, что в замке музыка замолкла Волчек подумал : « а не едят ли там ? и решил проверить. Но там к сожалению не ели. Отец Илларион перелистывал ноты. Покрутившись среди мебели, Волчек добился

только того, что Марта его погладила и сказала: « иди к Марку, иди к Марку ». Делать было нечего и Марк увидел его бегущим от замка по дорожке. Серебрянный пес, разбрасывая хвостом искры света примчался галопом, и извиняясь за то, что оставил пост начал приседать, чихать и улыбаться показывая свои сверкающие в лунном сиянье волчьи клыки. — Где шатался? — сказал Марк строго. Волчек запыхтел, свесив на бок язык и размахивая энергично хвостом, глянул в глаза хозяина зажженными фосфорическим светом глазами. Марк прищурился глядя в глаза собаки и увидел, что из них идут такие же лучики как от звезды. Лающее животное, вопреки утверждению философа, все же было вот этими лучиками своими похоже на созвездие « Пса ». Усмехнувшись этой мысли Марк вспомнил про Машку.

Он подумал, что сейчас пойдет к ней. И удивился: увидев, что пес, как бы, угадав его замысел уже бежит к конюшне.

Производя опыт над чуткостью собаки, Марк переменил в мыслях свое намеренье, решив повернуть к амбару. Волчек, словно руководимая телеуправлением ракета, тоже переменил направление и побежал в сторону амбара. — Чудесный пес! — подумал Марк. — Какая удивительная чуткость! У человека наверное это было, да сплыло.

В конюшне Марк зажег керосиновый фонарь, с изображением летучей мыши на стекле. Идя с фонарем по коридору конюшни Марк бросал перегибающуюся со стены на потолок черную тень. По мере его движенья столбы, разделяющие стойла, отбрасывали тени, которые проходили по спинам и крупам лошадей, словно медленно вращающиеся спицы колеса. Что бы заглянуть в ясли Марк, от времени до времени, поднимал фонарь и тени разбегались прячась за каждую соломинку. Он видел лоснящиеся крупы, хвосты, гривы сено в яслях. К нему на свет поворачивались конские

головы, с наставленными вперед ушами с темными, вечно о чем то глубоко тоскующими глазами. Их губы, как бы, что то шептали, вздрагивая. Иные лошади глубоко и тяжко вздыхали

Прежде Марк лошадей боялся, но теперь он спокойно подходил к ним, трепал их по шеям, говорил с ними и они отвечали ему веселым пофыркиваньем, ставили свои быстрые уши то так, то иначе, и Марк видел, как меняется, в связи с постановкой ушей, выражение их восхитительных морд. Холстомер прищурил уши и мотнул оскаленными зубами в сторону пробегающего Волчка. Марк подумал: — это вековая вражда, Холстомер почуял прежние обиды.

Конюшню свою Марта опоэтизировала. На двери денника в котором стоял ее чистокровный жеребец были начерчены строки из стихов М.Ю. Лермонтова:

« Конь же лихой не имеет цены »

Ниже стояло: « Гракх. Сын Принца — Рюделя и Дзи — Квин ».

Рабочие лошади выкупленные дядей Васей у мясников на бойнях назывались: « Чубарый », « Заседатель », « Фру-фру », « Карагез », « Конек-Горбунок », « Холстомер », « Россинанта », « Машка ».

Прежде Марк никак не мог правильно назвать лошадь, все лошади казались ему одинаковыми. Теперь же он отлично видел, что у каждой есть свое, особенное и, что лошади так же как и люди друг на друга совершенно не похожи.

Например Гракх отличался от рабочих лошадей так, как борзой кобель отличается от дворняжки. Голова была словно выточенная, глаза у него были выпуклые, большие, уши острые, ноздри широкие. На лбу его красовалась лысина напоминающая летящую ласточку.

Марк Гракха боялся. Только одна Марта умела с ним обращаться. Проходя мимо денника Марк, только сквозь решетку двери, увидел косящий строго глаз, зажженный лиловым светом. Седло Марты лежащее на козле бросило на стену тень напоминающую летящего орла.

Марк открыл денник Машки. Кобыла лежала задом к двери. Он подняв фонарь чуть выше, увидел, что Машка тяжело водит боками и слегка кряхтит от усилий. Хвост у нее был откинут в сторону, был мокрым, и вздрагивал. Не опытный в таких делах сторож, все же сразу понял в чем дело. В груди у Марка что то екнуло. Сердце заколотилось, он почувствовал одновременно испуг и дикую радость. Сами ноги, без всякого приказанья свыше, словно перышко подхватили всего остального Марка и понесли с неимоверной быстротой к замку. В зале было полутемно, лишь две свечи горели на рояле, перед отцом Илларионом. Под звуки вальса молодежь кружилась в сумерках. Вдруг к шороху платьев и шарканью ног примешался стук когтистых лап Волчка. Пес остановился в дверях.

Почти одновременно возникло сияние конюшенного фонаря.

— Машка жеребиться ! Разлетелся по всему залу взволнованный голос. Музыка оборвалась. Эхо повторило последний аккорд. Танцующие остановились, как вкопанные, но казалось, что они дрожат и шевелятся потому что фонарь в руках Марка дрожал.

— Ты не ошибся ! ? спросила с сомненьем в голосе Марта.

— О, нет ! Нет ! — выкрикнул Марк с такой силой, что сомненья быть не могло.

Сняв руку с плеча Игната, Марта быстрыми шагами шла к двери.

Подруги стали просить ее : Марточка, золотко, нам можно с тобой ?

— Айда за мной! Все идем, всем можно! — говорила Марта, не сбавляя быстроты своих четких шагов. И двинулись за нею четыре студентки: Лукерья, Мария, Зинаида и Виктория и три студента: Игнат, Володя и Саша. Пошли старшие: Отец Илларион, дядя Петя (бывший седой художник) и даже дядя Вася родной дядюшка Марты. Словом вся колония общества « Крест и Лира » высыпала, как один на двор.

Лунный свет струился по листве деревьев. Небольшая толпа, идущая за Марком с фонарем в руке, звенела возбужденными голосами. Лунный свет бросал на лица тени ресниц, глаза казались поэтому большими. В тени деревьев свет фонаря бежал по стволам, освещал нижние ветки и толпа попадала как бы в некий таинственный грот.

В загоне коровы лежали словно в серебрянном озере. Они начали вставать и подходить к изгороди, фыркать на пробегающего Волчка и наставлять на него серебрянные рога.

Переступая порог конюшни, все замолкали. Запах лошадей, навоза и амониака не всем нравился. Для неофитов он был слишком резким. В густой конюшенной темноте снова перед фонарем Марка завертелись спицами тени столбов. Тени вошедших шли по стенам перегибаясь на потолке. Ночная конюшня казалась населенной добрыми конскими духами, которые охраняли ночной покой и отдых. Пришедшие, чувствовали, что своим приходом нарушают традицию, по которой ночь в конюшне принадлежит лошадям. И действительно лошади оглядывались на людей с явной тревогой. Да уж не запрягать ли вы нас пришли; казалось спрашивали они.

Лунный свет рисовал на спине Машки решотку высокого длинного окна. Фонарь освещал желтым светом молодые возбужденные лица с блестящими любопытством глазами. Иные вошли в денник, иные

остались в дверях. Марта присела на корточки, Марк присветил фонарем. Словно в мольбе сложенные ладони, под откинутым хвостом Машки, сверкали маленькие копытца передних ног.

Взяв в каждую руку по копытцу Марта с необычайной осторожностью, сообразуясь с потугами Машки, начала помогать родам. Длинным, тонким ножкам казалось конца нет. Они выходили во влаге и в слизи едва заметно и вдруг совсем остановились.

— Головка задерживает — тихо сказала Марта. — Дай передохнуть — посоветовал шепотом дядя Вася. — Я знаю — ответила Марта.

Кобыла подняла голову глянула на Марту и натужилась. Черные ноздри крепко прижатые к коленям показались, скрылись и снова показались и начала выходить голова. Словно сливы, покрытые сизым туманом, вышли неподвижные глаза, вышел весь лоб с заложенными назад, прижатыми к шее ушами. — Слава Богу ! — вздохнула Марта. По ее лицу катился пот, она пыхтела, так будто бы не Машка а она сама родит. Прошло несколько тихих минут, минут предупреждающих о том, что сейчас произойдет чудо.

Заходили конвульсивно бока и живот кобылы, Марта потянула ножки посильнее, и вдруг, вместе со слизью и водой, вывалился наружу весь готовый жеребенок. Первый его вздох земным воздухом был встречен общим ликованием. Машка повернула голову, ее губы дрожали от тихого ржанья. В глазах кобылы зажегся нежный свет.

Выпростав переднюю ногу Машка встала, отряхнулась словно выскочившая из воды собака, повернулась и склонилась над своим детищем. Освещенная фонарем свисала ее золотая грива. В кругу фонарного желтого света на золотой соломе лежал неподвижный малыш вытянув свои длинные ноги. И опять Машка тихо заржала, дуя на жеребенка. Потом она принялась

вылизывать его и подталкивать под задок своим храпом. Пробуя силенки новорожденный зашевелися и хотел встать. Это ему не удавалось. Он еще не умел поставить правильно свои непослушные ноги. Марта обняла жеребенка и помогла ему подняться. Машка утвердительно кивала головой. Жеребенок стоял на длинных ногах, покачиваясь, словно пьяный. На лбу у него была белая лысина похожая на летящую ласточку, ноги все четыре в белых чулочках, как у Машки. Он повиливал хвостиком, моргал глазами, с которых туман сошел. Глаза эти были уже настоящими лошадиными глазами, полными вековечной печали.

Машка повернулась так что бы подставить своему детищу налитые молоком черные сосцы. И Марта стала подпихивать жеребенка под живот кобылы. Жеребенок несколько раз промахнулся, потом уловил сосок и с наслаждением к нему присосался.

Все это произвело на неофитов потрясающее впечатление. Молчанье прервала Лукерья — Кто он? спросила она.

— Как кто? удивился Володя.

— Жеребчик или кобылка? поправилась Лукерья.

— Так и говори, а то ничего не понять.

— Я слишком разстроена, у меня так все путается от радости, возразила девушка.

Марта вытирала руки соломой, но при вопросе студентки, глянула под животик новорожденного и сказала :

— Жеребчик.

— Я загадала : если жеребчик — исполнится мое желание — призналась Зинаида.

А как мы его назовем? задал вопрос Игнат.

Женские и мужские голоса, предлагая имена чередовались : « Голубчик », « Дружок », « Радость », « Хвостик », « Конфетка », « Милашка », « Поцелуйчик »

— наперебой предлагала впечатлительная молодежь. Но дядя Вася сказал : — лошадей принято называть так, что бы имя состояло из тех же слогов, что имена их родителей. Он сын Машки и Гракха. Следовательно выбирайте. Я предлагаю назвать его « Гра-маш » но можно и « Машгракх ». — Грамаш ! Грамаш ! Грамаш лучше ! — сказали почти все.

Направляясь к замку, публика делилась впечатлениями.

— Я не знала, что жеребенок сразу сосет. — говорила Лукерья.

— Какая у Машки материнская радость сияла в глазах — слишался голосок Виктории. — неужели через два года на Грамаше можно будет кататься ? — спрашивала Мария.

— Ученые говорят, что мы отходя от природы деформируемся — затронула серьезный вопрос Зинаида.

Марк, как всегда, в таких случаях взволновался : всех изобретателей и механиков я бы всенародно порол — выпалил он с горяча.

— Нет, так нельзя есть и полезные изобретенья — возразил Саша.

— Приведи факты ! — взъелся Марк.

— Я вас помирю — ввязался в спор Игнат — У Солженицына в романе « В круге первом » сидящий в лагере на каторге инженер знает, как построить аппарат, узнающий людей по голосу. Ему известно, что если он выполнит удачно задание его за это выпустят на волю, где его ждет несчастная жена преследуемая и гонимая за то, что муж ее враг народа. Но этот инженер отказывается построить этот аппарат на том основании, что он может принести много вреда людям. Если бы у всех ученых была такая совесть, то мы бы по всей вероятности не имели атомных и водородных бомб. Следовательно Марк отчасти прав.

— Но Солженицын не говорит, что нужно ученых пороть — сказал Саша.

— Нет, не говорит, но из сказанного следует, что у тех, кто творит чудеса техники, совесть солженицинского инженера часто отсутствует, а безсовестных конечно и выпороть не грех — Удаляясь голоса затихали. Удовлетворенный поддержкой Игната пожав своему другу руку, Марк по своей обязанности остался во дворе. Ему захотелось закурить, но он вспомнил о новорожденном и решил, что следует теперь быть серьезным, поэтому бросил в кусты весь пакет папирос. В саду он нарвал большой пучек травы и понес Машке. Новая уверенность появилась в Марке. Он теперь знал почему находится именно в этом месте и именно в это время.

Остальную часть ночи он провел в конюшне наблюдая за Машкой и ее приплодом.

Когда вышел на дворе светало. Волчек пробежал таща в пасти, что то похожее на измазанную слизью тряпку. Собака выскочила на стог сена и начала ношу жрать. Марк понял, что Волчек пожирает место в котором двенадцать месяцев формировался Грамаш.

Край восточной земли золотился, но солнца еще небыло. В предутреннем воздухе была разлита глубокая печаль ожидания. Каждый лист был скован этой неимоверной тоской. Прислонившись к стволу дерева Марк пристально смотрел туда, где всходило солнце. Он видел, как показалось оно и какой торжественностью был обставлен этот его медленный восход.

XII

В верхних окнах замка горел пожар заката. Еще не остывший от дневного зноя, ветерок шевелил листья столетней липы над вкопанным в землю круглым столом. За кустами сирени послышались легкие шаги Брониславы. За ее спиной тяжело ступал Володя, в его руках дымился обернутый полотенцем большой котел галушек.

— Ау ! Ау ! Идите ужинать ! — звонким сопрано запела Бронислава.

Идем ! Идем ! — отозвались многие голоса. Из кустов выскочил Волчек.

Отец Илларион, дядя Вася, дядя Петя, Марта, Марк, четыре студентки и три студента окружили стол. Вкусный запах галушек раздражал обоняние, возбуждал и без того хорошие аппетиты наработавшихся в поле людей.

Отец Илларион перекрестился. Публика, не теряя времени, быстро рассаживалась на скамейках. Взяв апполоник Бронислава разливала галушки по мискам.

Парок, подхватываемый ветерком, уносился в листву липы. Разговор шел урывками. Говорили о работе, о лошадях, о коровах, об урожае. Студенты еще недавно не умевшие отличить овса от пшеницы, спешили показать перед дядей Васей свои новые познания. Но это не мешало им уплетать галушки за обе щеки. Бронислава, взяв себе в помощники Сашу,

удалилась. Они вернулись с мисками сметаны и кошелками малины. Запах малины разлился в вечернем воздухе.

Вечерняя звезда показалась над деревьями.

Глядя на нее Марк сказал: — Смотрите — словно маленькое сердце всего этого неба — бьется первая звездочка...

— А может быть это самолет зажег сигнальный свет? — присматриваясь сказала Зинаида.

— Ты всегда в прозе — возразил Марк.

— А ты всегда в эмпиреях — пошутила Марта.

— Ну что ж если и ты против меня... Ничего не поделаешь! Но все же это не аэроплан! Как все таки въелась в наши души техника! — уже волнуясь сказал Марк.

— Бери сметану, — подставив миску призвала Марка к действительности Брониcлава.

Но Марк набирая сметану продолжал: мы все же рабы диктатуры, еще никогда небывалой. Пусть наши внуки слепыми будут рождаться, а мы будем прийдя домой вместо того что бы побаловать детей, поговорить с женой, крутить кнопки и пускать в ход телевиденье.

— Миллионы людей как раз в это время этим заняты — заметил Игнат. — Какая небывалая толпища! Сколько общих, односторонних мнений вырабатывается. Все как один знают одно и то же, видят одно и то же, слышат одно и то же.

— Скоро все будут, как обезьяны совершенно одинаково реагировать — сказал Марк.

Бронислава подсела к своему мужу — к дяде Пете. Она нежно смотрела ему в лицо, поглаживала его руку.

Дядя Петя давно простил ей бегство к Богатому, но она все еще чувствовала себя виноватой. Прошлое она считала теперь ненормальностью. Ненормальность же свою приписываал прежней своей жизни в механическом мире.

Она много думала над своей ошибкой. План оправдания у нее созревал постепенно и наконец нашел свое выражение. Ей захотелось открыть свои думы теперь, вот за этим ужином. К этому располагал ее, быть может, запах малины, такой нежный, объединяющий.

— Бывало выспишся хорошо, напьешся кофе, на душе хорошо — сказала она. — Выходишь на улицу и сразу : в ушах изступленный рык машин, в нос бьет угаром бензина, настроение становиться нервным, хочется куда то спешить, хочется сразу чего то нового, все постоянное раздражает. Ничто не нравится, словом некий бес вселяется. — с этими словами она взглянула на мужа, застеснялась, вся ежась и делая на лице детскую гримаску сказала : — Вы быть может смеяться будете над моим « открытием », но мне все равно ! Мне кажется — Нефть произошла из останков людей, миллионы лет живших до нашей эры. В ней сосредоточилась вся злость, вся та греховность, за которую Господь обрушил на них горы земли. — Все с любопытством повернули головы. На столе шевелилась тень листьев, она ходила кружевом по лицам и одеждам. Бронислава не могла поэтому увидеть как принимаются ее слова. Смеются ли над ними ? На лице ее, залитом луной и потому как бы почти нереальном, написалась решительность ангела освобождающего из темницы святого апостола. — Вот почему все сходят с ума, злятся и беснуются, надышавшись нефтяными парами. — сказала она и нежно поцеловала мужа. Никто не смеялся. Наоборот ангел тишины пролетел над столом, слышно было только как Волчек чешет за ухом лапой.

Марк прервал молчанье : — отец Илларион, грех ли это желать конца мира ? спросил он.

— Желать быть может и грех, но он предсказан всеми священными писаньями.

Не только священным — сказал дядя Петя —

Леонардо да Винчи тоже предсказывал. И даже жаждал конца света ! Вы помните его басни ?

Я наизусть не помню, но постараюсь передать своими словами. Он писал что будут войны, что люди не будут знать меры своей злобе, что они уничтожат леса, будут наслаждаться муками животных. Что они дойдут до всего, что под землей и на земле. Что они поднимуться в небо, но что их тяжесть потянет их на землю. Он восклицает : « О земля почему ты не разверзнешь своих недр, что бы поглатить существа столь безчувственные и жестокие, дабы не являть больше небу этого ужаса ».

— По моему он все же делал исключения — сказал Игнат — помните он говорил, что есть люди ГЛАЗ и люди для поставления нужников.

— Да, конечно, помню — согласился дядя Петя.

— И это было сказано больше пяти веков тому назад — задумчиво промолвила Лукерья.

— Что если бы Леонардо жил теперь, видел, как это существо вооружилось ! воскликнул Марк. — А ведь он фактически был и изобретателем. Хотел летать. Помогал техническому прогрессу.

— Вероятно это он делала для себя и для людей ГЛАЗ. — высказал догадку дядя Петя.

— А может быть для того что бы скорее приблизить конец ! ? — спросил Игнат.

Молчавшая до сих пор Марта, отозвалась : Хорошо, что в свое время, никто не прочитал того, что он писал. Его сожгли бы вместе с его дневником !

— И нас тоже бы с удовольствием уничтожили, если бы могли — вмешалась Мария — Мы бельмо на глазу соседних фермеров. С их точки зрения мы изуверы, дикари.... Знаете, что произошло вчера ? Когда мы в поле окапывали картофель, подошел какой то пожилой фермер. И давай нас чистить на все корки. Чего он только не орал ! Что мы все идиоты, что нас

надо посадить в сумасшедший дом... Ругательства и оскорбления так и ссыпались из его огромного рта, похожего на помойную яму. Мы, наконец, не выдержали и отогнали его сапками. Удирая он выкрикивал проклятья по твоему адресу, Марта.

— Я знаю сама, что меня не любят, не понимают. Им дико, что у меня нет ни трактора, ни автомобиля, но есть лошади — с грустной улыбкой сказала Марта.

— Мы напоминаем гоголевского Хому Брута. — вставая из за стола, проговорил Володя — очертили себя закрещенным кругом от нечистой силы и молимся у гроба панночки. Она — это колдунья природа, а Вий, желающий ею обладать, это технический мир, со всеми своими нечистыми духами. Он ждет... Он ждет нашей слабости, он хочет поднять свои железные веки...

Волчек внезапно вскочил, зарычал и кинулся в темноту кустарника.

— Кто там? — встревоженно крикнул дядя Вася.

— Волчек, назад — приказала Марта.

Собака вернулась сама не своя, с поднятой шерстью с поджатым хвостом. Всем стало почему то не по себе. Непонятный, мистический страх охватил всех присутствующих. Марк взволновался больше всех. Он схватил руку дяди Васи, потом вдруг поцеловал его в лоб и сказал тихо:

— Спасибо, дядя Вася, за то, что вы сделали...

Дядя Вася тоже сильно растрогался. Начал всех обнимать и целовать.

« Спокойной ночи, дети мои... Я пойду... У меня голова немного кружится ». Марта взяла его под руку и медленно повела к замку.

Девушки шепотом сговорились спать вместе в одной комнате.

Отец Илларион сторожил в эту ночь замок. Всю

ночь Волчек вел себя ненормально. Часто взвывал, бегал, суетился, не находил себе места. Когда побледнели звезды, отец Илларион услышал музыку или вернее пение неслыханной красоты. В чрезвычайном волнении он прошел в зал, сел за рояль. Музыка еще звучала в его ушах. Он надеялся тут же записать ее и начал, как в бреду набрасывать на листе ноты. Через некоторое время он захотел проиграть то, что записал.

Ничего похожего на слышанное не получилось. Он с досадой перестал играть. И снова, где то в глубине самого себя услышал ту же чудесную мелодию. Запечатлеть ее простыми нотными знаками было невозможно. Эта музыка теряла свою нездешнюю гармонию, свой нездешней свет, как только он пытался ее закрепостить. Почему то ему вспомнился светлячок, горящий волшебным светом в темные июльские ночи и превращавшийся в серого безобразного червячка, как только наступал день.

XIII

За темными холмами, из огненной реки показалось солнце и перед его лучами в смятении расступались облака. Ночной ливень сменился мелким дождиком. Замок и его окрестности виделись словно сквозь дрожащую, свисающую с неба паутину.

В дрожащей этой паутине бежало семеня ножками стадо белошерстых овец, а за стадом босыми ногами шагал дядя Петя с раскрытым над седой головой черным зонтиком.

Между длинными тенями построек и деревьев лучи солнца озаряли почти уходящий дождь. В просветах зонтик зеркально вспыхивал, серебрились спины овец и согнутые в бараний рог рога барана делались золотыми.

Марк запрягал Чубарого и Заседателя в фургон. Девушки стояли под навесом крыши. С крыши нехотя капало. Попадая в лужу капли булькали и взбивали пузыри. Монотонность капанья и бульканья, перебил топот копыт. Девушки повернули головы. В воротах конюшни возникла Марта верхом на Гракхе. Зацепив копытом порог, жеребец круто выгнул шею и радостно пофыркивая осмотрелся. Марта выпрямилась в седле.

Взглянув на небо она сказала : — сейчас распогодится, я съезжу за письмами, потом заеду к вам на сенокос.

Дядя Петя закричал : — доброе утро Марточка, дай мне пожать твою ручку.

Гракх зарысил, выделывая пируэты, и напрашиваясь на галоп.

Любуясь наездницей и лошадью дядя Петя делился впечатлениями : — ах ! Как приятно вот так шлепать босиком по теплой земле — говорил он громко — грязь словно маслянная краска, выдавливается между пальцами. Я нахожусь как бы в еще не просохшей картине. — Иллюстрируя его слова, словно горячий мед облил стену замка, брызнул по листве деревьев и начал разливаться пятнами по дороге. К разливающемуся лакомству приникли яркие лучи солнца. Запылали овцы, зонтик, удила и стремена превратились в ослепительные пучки лучей.

В пяти шагах от протянувшего руку пастуха, Гракх выпучил глаза на зонтик, захрапел и попятился в ужасе.

Марта тронула его хлыстиком. Жеребец завертелся волчком. Марк крикнул : дядя Петя закрой зонтик, он боится ! — Увидев косым глазом закрывающийся зонтик, жеребец еще пуще испугался. Раздувая ноздри, вздернув голову он закусил удила, закинулся и потащил Марту огромными прыжками по двору. Встретив каменный забор жеребец хватил через него таким высоким скачком, что Марта едва не вылетила из седла.

— Что я наделал ! — подумал Марк. То, что он видел ему казалось ужасным. Его невеста стоя на стременах висела на поводьях, а под ней бесился могучий ее Гракх. Словно с волны на волну бросаемый челн среди бурного моря, мчалась горячая лошадь по выгону.

Выскочив на фургон Марк бездеятельно, безпомощно следил глазами за этим ужасом. Невозможность помочь гибнущей на глазах невесте мучила Марка, одним из самых невыносимых чувств человеческих.

Что бы лучше видеть девушки взобрались на за-

бор. Им казалось, что борьба подруги, такой же как и они девушки, с бешенным жеребцом, ставит весь женский род в зависимость от исхода этого состязания.

Отец Илларион хотел было выпустить коров из загона, но увлекся зрелищем и забыл свое дело. То что представлялось его глазам напоминало ему бурную потрясающую музыку.

Марта скрылась из вида. Жених дрожащими руками связал постромки на спине Чубарого, стал на дышло что бы легче было сесть на коня верхом.

— Куда ты! все кончено! послышался могучий голос. Все повернули головы и увидели на крыше амбара размахивающего руками Игната. У Марка потемнело в глазах.

— Как! завопил он — упала? Упала? да говори же наконец!?

— Успокойся, ничего не упала, наоборот едет теперь шагом в сторону почтового ящика.

Радостные возгласы девушек, их задорный смех показались Марку ангельским пеньем. Он кричал Игнату: — никогда тебе этого не забуду всю жизнь буду тебе благодарен.

— Ты лучше запрягай, смотри лошади твои запутались в упряжки — спокойно ответил Игнат, слезая с крыши по приставной лестнице.

Отец Илларион отсунул жердь. Коровы повалили из загона сталкиваясь боками, мыча и разбрасывая слюну.

Каждая несла вымя с четырьмя сосцами и смотрела ничего не выражающими глазами, помаргивая белыми ресницами и дуя из влажных розовых ноздрей, на сопровождающих, налипающих на глаза и ноздри мух. Бык выехал из ворот на телке. Телка выпрыгнула из обьятий. Бык задрал верхнюю губу замер, потом присоединился к стаду. Пахло парным молоком, над следами раздвоенных копыт танцевала мошкара. Как видно она слышала не слышную нам музыку.

Волчек задрал лапу на колесо и брызнул словно из спринцовки, с таким деловым видом будто бы для этой цели был кем то срочно послан.

Девушки с граблями и вилами, подмостив под себя мешок набитый соломой, рассаживались на фургоне. Ослепительное зеркало лужи, от сиянья которой жмурились глаза седоков, лошади разбили копытами. Колеса намотали на себя блеск и оставляя на подсохшей дороге мокрый след, повели свой тихий разговор под аккомпанимент топота конских копыт.

После пережитой тревоги Марк не знал куда девать клокочущую в душе радость. Победа Марты возбуждала в нем лирические чувства. Он чрезвычайно добрым голосом крикнул на лошадей : — Эй, вы любезные ! Потом не поворачивая головы и глядя на танцующую сбрую и крупы лошадей обратился к своим пассажиркам :

— Вот она, тут с нами та дорожная мелодия под которую не мало дум сформировалось у людей прежней эпохи. Под эти вот спокойные звуки дремали в своих кибитках мечтатели, поэты, композиторы, художники. Ангелы воздуха, земли, сопровождали их в дороге. Мы видим, чудесный мир, чувствуем благоухание. Только вот ангела птиц больше нет, жаворонка поднимающегося в небо с благодарным пеньем мы никогда не увидем. Если нам удастся сохранить деревца, да травку, да цветы... Все остальное пространство земное превратится в пустыню в которой будет царствовать человек. — Договорив это Марк переложил возжи из правой руки в левую и хлопнул себя по затылку. Это Виктория водила по его шее стебельком. Заговорщицы прыснули в кулачки. Марк продолжал : — мы рожденные в дыму, в грохоте, в спешке, в мельканиях предметов, в электрическом свете среди пересекающихся и проходящих сквозь нас различных волн, только тут можем сосредоточиться. Я например могу вам сказать, что человек верящий в

то что технический прогресс может поднять мораль есть несомненно человек в области точных знаний первейший из первых и несомненно очень ограниченный там, где интуиция, мораль и дух силятся вырваться за грань догматов и всепризнанных истин.

— Но ведь и точные знания могут быть духовными — возразила Мария.

— База необходима — добавила Зинаида в свою очередь водя колоском по затылку оратора. Марк снова прихлопнул воображаемую муху.

— От научных ядов мухи живы, а птицы погибли — сказал он с досадой.

Лукерья слушала Марка с благоговением, ей не нравилась детская резвость подруг поэтому она сказала :

— Да мухи на двух ногах.

Оглянувшись Марк увидел веселые лица, смеющиеся глаза. Ему стало еще веселее. — Дурачиться так дурачиться ! — сказал он, засмеялся и задел кнутом ветку вербы. Девушки закрыли руками головы поджали обутые в сандалии ноги. Словно из лейки полила их задетая ветка. Легкие платья оказались пробитыми на вылет. Холодные капли окатили спины, руки, груди. Поднялся визг. Марк целился кнутом в следующую ветку.

Мария и Виктория с озорными лицами принялись вырывать кнут. Среди девичьего визга и порывистого смеха, лошади свернули с дороги и по животы потонули в овсе.

— Так вы не скоро доедете ! раздался голос, словно гром из чистого неба. Головы как по команде повернулись. В тени высокой вербы, затемненная веером лучей, Марта на своем Гракхе казалась туманным наброском. Жеребец тяжело дыша водил боками, дымился и рыл землю копытом.

— Мы так за тебя боялись ! — воскликнула Виктория.

— Он на нас кнутом росу с веток сбивает — пожаловалась плаксиво Мария.

— Какая красота ты и твой Гракх — льстиво пропела Зинаида. Распаленные борьбой лица были красными, глаза виновато опущены, волосы растрепаны, платья не совсем прилично расстегнуты. Марте показалось, что подруги думают будто бы она из ревности нагрянула. Ей стало неловко.

— А ты не сказала за что — сказал Марк выправляя лошадей на дорогу. Когда выехал из овса понял, что оправдываться глупо и что бы переменить настроение, спросил :

— Почему Гракх испугался зонтика ?

— Все лошади зонтиков боятся — ответила Марта.

Она тронула лошадь и ехала за фургоном так близко, что девушки чувствовали на себе конское дыханье. Оно обдавало их чрезвычайно приятным запахом разжеванной травы.

— Почему ? — полюбопытствовала Лукерья.

— Длинная история — продолжала Марта — но я вкраце скажу вам то что думаю. Знаю от дяди Васи, что в прежнюю эпоху у юнкеров было ругательство : « Что-б ты под зонтиком издох ». Человек под зонтиком по их понятию : трусливый штафирка. Зонтик одна из эмблем, отделяющих штафирку от военной среды, от защитников родины. Эмблема презренная. Лошади крепко были связаны с военной жизнью. Они никогда поэтому не видели зонтиков. Но это еще не все... Если заглянуть глубже, для чего изобретены зонтики ? Для защиты от солнечных лучей, от дождя. Человек отгородился им от природных явлений, от неба.

Я думаю лошадь боится человека с зонтиком именно потому, что видит в нем сорт людей таких, которым природа стоит поперек горла.

—Неужели так ? — воскликнула Лукерья.

— Чудесно сказано — одобрил Марк. — но мне хочется добавить : круг изобретен дияволом. Возьмите две вещи : яблоко и зонтик, обе круглые. Яблоко символ первого изгнанья из рая, зонтик символ второго изгнания уже из земного рая.

— Хотя мне очень приятно с вами милые друзья, но есть дела, нужно разобрать письма — сказала Марта натягивая повод и поворачивая Гракха.

— Есть казенные ? — спросил Марк.

— К сожалению — ответила Марта уже отъезжая.

Проезжая верхом по коридору конюшни Марта увидела пустующее с этой весны гнездо ласточки. Это напомнило ей, что соседи, травя насекомых, отравили ласточек. У нее в огороде теперь развелись паразиты, уничтожать их было некому.

— Как трудно быть исключением — думала она, соскакивая в деннике с Гракха. Подняв крыло седла она отстегнула пряжки подпруг. Они повисли по другую сторону живота лошади. Снимая седло Марта подхватила их свободной рукой.

На спине жеребца, потной шерстью, был точно нарисован след потника. Это мокрое место задымилось. Денник наполнился особенным запахом, который Марта не променяла бы ни на какие духи. Свернув из соломы жгут, она стала растирать спину своего любимца. Жгут, постепенно уменьшался, рассыпался по шерсти соломинками. Жеребец косил глазом, заносил угрожающе заднюю ногу. Следовало и с другой стороны растереть ему спину. Места было не так уже много, что бы зайти с другой стороны нужно было обойти лошадь как раз там, где грозно заносилось копыто. Можно было конечно проскользнуть и под шеей. Но Марта крикнув : — стой, не балуй ! Пригнулась и пролезла

под животом жеребца. Это она всегда делала не без некоторого щекочущего нервы чувства страха.

Высушив соломой пятно она вычистила всего жеребца щеткой.

Отдохнув минут пять, Марта поцеловала жеребца в храп, угостила его куском сахара. Потом она бросила в угол охапку сена и спустив Гракха с недоузка заперла денник и побежала с письмами домой. По дороге к ней присоединился Волчек. Они вместе вошли в столовую. Бронислава ожидала дядю Васю с горячим кофейником. Взглянув на стенные часы (было десять минут одинадцатого) Марта перевела удивленно вопросительный взгляд на Брониславу.

— Да, еще не спустился — ответила та. — Хочешь кофе ? горяченького ? — добавила она. Марта отрицательно покачав головой уселась за стол и стала разрывать конверты и читать письма. Конверты с казенными печатями она откладывала в сторону для Дяди Васи.' Первое письмо было подписано звонким именем : Иллона. Смысл и стиль письма соответствовал оригинальности этого имени. « Изнываю, задыхаюсь, обстоятельства заставляют меня раздеваться до гола на сцене. Меня обкрадывают. Насилуют мою волю, мой стыд. Меня заставляют дышать смрадом, подчинятся машинам, я постепенно превращаюсь в робота. Единственное мое утешение это моя лошадь Хажра. На ней я к вам и приеду если позволите » писала эта Иллона.

Марта решила ответить утвердительно. В другом письме литератор просил помощи. Издательства не хотели издавать его книги слишком резко изображающей падение морали и общий маразм. Книга эта была озаглавлена : « Бацилы на двух ногах ». — Хорошо — подумала Марта — пошлю ему чек. Было анонимное письмо. Автор удивлялся, ему было, никак не понять, деятельности общества « Крест и Лира ». В своем возмущении он доходил до площадной ругани.

Марта изорвала это письмо и бросила в корзину.

Она снова посмотрила на часы. Волчек все то время, что она читала, держал голову на ее колене. Марта что бы унять в себе безпокойство, стала почесывать собаку за ухом. Волчек обыкновенно помогал болтая задней лапой в воздухе. Но вместо этого он стоял на всех четырех лапах внимательно смотрел в глаза своей хозяйки, особенно смотрел и хвост его едва шевелился. Словно толчек какой-то ударил в сердце Марты. Она странно, словно подчиняясь этому взгляду встала.

В спальню дяди Васи вела каменная дорога, по которой в старину рыцарь мог въехать верхом на коне на самую вершину замка. Марта поднималась по этой дороге. Волчек следовал за нею чуть ли не тыкаясь носом ей под колено.

У дубовой двери с вырезанными на ней рыцарскими доспехами Марта остановилась, перевела дыханье и постучала.

Ответа не было. Толкнув дверь она вошла. В двух узких бойницах синело небо. Яркость неба мешала видеть отчетливо.

— Дядя, ты спишь? — сказала она тихо. Волчек остался за дверью. То что он не вошел в комнату было не нормально. Ненормальным было молчанье. Пройдя сквозь небесный свет Марта оказалась у самой постели. Дядя Вася подложив руку под щеку, казалось, сладко спит. Ветерок повевающий из бойницы, чуть чуть шевелил легкие белые волосы.

— Уже половина одинадцатого — заставила себя выговорить Марта.

При этом она прикоснулась ко лбу дяди Васи. Каменный холод, как ожег заставил ее отдернуть руку. Она прикоснулась к смерти. Весь мир опустел. — За что? Почему? Зачем? — вырвались из груди безсвязные восклицания. Горло сдавило, мысли ушли, чувства сосредочились в одной точке, которая свети-

лась словно единственная звезда в черной ночи. Там в этом точке было не то, что существует, а то чего больше никогда не будет в этом обыкновенном мире. Слово « НИКОГДА » разросталось превращалось в боль камнем давило грудь, комом стояло в горле. « Никогда » безжалостно отсекало дядю Васю от всей будущей на земле жизни, оставляя Марте сиротство и вечную о нем память. В лице дяди Васи ее поражала отчужденность. Это был уже не он. Ей стало невыносимо оставаться наедине с тем самым дядей Васей что так ласково умел с нею обращаться, так много давал ей именно наедине.

В руках Марты оказался старинный рог, которым когда то оглашалась окрестность призывая людей то к радости, то к горю. Высунувшись в бойницу она стала трубить.

В самом большом зале замка, с хорами вокруг стен, с расписанным мозаикой потолком, состоялось собрание всех членов общества. Кроме тяжкой потери в лице дяди Васи как любимого и всеми уважаемого человека, перед обществом еще стоял вопрос о его существовании. Все зависело от завещания и от решения Марты. Поэтому ждали ее прихода с большим волнением.

В трауре, ведомая под руку Марком, с поднятой высоко головой Марта вошла в зал при полной, глубокой тишине.

Игнат подставил ей стул, но она не села. Отвесив всем собравшимся низкий поклон она твердым голосом сказала :

— Все свои силы я положу на то, что бы общество наше продолжало существовать — почувствовав одо-

брение она подняла к глазам своим и прочла завещание дяди Васи.

Прежде всего все услышали, что наследницей всего имущества движимого и не движимого была Марта. После этой официальной бумаги выслушанной всеми с низко опущенными головами, Марта взяла из руки жениха исписанный крупными почерком лист и прочла следующее :

« Любимая моя племянница ! Мне очень неприятно доставлять тебе хлопоты. Но они не лишние. Как ты знаешь я прожил свою жизнь честно и потому хочу что-б меня похоронили честно. Это значит, что если не найдется катафалки древней, конной то пусть отвезут на простой телеге наши лошади мой гроб. Моя старая Россинанта пусть следует за моим гробом поседланная моим строевым седлом. Для упокоения моего тела есть еще место в нашем фамильном склепе. Думаю, что отец Илларион не откажет отслужить по мне панихиду ». Ни один мускул не дрогнул на лице Марты в течении всего этого грустного чтения. Только дочитав последнее слово она беспомощно опустилась на стул. Сквозь загар проступала бледность на ее лице, финиковые глаза свои она потупила долу. Она ни разу не подняла своего лица, когда все начали тихо совещаться между собою, обсуждая все то что следовало предпринять в связи с похоронами дяди Васи. Игнат вызвался сходить в город и попытаться найти катафалку. Отец Илларион был озабочен неимением священных риз. Но Мария и Виктория вызвались пошить их. Зинаида и Лукерья пообещали пошить черные попоны и черные капоры. Дядя Петя пообещал разрисовать ризы золотом. Он из всех, как то наиболее страдал, он крепко переживал горе Марты. Ему очень хотелось хоть чем нибудь ее отвлечь, развеселить. Он подошел к ней наклонился заглянул ей в лицо, положил ей на плечо свою руку зашептал :

— Марточка, знаешь что ? — приподняв голову

Марта смотрела ему в глаза грустно, грустно. В ее лице и во взгляде было что то детское несмелое, ожидающее, как бы от дяди Пети утешения. Увидев все это дядя Петя залепетал шепотом : — свой зонтик я в поле сжег.

Святая невинность седого художника, сотворила первую улыбку на новом жизненом пути Марты.

XIV

В городе Игнат быстро нашел похоронный магазин. Насчет гроба и его доставки на машине до условного места, разговор с гробовщиком был коротким и ясным. Но когда Игнат заговорил о старинной конной катафалке, хозяин магазина, удостоверившись что это не шутка, посоветовал Игнату заняться археологическими раскопками в джунглях. Следовало бы после такого совета сразу вернуться домой, но Игнат был слишком добросовестным и потому решил попытать счастья в других местах.

В кабачках было людно и ему показалось, не безполезным потолкаться среди народа, поразспросить. — А вдруг кто — нибудь видел в сарае хоть пыльную грязную, но все равно можно привести в порядок — подумал он.

В каждом кабачке Игнат заказывал себе выпивку. Даже угощал старичков вином и заводил с ними разговор о катафалке. Результат получался всегда и везде один и тот же : собеседники умолкали, переглядывались с кабатчиком и его клиентами глубокомысленными взглядами. Читать эти взгляды было Игнату легко : он понимал, что даже старички видят в нем ненормального, который только случайно разгуливает на воле.

В общем это его даже развлекало, он производил некий опыт над современной психопатией человеческой.

Именно то, что во всех кабачках реакция была одна и та же, показывало Игнату, что люди под влиянием технических достижений, дошли до одного уровня мышления.

В одном из кабачков Игнат вдруг увидел знакомую фигуру у стойки.

— Сенька, ты ! ? спросил он.

— О, Игнаша ! какими судьбами ! ? ответил молодой франт в дорожном костюме. Приятели крепко пожали друг другу руки. Можно было подумать, что они обнимутся и поцелуются. Но этого не произошло, Игнат терпеть не мог целоваться с мужчинами.

— Сто лет не виделись, давай-ка сядем за столик. — В голосе Сеньки было много лиризма. Игнат сразу увидел, что лиризм приятеля главным образом питается яркостью костюма, холеной внешностью, уверенностью в том что он все знает, понимает и что по-за его знаньями и понятьями, ничего интересного быть не может.

— Но, не сто, а года два, пожалуй — отозвался Игнат, отодвигая стул. Они уселись лицом к лицу. Каждый заказал лакею выпивку по своему вкусу.

— Ну, так вот я возвращаюсь домой. Мои каникулы тю, тю, тю... Кончились ! Трудно начинать, опять тянуть лямку — заговорил Сенька.

— А я лямки не тяну — заметил Игнат. Но это замечание, как бы, прошло мимо ушей Сеньки. Он продолжал с азартом :

— На своем автомобиле я побывал в Италии, в Сербии, в Греции и жена со мной. Чего только мы не видели, каких блюд не отведали. А на дороге что было ! Ты себе представить не можеш, как я мчался ! Обгонял такие машины : « Дрин Дрон, « Шиномаз » а у меня « Какч Перекач ». Мой горизонт так теперь расширился, благодаря поездке ! — И еще и еще хвастался Сенька, прихлебывая из стакана вино. Ему явно хотелось возбудить зависть в приятеле. Однако Игнату

завидно небыло. Наоборот у него росло по мере разговора отвращение.

— Вот, ты думаеш, будто бы у тебя горизонт расширился — перебил словесный понос повествователя Игнат.

— Безусловно — уверенно воскликнул Сенька.

— Так знай же, что он наоборот у тебя сузился до ширины тех дорог по которым ты мчался. Ваши все впечатления сводятся к бегущему навстречу шоссе. Вы все одержимые. Вы все под наркотиком быстроты, собак давите, людей давите, сами убиваетесь. Сколько ваши поездки стоят!? Мертвых собирай, раненных лечи, дороги вам строй, полицию для вас содержи, да еще и какую полицию: на вертолетах. Вы стоите черт знает сколько! На эти деньги можно содержать миллионы лошадей. А поезда вполне достаточны для того, что бы ехать далеко.

— Шутишь, Игнат! Воскликнул Сенька — ведь это же прогресс, культура!

— Да, конечно, если это культура... ты прав. — согласился Игнат, делая саркастическую улыбку.

— Помилуй, конечно — пожимая плечами — сказал Сенька и переводя разговор на другую тему спросил:

— Ну, а ты, что поделываешь, отдыхаешь!? Тут в общем положение не плохое, но удобств пожалуй еще мало. Места дикие.

— Я работаю на ферме, а не отдыхаю. У нас другой мир, другая культура — отмахиваясь от осы ответил Игнат.

— Как может быть другая культура? все культуры теперь одинаковы, даже папуасы и те культивируются. Да уж не стал ли ты монахом!? Может быть христианство хочеш возродить? С этими словами Сенька начал присматриваться к мозолистым рукам Игната, к его костюму. Глаза у него стали нахальными.

Сенька чувствовал свое превосходство. Свою неотразимость.

— К сожалению, я не христианин, благодаря тому, что не могу любить людей. Но в нашем обществе есть и христиане.

— Я это понял сразу. Автоматически люди не видящие блага в прогрессе, должны быть ненавистниками человечества. Как можно не ценить достижений ! Я например хотя и атеист люблю человечество. Мы живем и работаем на благо людей. Вся наука построена на любви к человеку.

— Как же ты любишь !? спросил Игнат — вот ты описывал мне с восторгом, как ты всех на дороге обогнал. Это ради любви что ли ? Нет, брат у меня больше логики в моей нелюбви. За что их любить ? За то может быть, что отравили реки, моря, уничтожили деревья, уничтожили всех животных, изобрели телевизоры, которые учат разврату, держат толпу в лапах сатаны. Тут как видишь дорогой мой есть за что ненавидеть а любить не за что.

— Да, это есть, существует, но все это чепуха по сравнению с тем что нам дается. Животные, деревца без них можно еще лучше жить. Вот я благодаря науке и технике провел великолепно свои каникулы. Мы стали быстрыми, всезнающими, труд сведен почти до нуля.

— Вернее будет, однако, сказать : мы стали ядовитее скорпионов, обжорливее акул, мы запутались в сетях проводов, радио — волн, мы умираем и нас, словно скот, тащат в могилы на машинах с быстротой сто в час. — Сенька хотел прервать Игната, но Игнат вошел в азарт и продолжал чистить человечество на все корки : — сколько пилюль ты поглащаешь ? Сколько раз тебя кололи во все места, что бы искусственно поддерживать в тебе твой разум, твою энергию, твою тупо тлеющую жизнь. Разве ты спишь без снотворного ? Разве ты не болен язвой ? Разве у тебя не

черные легкие? Разве ты хоть раз в жизни задумался о своем назначении? Разве ты хоть раз в жизни помолился? Разве ты не чувствуешь, что каждую секунду может взорваться водородная бомба и все полетит вверх тормашками? И ты думаешь, что за все это я должен благодарить? Мой лучший друг полагает, что за все это, нужно всем вашим техническим советникам и ученым прописать всенародную порку.

— Это ты уж слишком хватил! — с этими словами Сенька в раздражении чрезвычайном вскочил, бросил монету на стол и вылетел из кабачка бомбой.

XV

Среди чашек, бокалов, крошек и пятен на скатерти стоял транзистор в чехле с ремешком и пряжкой. Богатый задумчиво крутил кнопки. Голоса каких то людей, словно поджариваясь на сковородках, потрескивали, то громче то тише. Рявкнуло и еще раз, и еще раз. Затараторило : быстро, быстро, на языке незнакомом Богатому. Невеста и сестра смотрели на перстень Богатого. Крупный бриллант пускал лучики.

Вдруг в соседней зале грянул джаз. Так и не успев, в мировом пространстве, уловить подходящей волны, Богатый резким поворотом кнопки прекратил истерику своей игрушки.

— Глянь-ка, что они там затеяли ! ? — обратился к невесте Богатый.

— Пусть она сходит — указала она на сестру — мне не хоцеца.

— Нет, ты ступай — приказал жених.

Вынув из сумки заркальце невеста подправила голубой помадой губы, взяв другую помаду намазала ресницы красным, под глазами пустила зеленый цвет. Отставив заркальце она внимательно присмотрелась к своему лицу. Спрятала зеркальце, встала, покрутила разноцветными кудряшками. Надувные туфли с ангелом и чертом беззвучно донесли ее к двери. Приоткрыв дверь она, тут же притворила ее и промолвила : — купсиски тансюют. — Положив на плечо Богатого

ручку, она зевнула, уселась ему на колени и еще не совсем закончив зевок предложила: — пойдем спать, мне хосеца в кловатку.

— Тебе всегда в кловатку — передразнила сестру младшая сестра.

В голове у Богатого сидел другой транзистор. Вместо электрических батареек, эту машинку приводили в движение три вещи: коммерция, желудок и половая энергия. Невеста старалась пустить в ход эту последнюю. Поерзав на коленях, она решила добавить еще и поцелуй с тем что бы жених сделался мягче и послушнее. Но так, вдруг целоваться новой модой запрещалось. Полагалось сначала спринцовкой убить бацилы, у себя во рту так же как и во рту партнера. Когда она уже спринцевала свой рот, Богатый сказал:

— Я хочу танцевать.

— Отклой лот! — крикнула невеста, целясь спринцовкой.

Но Богатый, закрыв рот рукой, спихнул ее с колен и сказал:

— Убирайся со своей спринцовкой, это будет потом.

— Мне такое обсество не по нутлу, там хамы тансюют — попробовала, еще одно средство невеста.

— Раз я не брезгаю, тебе и подавно не следует брезгать. Ты не можешь, а я если захочу, могу купить себе любой титул, могу сделаться бароном, графом князем.

— Богатый, сделайся князем — запищала сестра.

— Дураком нужно быть! — Прикрикнул Богатый на девченку.

— Посему дуляком? пли сем тут дуляк? все еще держа спринцовку на готове спросила невеста.

— Богатство, роскошь, кутежи, траты на любовниц, разводы привели аристократов к концу их царства — ответил Богатый выпучив глаза, в которых появился зеленый огонек.

— Ну и сто? это-зь не месает теперь — слюняво прошепелявила невеста.

— Ты думаешь не « месает » сама ты не « месает ». Посмотри дуреха на то, что происходит : возьмем хотя бы куплетистов ! Они все чертовски богаты, они кутят, имеют дорогих любовниц, постоянно меняют жен. И что же? кроме восторга эти дела других чувств не возбуждают. В чем же тут секрет ? Кумекаешь ? Вижу нет, не можешь сообразить. И все народы об этом, даже не думают. А почему ? А потому, что новые обладатели капиталов выдают себя за демократов.

— Богатый, ты очень умный ! — воскликнула девченка.

— Пошли ! сказал Богатый. Сестра взяла Богатого под руку, Богатый обнял невесту за талию. В таком положении тройка вошла в зал.

Джаз оборвался. Танцующие застыли, словно духи, которых застал ненароком полуночный бой часов.

В зале находился кореспондент, посланный редакцией газеты за новостями о Богатом. Увидев настоящего Богатого воочию и в не далеком расстоянии кореспондент выскочил на стул и бахнул зажигательную речь :

« Господа ! » — завопил он истошным голосом. « Внимание ! Внимание ! Наше скромное общество, должно быть благодарно ! Вот он : Сам Богатый, окруженный девицами, которым следывало бы показываться на экранах телевизоров, посещает наш был ! Это демократ, который взялся за перекраску негров в белый цвет. Все расы станут одноцветными. Пропадет вражда. Дороги для автомобилей расширятся и их станет в сто раз больше. Качество автомобилей улучшится. Телевизоры будут передавать не только цвет предметов, из них, запросто, будут в наши дома выходить артисты и разгуливать по комнатам. Богатый стоит за прогресс и делает все возможное и невозмож-

ное для того что бы этот прогресс двигался вперед и вперед без конца!»

Публика взволновалась. Долгое ура смолкло только тогда, когда Богатый поднял руку.

— Тронут, благодарю! — сказал он прикладывая к сердцу ладонь.

Оркестр грянул с новым воодушевлением.

Сестра вцепилась в Богатого. Все замелькало завертелось: пестрые юбченки, лица, прически, туфли, розовые пятки девиц.

Надутые подошвы слишком высоко подбрасывали Богатого. Воздух провинции расстроил здоровье Богатого. Забитый насморком нос при первом же скачке выпустил бульбу. Богатый полез в карман за платком. Подошвы продолжая делать свое дело постепенно уменьшали прыть, но все же поймать в платок нос, Богатому долго не удавалось. Высморкавшись наконец он снова не расчитал взлетел и пошел чесать в припрыжку. У сестры не было надувных подошв, поспевать за кавалером ей было трудновато, в этом помогала ей легкость тела и детский задор. Глядя на эту пару публика решила, что это новая мода, требует так скакать. Что бы не ударить в грязь лицом, все стали подражать, но без специальной обуви исполнение нового танца было затруднительным.

При помощи надувных туфель, невеста танцевала с сыном мясника. Можно было подумать, что парень этот задался целью пробить паркет. Сердце его пылало, глаза горели, а руки были холодными и потными.

— Давай жару, давай духу! — орал Богатый.

Передав сестру невесты кореспонденту, он хватал то одну, то другую девицу. Творил такое, что высокая девушка с длинными мускулистыми ногами, громко завизжала. Другая коротенькая, грудастая, если бы Богатый не увернулся, обязательно вьехала бы ему

кулаком в морду. Увернувшись Богатый завопил: — пейти братцы, за все плачу!

А уже хозяин (рад стараться), с лакеем таскал лавируя среди танцующих всевозможные напитки.

И музыкантов Богатый поил. Усевшись за стол, он подзывал к себе, кого попало, и заставлял пить. Дым стоял коромыслом. Джаз гремел все неистовее. Атмосфера становилась душной и вонючей. Богатый вел к тому, что бы развязать страсти. Это ему как вообще все всегда удавалось. Девичий визг, выкрики, топот ног, звон стаканов, действовали на опьяневшие головы так, что не только кавалеры, но дамы потеряли последние остатки скромности. Тут Богатый доставил еще одно внезапное удовольствие: он потушил свет. В темноте Богатый залился раскатистым хохотом.

— Только раз в жизни живем! — кричал он — Делайте, что хотите. Радуйтесь, веселитесь. Я вам все позволяю.

Джаз замолк. В тишине слышались шорохи, вздохи, визг, призывный смех прерывался звуками поцелуев.

Богатый зажег свет. Вид залы удовлетворил Богатого, дело явно приближалось к безстыдной и дикой оргии. На столах, под столами, прижатые к стенам, растрепанные корчащиеся тела промелкнули и снова скрылись в темноте.

Вдруг пронзительно вскрикнула невеста. Богатый повернул выключатель. Среди вспыхнувшего света невеста схватившись за живот упала на стул. Богатый подскочил к ней. В зале начался переполох, многие очнулись и окружили невесту. Жених спрашивал:

— Что с тобой? Болит, где болит? — чуткий слух уловил бы в голосе Богатого тщательно скрываемые нотки радости.

Но откуда было взяться чуткому уху? Оглушенная публика видела перед собою наоборот убитого горем

человека, который стоял на одном колене и обнимал двумя руками тоненькие ноги своей возлюбленной. Невеста не отвечала, она только корчилась и стонала.

Пробившись сквозь толпу, хозяйка предложила перенести больную в свою комнату.

Сын мясника хотя и не твердо держался на ногах взялся за это дело. Он поднял на руки и понес то тело, что весь вечер заставляло его мучительно страдать от вожделения. По правую его руку свисали тоненькие ножки в туфлях с ангелом и чертом, коротенькая юбченка закатилась так высоко что между штанишками и чулком сияло ему прямо в глаза живое тело бедра. Левая рука чувствовала, как скользит легкая материя по спине драгоценной ноши. Невеста порывисто дышала, легкий стон срывался с ее голубых губ. Приближалась постель в комнате хозяйки. В пьяной голове сына мясника создавалась иллюзия, совершенно противоположная действительности. Не будь тут же рядом Богатого и хозяйки, сострадания к больной у него ни под каким видом не оказалось бы. Подавив усилием воли свою похоть, он положил невесту на постель и заскрежетав зубами отошел в сторону.

Богатый ломая руки просил хозяйку вызвать скорую помощь. Присев на край постели, он начал растирать себе колени. Повернув голову к стенке невеста пролепетала : я снаю ты хотел этого.

— Ну, как ты можешь так думать? как тебе не стыдно. — У нее бред-обратился он к хозяйке. Но она не очень поверила. Тогда Богатый зарыдал и приложил свою огромную лапу с бриллиантом на пальце к огненному лобику невесты. Растворяя красную краску ресниц красные слезы, обмочили пальцы жениха.

Хозяйка выгнав из комнаты любопытных, пошла звонить по телефону.

— Если ты будешь при людях болтать чепуху я

не посмотрю что ты больная — прошептал злобно Богатый.

— Я зе тебя плосила не надо тансевать — упорствовала девица. Богатому стало не по себе, жалость вкралась в его сердце. Сквозь страданья на лице невесты проступало нечто новое, человеческое. Эти нарощенные искуственно зубки, и это платье с надписями и прическа с разноцветными кудрями, все это вдруг показалось Богатому пустым и никчемным.

Когда в комнату вошли санитары в белых халатах, Богатый очень удачно выдавил из своих глаз слезы. Это он умел делать, ибо в таких случаях всегда вспоминал о своей гениальности, которая приводила его в такой восторг, что слезы могли литься даже рекой.

Богатый сел рядом с шофером и карета скорой помощи помчалась. В больнице все блестело. Белый лак покрывал стены. Приемная освещалась длинными белыми трубами. Сестра в белой косынке начала прием больной с таким видом словно больная, собственно говоря, нечто далекое и не важное в сравнение с тем что о ней скажут бумаги.

Удостоверившись, что бумаги в порядке она еще долго писала новые бумаги.

Наконец больную унесли. Богатого не пустили. Сестра сидела за высоким бюро и еще дописывала что то в толстой книге. Богатый уселся в мягкое кресло на низких ножках, взял из кучи наваленных на столе журналов первый попавшийся ему под руку. Листая его он вдруг увидел знакомую фотографию: тот же профессор в белом халате резал живую собаку и собака лизала ему руку. — Это у того дурака седого художника я видел — вспомнил Богатый.

— Может быть ее будут оперировать, теперь у них опыт благодаря мне — подумал Богатый, вспоминая о том как много собак он продал профессорам. — Как я умно и полезно живу. — думал он дальше. Случай слеп и пока он слеп приносит ущерб человеку

глупому. Нужно уметь вставлять в слепоту случайностей свои глаза и тогда можно любую невыгодную случайность сделать выгодной. Это как разлитое случайно на столе вино обязательно готово избрать себе дорогу прямехонько на штаны. Но если намочить в этой лужице палец и провести дорожку в сторону, вино обязательно потечет по этой дорожке и штаны не пострадают. Можно, если лужица большая, несколько дорожек пустить в разные стороны и все в выгодном направлении. Вот закон природы самый главный: извлекай из каждого несчастия выгоду.

Самодовольная улыбка просияла на лице Богатого он вспомнил что из гаража уже выслан новый « Шиномаз ». Вспомнил какая у него квартира, какое огромное бюро со всякими служащими, вспомнил сколько денег течет ему в карман от негров из самых отдаленных стран. И снова он думал о том, какую огромную пользу он принесет не только себе но и всей цивилизации человеческой рода, начнет оборачивать свой капитал и строить в разных местах фабрики, строить дороги для машин, распростанять среди людей любовь к моде, к комфорту. Вот и бал я повернул на правильную дорогу ! У людей теперь два интереса : машинизация и разврат. Без разврата и машинизации им нечем заниматься. Нечем жить, но все же моя дорогая невеста слишком разошлась, за ней словно за сучкой целая армия ухажеров бегала. За это я ее потом выгоню. Но пока что извлеку выгоду. Увидим — сказал Богатый сам себе и обратился к сестре.

— Что то долго нет новостей ? Я так страдаю за свою невесту ! Может быть вы будете так любезны и узнаете в чем там дело ! ?

— Она в палате профессора Флакона, своевременно все узнаете ! — ответила бюрократка.

— Можно ли доверять Флакону ? — спросил Богатый, изображая на лице страх.

— Он гениколог хирург. — ответила женщина так гордо словно на ней лежал отсвет светила.

Богатый снова уселся покрепче в кресло и начал громко вздыхать и охать.

Прошло еще некоторое время. Дверь за которой происходили таинственные манипуляции внезапно распахнулась. Белоснежный ангел, с розовым лицом и огромными синими глазами, стоя в раме спросил : — вы Богатый ?

Богатый встал, ангел поманил его ручкой. Девушка ангел шла впереди, в белых мягких туфлях с закрученными в верх носками, платье ее похрустывало. Богатый тревожно задавал вопросы. Отвечать на них ангелу было некогда. Множество белых дверей приходилось открывать, девушка вела Богатого по закаулкам чистилища, и на этой миссии была всецело сосредоточена.

В белой маленькой комнате профессор Флакон мыл руки.

Намыливая их, он слегка повернул голову и сообщил :

Моя клиентка спасена, нужна была небольшая операция. У нее выкидыш.

— Как мне обидно ! — воскликнул Богатый. В комнате было нечто строгое, законное, научное. На стекляном столике лежали резиновые перчатки, шприцы, таинственные инструменты устрашающе поблескивали.

Собравшись с духом Богатый с видом чрезвычайно покорным добавил : — осложенений не будет ? Девушка подала профессору белоснежное полотенце. Вытирая старательно руки профессор довольно грубо отрезал : — все бывает.

Тут Богатый решил представиться — я Богатый сказал он и подождал не протягивая руки. В наружности Флакона что то переменилось. Он вдруг заржал

протянул руку и сказал : — а, очень приятно познакомиться !

— Да у меня черный день ! воскликнул Богатый и словно растроганный любезной улыбкой хирурга начал обнажать перед ним свою душу. Он подробно рассказал про пощечину, которую получила его невеста от неизвестного босяка в ресторане. Описал страданья своей невесты, долго говорил о ее нервности и в конце концов приподнес профессору уже готовый вывод : — вот они причина выкидыша ! Моего несчастья ! Ох, как это все меня удручает.

Однако профессор стоял молча с удивленным лицом и даже голова его слегка покачивалась, не совсем с полным отрицанием, но все же скажем в полусомнении.

— Добавка еще есть — сказал Богатый. — Дрин Дрон у меня украли.

— Да это по радио сообщалось. Кивнув уже менее отрицательно головой сказал хирург.

Она так этим тоже переволновалась ! воскликнул Богатый, чувствуя что попал на благодатную почву. Профессор оживился. — Как вы находите Дрин Дрон хороший автомобиль ? — спросил он.

— Что там хороший ? ! могу вас уверить прекрасный механизм ! — Неужели лучше « Пудродана — Гудзула 8 » ?

— Куда там Гудзулу ! воскликнук Богатый и отчаянно взмахнув рукой посадил « Гудзул » как бы в галошу.

— Я собираюсь себе Дрин Дрон купить — почему то мрачно произнес хирург.

— Покупайте закрыв глаза, мне директор знаком, я вам кредит устрою — горячился Богатый так словно совершенно забыл про свое несчастье.

Между Богатым и Флаконом произошел длинный разговор, в котором оба джентельмена выказали чрезвычайно глубокие познания в автомобильном деле.

После этого доктор конечно не отказал в пустячке и выдал Богатому свидетельство в том, что невеста сбросила ребенка потому, что была избита в ресторане неизвестной, темной личностью.

Богатый наведался к невесте, но она находилась еще под влиянием наркотика.

XVI

Богда Богатый вошел в свой номер, он увидел, что кто-то лежит в кровати, накрывшись с головой одеялом. Он испугался и взглянул на свой портфель. Портфель был тут как тут и повидимому никто его не трогал. Все же Богатый стоял в дверях, соображая, что делать? Не позвать ли на помощь? А вдруг тот самый рыжий злодей спрятался?

Вдруг из под одеяла выглянула сестра и показала ему язык и спросила:

— Ну, как, она жива? Не умрет? Благополучно скинула?

— Ах, ты босячка, что тебе тут нужно? Убирайся к родителям — шутливо напал на девченку Богатый.

Не отвечая сестра снова накрылась с головой одеялом.

Богатый открыл портфель. Бумаг в нем было такое количество, что если бы они попались в двадцатом году жителю Одессы, Москвы или Петрограда, счастливец мог бы, сжигая их одну за другой, в течении многих часов греть на огне руки, но Богатый грел на них руки совершенно другим способом.

Порывшись он вытащил синюю бумагу. Теперь эта бумага возглавила все остальные. По ней Богатый надеялся получить страховку. К этой бумаге он пришпилил только что полученное от доктора Флакона свидетельство, а также и радиографический

снимок доказывающий, что зачатие несомненно было.

— Ну, что? Страховка в порядке? Получишь за выкидыш? Сколько мне дашь? — выглядывая из под одеяла сыпала вопросами сестра невесты.

От такого глубокого понимания практического значения несчастного случая, Богатый опешил. Раскрыв рот он оцепенел.

— Думаешь я дурочка? Не понимаю куда ты гнул? Я могу все рассказать мамаше — продолжала девченка. Богатый заорал:

— Убирайся вон! — и затопал надувными подошвами (тут это было не выгодно, ибо топота не получалось).

— Никуда я не уберусь, буду с тобой! Я тебя отбиваю от сестры! Отбиваю и все! Понял? — С этими словами она выставила из под одеяла свою детскую ножку, и покачивая ею смотрела широко расскрытыми глазами и растягивала губы странными улыбочками.

Богатый начал быстро раздеваться. Потом он открыл саквояж невесты, достал запасную спринцовку.

Видя это приготовление, девченка сама открыла рот. Богатый начал убивать бацилы.

В это утро все в отеле заспались. Первой проснулась хозяйка, ее разбудил крик ребенка. Она поставила молоко на газ. Потом пошла будить мужа. Молоко сбежало. Кухну наполнилась вонью жаренных перьев и густым дымом. Она открыла окно, но дым клубился и не уходил. Что бы сделать сквозник, она открыла дверь. Дым потянуло в коридор, сквозь волокна и клочья, вдруг, как из под земли, выросли жандармы. Их было два. Один маленький другой большой. От неожиданности хозяйка ахнула.

— А где Богатый? — просил большой.

— Доброе утро, мадам, а где Богатый? повторил маленький.

— Сейчас позову! — ответила хозяйка. Что бы не мучить жандармов дымом, она тут же закрыла дверь и крикнула мужу:

— Разбуди Богатого его тут полиция требует.

Готовя соску дитяти, женщина эта сильно призадумалась. Вчерашний бал, который благодаря Богатому дошел до черт знает какого безобразия, давал ей повод видеть в Богатом порядочного мерзавца. Беременной невесте позволял скакать да еще и в пружинящих туфлях. Она вспомнила и слова невесты: « ты этого хотел ». Вспомнила и скандал с пощечиной. Тогда она отлично видела, что Богатый сам ударил свою невесту по лицу. Но не могла пойти против общественного мнения. Она привыкла судить о правде по большинству голосов. Да и не выгодно было идти против богатого клиента. « Дрин Дрон » марка и человек его имеющий поэтому тоже, как бы, марка. Сопоставляя все это хозяйка убедила себя, что Богатый преступник и, что его сейчас арестуют. Всей душой своей (по натуре честной) она радовалась этому. Муж вернулся и объявил жандармам: — Богатый сейчас спуститься.

Если бы Богатому не пришло в голову, что жандармы нашли преступника укравшего его машину, а так же и рыжего скандалиста, он бы не торопился. Но тут узнав, что жандармы его ждут, он торопливо спустил на коврик, свои огромные страшные лапы и протер глаза. Стриженная голова, похожая на тыкву и волосатая грудь поднялись с постели, в которой крепко спала девочка. Рот ее был полуоткрыт, бледное личико, с синевой вокруг глаз, казалось гипсовым.

Заросшей шерстью рукой Богатый взял рубаху, всунул голову, подошел к зеркалу и побрился электрической бритвой. Делая свой туалет и одеваясь Богатый очень жалел, что тут нет его верного слуги негра. Когда все было готово, он откинул одеяло. — Нужно

было хотя бы газету подстелить — подумал он. Следы преступления были слишком очевидны.

Девочка захлопала ресницами. — Ты куда!? — спросила она в испуге. — Проснись, как следует и слушай, что я тебе скажу — строго обратился к ней Богатый. Ущипнув ее за щечку он продолжал:

— Ты, теперь, взрослая, я тебя сделал взрослой. Но если узнают что ты перестала быть ребенком, меня арестуют и посадят в тюрьму, а тебя отправят в дом для малолетних преступников. Так вот: кто бы не постучал не открывай! Сиди смирно и жди моего возвращения.

В коридоре Богатый пустил в ход свой собственный головной транзистор. Оттуда пискнул тоненький голосок: хотя ты Богатый и очень хороший человек, но кто его знает? Держись, а вдруг догадаются! Как же быть? спросил Богатый и получил ответ: явись в полном величии знаменитости. Дальше головной транзистор напомнил Богатому, как один артист изображая Цезаря на телевизорном экране, желая придать императору, сходящему по мраморным ступеням к народу, наиболее величавый вид, на каждой ступеньке, каждым коленом подергивал по три раза. Это замедляло поступь и потому придавало, как бы, нечто царственное походке.

У артиста была тога, сандалии и кухонный нож за поясом. У Богатого был парик, красный плащ, красные очки и надувные туфли. Но это не мешало, во всяком случае не было хуже кухонного ножа и тоги. На первой ступеньке Богатый дернул правым коленом три раза, вышло сразу очень удачно так, что до самого низу лестницы, Богатый ни разу не ошибся. Когда стоящие под лестницей жандармы увидели ноги Богатого маленький сказал: — никак больной.

— Большой определил болезнь: « Пляска святого Вита ».

Таким образом перед властями Богатый являлся как бы в некотором ореоле святости.

Дверь кухни приоткрылась, в щелку высунулся нос хозяйки. На ее вечно плачущем лице изображался страх.

— Не верьте, он нарочно так идет, хочет вас обмануть, держите пистолеты наготове, о это хитрый злодей — шептала она. Но тут Богатый увидев жандармов, стал давать по четыре толчка каждым коленом и в то же время заглушил шепот хозяйки, громко крикнув :

— Здорово ребята ! Что у вас новенького ?

— Здравья желаем господин Богатый — разом ответили жандармы.

— Надеюсь братцы, что вы проявили рвение к службе и нашли мой Дрин Дрон, а так же и преступника который нанес оскорбление моей дорогой невесте, которая благодаря этому теперь в больнице.

Маленький отрапортовал : — Дрин Дрон нашли, да толку мало. Похититель его в обрыв спустил. Осталась куча жести, но трансистор работает. Кода я осматривал машину, как раз, кто то пел : « Накачаю тебе бак, а потом пойдем в кабак ».

Большой ввязался : — понимаете, там в каком нибудь вертепе, такая песенка может быть к месту, но когда это в кустах среди роз и ромашек раздалось нас обоих, правду говоря, стошнило.

— Это к делу не относится — осадил Богатый жандарма. — Будьте добры ответить точно : акт составлен ? Вор найден ? Драчун найден ? Арестованы ? Сидят за решоткой ?

Жандармы очень недоброжелательно взглянули на Богатого, переглянулись. Маленький отвечал нехотя и даже с пренебрежением :

— Преступника никакого не имеется. После того, как мы нашли Дрин Дрон под откосом, проехав с километр увидели на дороге знакомого нам господина

Марка из замка, хозяйка которого в большой дружбе с нашим капитаном. Он весело, как всегда, поздоровался с нами и рассказал тут же со смехом, как спустил вашу машину под откос. Поступок свой он объяснил тем, что с вами очень крупно поссорился именно тут в этой гостиннице.

Богатый был возмущен. — Как? — воскликнул он почти гневно — Беззаконие! О, как же вы не посадили его за решетку! Этого бешенного мальчишку! Вора! — Оскорбителя женщины!?

— Мы не виноваты господин Богатый мы отвезли его к нашему капитану, как полагается.

— Ну и что!? — спросил Богатый.

Большой жандарм засмеялся, маленький же серьезно добавил: — они напились чаю, посмеялись и мирно разошлись.

Этими словами Богатый был окончательно выведен из себя: по его понятиям за Дрин Дрон, следовало этого самого Марка обобрать, как липку и повесить.

Бледный, с дрожащей губой, он решил пока что примириться с обстоятельствами, главным образом потому, что его беспокоило то, что было наверху в его комнате.

— Ну, а акт о разбитой машине у вас есть? спросил Богатый. Большой жандарм вынул из полевой сумки бумагу и подал ее Богатому.

— Хозяйка, прошу угостить этих господ вином, я заплачу — крикнул Богатый в зал ресторана.

Но жандармы отдали честь повернулись и направились к выходу. Богатый бросился к лестнице и начал быстро подниматься. Хозяйка схватила маленького жандарма за рукав.

— Оглянитесь — шепнула она ему. Оба жандарма оглянулись.

— Видите, как идет? — спросила женщина. — Видим — ответили оба. Богатый совсем забыл, что

следует давать по три толчка каждым коленом на каждой ступеньке.

Богатый постучал в комнату родителей. Мать невесты открыла широко дверь. Она и муж были уже одеты и готовы к выходу. Богатый сделал страшное лицо и не без издевательства, отрывисто бросил в лицо матери : — вы плохо сделали свою старшую дочь, она сбросила в эту ночь моего ребенка.

Мать испугалась, заплакала закрывая глаза рукой и падая в кресло. Отец нервно застучал белой палкой.

— Дочка ваша в больнице, она нуждается в родительских заботах, советую вам бежать туда поскорее. — сказал Богатый.

— Пойдем, пойдем — сказала мать с покорностью.

— Не вам горе, а мне ! наскоро крикнул Богатый и быстро удалился.

— Это я — тихонько прошептал Богатый у двери своего номера. Замок щелкнул. Не успел он войти как на его шее повисла девочка — Мне больно ! Мне страшно ! Я боюсь — зашептала она в ухо Богатому, приближая свои детские губки к его рту.

— Как, без дезинфекции ? Ты сума сошла ! Разве так модные любовницы поступают ? — отворачивая рот проговорил Богатый. — Ах да я и забыла, прости, больше не буду. — с этими словами девочка соскочила на пол.

— Не шуми — остановил ее прыть Богатый. Он очень внимательно слушал, приставив ухо к двери. Она лепетала : а ты и меня застрахуешь ! ?

— Успокойся, я тебе пилюлю дам от беременности — утешил девченку Богатый. В этот момент он услышал характерное постукиванье белой палки по стенке коридора. Палка тронула и дверь номера Богатого, и пошла стучать дальше и дальше. Стук заглох на лестнице. Притаившаяся девченка сказала :

— Это мой папаша прошел — и на ее личике просияла усмешка.

— Скорей снимай простыни с моей кровати — приказал Богатый — да чего рот разявила скорей, скорей !

Когда она исполнила приказание, Богатый осторожно приоткрыл дверь, воровски осмотрел коридор.
— Неси простыни, иди за мной приказал он тоном заговорщика.

Они вышли из комнаты, он впереди, она за ним словно привиденье окутанное белым дымом. Безшумно, осторожно Богатый открыл дверь комнаты родителей своей невесты. Кровать их была уже аккуратно застелена. Богатый запер дверь на задвижку и сам сорвал одеяла, и сам сбросил чистые простыни на стул. Потом он приказал девочке застелить постель родителей, положив вместо чистых простынь, измазанные кровью. А чистые простыни они перенесли к себе и застелили ими свою постель.

— Теперь то ты поняла, как я тебя спас ? — сказал Богатый и засмеялся чихающим, подлым смехом.

Девченка вооружилась было спринцовкой, но Богатому было не до сентиментов. Он засел за телефон и звонил по разным направлениям. Из гаража ему сообщили, что « Шиномаз 9 » находится уже в дороге к нему. В этой машине было уже три мотора один спереди, другой сзади, а третий посередине. В ней же был химический ватер клозет, а так же дорожный холодильник, было три транзистора и даже телевизор, а также механическая перемена шин, а также высокая антена. Стекла были не бьющиеся, поршни мощные. В случае столкновения чудесный прибор автоматически извещал о катастрофе все соседние санитарныее пункты.

Услышав это приятное сообщение Богатый выкинул антраша и сдавил пальцами щечки девочки так, что она раскрыла рот и завизжала.

XVII

С тех пор как похоронили дядю Васю, придерживаясь в точности его завещания, прошло две недели. Когда дядя Вася жил его деятельности как то почти не замечали. Поняли каким он был незаменимым только теперь. Взяв на себя бразды правления Марта, лишенная мудрого советника, постоянно терялась. Ей все еще каждый раз, в затруднительных вопросах, приходило в голову — нужно будет спросить дядю.

В полевых работах она, в общем, довольно хорошо разбиралась, камнем преткновения для нее были сношения с администрацией.

Между тем административных писем накопилось не мало. Целая груда не распечатанных конвертов лежала на письменном столе дяди Васи. Со дня на день Марта откладывала, новую неприятную обязанность : все это читать ,а потом рассылать заполненные анкеты, и чеки по разным инстанциям.

Эта работа висела у нее над головой, делая ее рассеянной и раздражительной. Неконец, набравшись храбрости, Марта уселась за стол и принялась за дело. Читая первое административное письма Марта с первых же строк поняла только то, что ничего не понимает. Бумага была желтая. На ней стояли непонятные вопросы, таинственные рубрики то в клеточку, то в линейку. Нужно было брать какое то число приставлять к другому числу, отнимать, потом складывать

потом опять отнимать. Марта все же пробовала постичь смысл документа, от этой пробы вышло только то, что ее мозги заволоклись туманом.

— Черт его знает, что делать ? — подумала она и что бы рассеять туман, распечатала частное письмо. Взглянув она испугалась — « Адвокат Бабабила » бросился ей в глаза штемпель с адресом и номером телефона. — Опять чепуха ! — подумала, Марта, но все же пробежала строки напечатанные на машинке.

« Узнав о существовании вашего уважаемого общества » писал Бабабила « и познакомившись, если так можно выразиться, с его политической и экономической и технической сущностью, я решил по существу примкнуть к вам. Причина заставляющая меня так поступить заключается в том, что я возлюбил природу и желаю вернуться к ее истокам. Посему я настоятельно прошу собрать собрание и проголосовать мое прошение. Получив положительный ответ я тот час же приеду. Впрочем вернее сказать прийду ибо, как я знаю, автомобильное движение, на вашей земле запрещено ».

— Вот это чудно ! воскликнула Марта — прямо судьба посылает нам человека который займется всем этом барахлом. С этими словами она отбросила своей маленькой красивой рукой груду конвертов. Потом вооружилась пером и написала ответ : « Вы приняты ». Запечатав письмо Марта не захотела омрачать себя казенщиной. Она снова выхватила из кучи письмо частное.

Лучше бы было его не читать, во всяком случае такой любительнице лошадей, как она. Вот, что она читала :

« Причины побуждающие меня просить у вас приюта, вы сами поймете если соблаговолите дочитать мое послание до конца. Все, что не человек, перестало иметь право на существование. Люди катастрофически размножились. Они получили возможность существовать в чудовищной изоляции от всего того, что мы

называем природой. Порожденное землей человечество напоминает библейского Хама, который издевался над наготой своего отца. Короче говоря обстоятельства заставили меня побывать на бойне. Главное бюро находится в глубине огромного двора, вымощенного булыжником. Привратник указал мне дорогу. Но я заблудился среди кирпичных зданий, улочек, закаулков и тупичков. Спросить было некого... Внезапно я услышал совершенно мне незнакомый звук. Звук этот наростая быстро приближался. Из за угла кирпичной стены вынеслась лошадь. Она неслась прямо на меня. Закаулок где я находился был метра два шириной. Я отскочил прижался к стене. Меня обдало ветром, звоном копыт, храпом тяжелого дыханья. В этот же момент из за угла выбежала толпа людей. Смутно, словно кошмар во сне, я увидел взбешенные лица, раскрытые черные рты, в руках у них были палки, веревки. Неистово выкрикивая какие то слова с воем промчались они мимо меня, в резиновых сапогах, в черных балдахинах. С противоположной стороны улицы показались такие же страшные люди. Увидев что путь прегражден, лошадь всеми четырьмя копытами, уперлась в мостовую так что из под подков посыпались искры. Она с необычайной ловкостью (и не смотря на свой ужас) даже с балетной грацией вскинула голову, повернулась и поскакала назад.

Подскакав к бегущим напротив людям, она снова увильнула и от этих людей. Растояние между двумя партиями людей делалось все короче. Лошадь скакала то в одну то в другую сторону. Чем более выяснялось безнадежное положение животного, тем глумливее, страшнее и взбешеннее делались движенья преследователей. Они были возбуждены ненавистью к лошади за то, что она осмелилась спасать свою, принадлежащую им жизнь. Я помню теперь, что видел на шее лошади обрывок веревки. Очевидно она вырвалась из под топора.

Тут у меня язык не повернулся бы расказать все, что я видел, перо мое поворачивается легче но все же: где ему!? И оно безсильно выпадает из моих пальцев. Я видел, как толстый коренастый мясник поймал обрывок болтающейся веревки, видел как вскидывая голову, рвалась лошадь из рук. Я видел блеск ее глаз, слышал панический топот ее копыт о булыжник, слышал торжествующий человеческий рев, слышал удары палок. Какая огромная жизненная сила у лошади, уже в тисках, она все еще билась с людьми. Героически защищалась. Пять человек она таскала за собой на веревке, остальные люди навалились со всех сторон, так, что ей не двинуться не вздохнуть. Люди догадались как ее усмирить, для того чтобы мочь довести ее до места казни. Они выкололи лошади глаза. Я даже щипал себя, думал что вижу кошмар...

Я знаю, что это только капля в море. Я думаю что где то накапливается стон земли матери о своих чадах. И горе тем, кто в этом виноват. Положение Пилата омывшего руки свои, мне теперь кажется понятным и близким.

Мое бегство к вам и есть это омовение. Приймите же меня ради всего святого в ваше общество». Подпись этого просителя была: « Семен Бюик ».

Марта задумалась, отказать такому человеку было невозможно, но с другой стороны ее небольшое хозяйство уже было перегружено штатом. Все таки она и этому человеку ответила удовлетворительно.

Письмо сильно расстроило нервы Марты, ее рукам нужно было чем то заниматься в то время как сердце сжимаемое жалостью болело. Порывистым движеньем она разорвала еще один конверт. Тут была зеленая бумага от налогового инспектора. Пробежав ее она увидела, что она должна большую сумму. Лошади облагались налогом. Самый большой куш взымался за Гракха. Гракх считался предметом роскоши. При этом открытии Марта горько улыбнулась. — Тракторы со-

седних фермеров налогом не облагаются — подумала она. В сопоставлении с письмом Семена Бюика, эта налоговая статья представилась ей страшным диким нажимом со стороны научной механизации.

Ну что-ж заплатим и это — решила Марта.

Любопытство, заставило ее пересмотреть и другую кореспонденцию. Час от часу становилось труднее : — только и было в бумагах плати и плати, плати, плати.

Как вдруг она наткнулась на нечто совсем уже выходящее за предел понимания.

В глазах Марты мелькало : Постановлением суда Марк Бакле приговорен к возмещению убытков. За кражу и уничтожение автомобиля марки ДринДрон. Мелькали цыфры крупной суммы.

За нанесение удара женщине, за выкидыш и опять сумма колосальная. Марта ничего не понимала. Какой удар ? какой выкидышь ? какой Дрин Дрон ?

— Любовница что ли у него была ! ? Что это за история ? пыталась Марта уяснить загадочность этой бумаги. — Шутка ? — предположила она, но рассмотрев лучше увидела официальные штемпеля, подписи. Наконец она, как ужаленная, вскочила и помчалась с письмом в руке разыскивать Марка.

— Маарк где ты ! звала во дворе Марта посылая голос в разных направлениях.

— Я здееесь ! — послышался ответ от конюшни. За деревьями, за зеленой изгородью Марта увидела Марка. Он выпрягал Хостомера из бегунков. — Что ты наделал ? — крикнула Марта ускоряя шаг. — Отвез ведро воды на сенокос, теперь вернулся.

Подойдя совсем близко Марта потрясла бумагой. — Нет, я тебя спрашиваю что ты тут наделал ? — грозно блистая глазами повторила она вопрос.

— Где тут, в бумажке ? — удивился он. — Я ничего не писал.

— Ты не писал ! ты не писал ! Тут с тебя деньги требуют коллосальные за твои художества !

— Та, я и картин давно не пишу.

— Очень хорошо, что не пишешь ! А про Дрин Дрон слышал ? а про избиение женщины слышал, а про выкидыш слышал ! ?

Марк выпупив глаза, стоял молча и водил по лбу ладонью. Марта в ожидании ответа вся кипела. Ее лицо изменялось каждую секунду, глаза искрились.

— Долго ты будеш чесать лоб, смотри читай, если мне не веришь ?

— Я тебе верю, спрячь эту бумажку, а еще лучше дай ее мне я ее изорву и брошу в навоз.

— Глупый ты человек ! Суд уже был, это окончательный приговор. Хочешь что бы в тюрьму тебя засадили ?

— Знаеш я вспомнил, действительно я спустил под откос Дрин Дрон. А невесту свою Богатый сам смазал по морде, но так что бы все думали будто бы это я. Понимаешь — тут Марк взял руку Марты, но она ее отдернула. Понимаешь — повторил он.

— Что ? что понимаешь ? воскликнула Марта.

— Не волнуйся я все обьясню. А вот это смотри, видишь ? Шлея натерла плечо Холстомеру, до крови, что делать ? внезапно перевел разговор Марк показывая раненное место.

Марта взяла шлею и присмотрелась. — И тут опять ты глупый человек. Как же было не посмотреть, ведь это шлея Чубарого. Нужно же быть внимательным. Кричишь против машин, а с лошадью обращаться до сих пор не научился, что мне с тобой делать ! Ну ничего, зальем арникой, нужно его освободить от работы на недельку. — Проговорила последнюю фразу, Марта уже примирительным тоном. Потому, что Марк побледнел как смерть.

Этот упрек коснулся его души, так глубоко, что

у него дыханье сперло. Марта осматривала стертое место на плече коня, она положила руку на шею Холстомера. Конь тянулся губами к ее платью. — Сбегай за арникой, она там в конюшне в аптечке. — Они вдвоем намазали рану лекарством, потом повели Холстомера в конюшню. С особенной заботливостью поставили его в стойло. Марта сама выбрала пучек наилучшего сена и забросила в ясли.

Выходя из стойка Марта стряхивала со своего легкого платья душистый порох сена. Поровнявшись с крупом Холстомера она потупилась тень озабоченности пробежала по ее лицу. Вдруг Марк порывисто обнял ее. Его губы искали ее губ. Словно гибкая ветка вербы под натиском бури, Марта откинулась, перегнулась в талии. Марк продолжал искать поцелуя, отстраняя Марта, почти касаясь косой земли, повисла в его объятьях. Глаза ее смотрели в глаза Марка. Из под опущенных ресниц брызнули иные лучи они притягивали, манили сияли как светлячки в темную летнюю ночь. Марк охватил ее шею их губы встртились.

Могучая сила страсти повергла их тела на охапку сена в пустом деннике.

Марк когда то имевший дело только с проститутками, женщинами изощренными в разврате, прежде думал что для «любви» нужна обязательно постель, которая потом казалась ему такой же грязной как и женщина продававшая ему свои ласки.

Марта научила его иному. Он до сих пор, еще не знал, как выглядят обнаженные груди невесты. Никогда небыло в их интимных сношениях постели. Не слюнявая похоть создавала почву для физической любви, но закон, по которому душную атмосферу летнего зноя разряжает гроза.

Поэтому между ними небыло никакой условности ни место, ни время не мешали им потянуться друг к

другу в любой обстановке. Трава, пшеница, овес, сеновал, конюшня все эти места бывали ложем их любви, но спали они в разных комнатах.

Медицина взявшаяся очень ретиво за разъяснение половых вопросов учит молодых людей, каким образом нужно научно достигать гармонии в половых сношениях.

Для этого так же как и поварская книга, существуют книги, наполненные рецептами по этому специальному вопросу. Волшебная сторона любви теряется. Теряется стыд, все делается по иным уже не по божеским, но по человеческим законам, Техника вошла даже в это бывшее святым чувство.

Выходя из конюшни Марта почувствовала у себя за корсажем шелест судебной, обложенной печатями бумаги.

Но глаза ее еще не вернули света того разума, что светился в них обыкновенно во время повседневных занятий. На дороге ей встретился Игнат. Она на него взглянула. Взгляд этот на всю жизнь Игнату запомнился. Он был лучезарно спокойным этот взгляд. Но лицо Марты залилось горячим румянцем. Ему показалось, что такой прелестной женщины на всем свете нет. Не совсем своим голосом он спросил :

— Ну, что ты разобралась в письмах ?

Еще не войдя в обычную колею Марта ответила :

— А ты разобрался ? Голос ее был грудным нежным, в нем чувствовалась необъяснимость вообще всего происходящего.

— Я серьезно спрашиваю — выговорил Игнат и понял, что говорить не может. Марта пошла торопливей и он благоразумно отстал. Глядя на то как она идет он думал : — черт тебя дери, будь я на месте Марка я бы тебя сто дней и сто ночей не выпустил из рук.

К сараю подъехал высокий воз сена.

— Эй, Игнаша, иди разгружать крикнул Саша.

XVIII

— Кто там скачет на белой лошади? — указывая рукой' в сторону рощи крикнул Володя. Лукерья и Зинаида подавали ему вилами сено. Ему было виднее с высоты уже почти законченного воза. Но и девушки рассмотрели взобравшись на копну.

Всадник быстро приближался. Пыль из под копыт освещенная заходящим солнцем, казалась языками пламени в дыму.

— Во всяком случае это не Марта — заметила Лукерья.

Свернув с дороги всадник помчался на своем белоснежном коне по лугу, ловко лавируя между копнами сена. Отчасти это было похоже на то, как ходит шахматный конь. Последнюю копну лошадь перепрыгнула, чрезвычайно эффектно проплыв над нею по воздуху и остановилась в десяти шагах от воза, присела на задних ногах оттолкнулась передними от земли, стала на дыбы. Всадник вскинул руку, на которой повис хлыст, и указав ею в сторону замка спросил:

— Этот замок, если не ошибаюсь, принадлежит Обществу « Крест и Лира » ! ? — На всаднике была черная куртка, сапоги, котелок за спиной на резинке. Лицо его было покрыто слоем пыли так, что только изумрудные глаза блестели. Но голос был у него совершенно женский, необычайно приятный.

— Да! ответил Володя, девушки повторили за

ним — Да! Да! так, словно, кто то тронул клавиши незримого рояла.

Им показалось, что они видят, сошедшую со старинной гравюры принцессу.

— Спасибо, сказала всадница.

Лукерья и Зинаида сделали нечто вроде реверансов, а Володя полюбопытствовал:

— Простите за нескромный вопрос — сказал он — почему вас интересует наш замок?

— С вашего разрешения я принята в ваше общество — низко кланяясь с седла ответила чудная девушка. Мое имя Иллона... Я очень сожалею, что мне приходиться, продолжать путь, мне очень приятно тут с вами, но мой Хижра нуждается в отдыхе — с этими словами она потрепала крутую шею своего коня, подняла руку, поклонилась и бросив уже с галопа: — До скорой встречи! — поскакала по сенокосу на дорогу.

Володя и девушки, словно зачарованные, виденьем молча смотрели ей во след. Зинаида промолвила:

— Я это уже видела! Честное слово видела!

— Фантазируешь, где ты могла видеть? сказал Володя.

— Где я не знаю, но видела. Точь в точь все было так: белый конь, принцесса, сенокос и я с вилами в руках.

— А мы тоже были? спросила Лукерья, подмигивая своему жениху Володе.

— Вас не помню, но она и я были некогда точь в точь в таком же положении, как теперь. — Чувствуя недоверие Зинаида замолчала, но вспоминала и вспоминала все дальше углубляясь в себя, как если бы силилась возстановить забытый сон, по случайно сохранившемуся в памяти одному маленькому эпизоду.

— Давайте, девчата, поскорее закончим воз и поедем смотреть Иллону — прервал задумчиво Володя.

Он тронув Чубатого и Заседателя подъехал к следующей копне.

Когда Володя слез и затянул воз веревкой, солнце только на четверть выглядывало из за холмистой спины земли.

Золотыми дорожками стелились между копнами косые лучи. Аромат сена стал особенным, вечерним. Воз выехал на дорогу. Длинная тень лошадей, воза Володи и идущих за возом, с вилами на плечах, девушек, плыла по глади зеленых колосьев. А над ними высоко, в вечернем небе, плыло круглое облако отороченное по краям золотом.

С другой стороны замка возвращалось с пастбищ стадо коров за которым темнела высокая черная фигура отца Иллариона. На некотором растоянии от него дядя Петя, как заправской чабан, вел свою отару овец.

Во дворе замка Иллону встретил лаем Волчек. На его лай выскочиил из клуни работавшие на сеновале Марта, Марк и Игнат. Волчку приказано было молчать. Иллона перекинув ногу через шею коня ловко спрыгнула на землю. Марта сразу заключила ее в свои объятья.

Изумрудные и финиковые глаза вглядываясь друг в друга сразу загорелись и засверкали дружескими искрами.

— Сколько ты километров на нем сделала? спросила Марта.

— Около четырехсот и как видишь мой конь молодцем : не худ, не хром и спина не набита.

Игнат в недоумении смотрел на протянутую ему руку Иллоны. Его поразило, то, что у такой героической девушки может быть такая маленькая ручонка, осторожно пожав ее он сказал :

— Поздравляю! Ты совершила великий подвиг : в наше время ездить на лошади по земле, труднее чем

лунолазам взобраться на луну. Слегка удивленная тем, что парень сразу заговорил на ты, Иллона поздоровалась с Марком.

Марк не решился заговорить на ты.

— Возьми коня — обратилась Марта к жениху. Потом к Иллоне : — как его зовут ? — Хижра — ответила девушка. — Так вот — продолжала Марта : возьми Хижру и поставь в пустой денник рядом с Гракхом.

— Простите ! — начал было Иллона, но Марта перебила ее : — На ты ! на ты ! Говори на ты.

— Ну, хорошо — согласилась Иллона. Под слоем пыли ее лицо покраснело. — С твоего разрешения я сама уберу лошадь. — сказала она.

— Ты не устала ? помыться не хочешь ? — с удивлением и восторгом спросила Марта.

— У меня закон : сначала лошадь, а потом я — ответила Иллона.

Марта указывая дорогу, Иллона ведя на поводу Хижру, словно одного поля ягоды, кавалерийскими походками пошли в сторону конюшни.

— Ну и баба ! — воскликнул Игнат, хлопнув Марка по плечу.

— Не дерись ! Предсказываю ! ты на ней женишся !

— Вот это ты врешь ! С меня хватит этого удовольствия. Тот кто тебя обманул первый раз — дурак, но если ему удалось тебя обмануть второй раз, тогда ты дурак. — возразил Игнат.

— Значит тебе обязательно прийдется быть дураком — воскликнул Марк.

— Ну, это мы будем посмотреть — отпарировал Игнат.

Приятели подошли к колодцу, вытащили ведро холодной, как лед, води и обнаживщись по пояс стали, пофыркивая, полоскаться.

Устроив Хижру в пустом деннике, рядом с Гракхом, девушки принялись вместе растирать его жгутами соломы. Одна с правой стороны другая с левой. Марта спросила: — нет ли у него крови Ле Санси?

— Есть ответила Иллона, не переставая работать.

— Как ты угадала? — Очень просто: по масти и по постановке головы. — А твой Гракх от кого?— От Принца-Рюделя и Дзи-Квин. — Значит Гальтиморович! — Да конечно! — А какой семьи? — Шестнадцатой! — А имбрединг на кого? На Бенд-Ора, на Сант Симона, а ближе на Командери. — А у Хижры какая семья? — Третья! — Ответив это Иллона бросила жгут уже растрепавшийся и стала скручивать второй. — Третья, ты говоришь — слека запыхавшись повторила Марта, останавливая руку на спине Хижры.

— А имбрединг у него на Ксара в седьмом поколении, а ближе на сына Тедди Астерюса, а в четвертом на Дан-Купида того самого от которого ...Ах, не могу вспомнить — сказала Иллона.

— Ах, я тоже не помню, но ничего, у меня есть Студ Бук, можно будет посмотреть.

Убрав лошадь новые подруги закрыли денник и остановились перед дверью за решеткой которой, лиловым светом зажигались глаза Гракха, блестела вороная голова с белой лысиной, в виде летящей ласточки.

— Покажи мне его! — попросила Иллона. В это время долетел голос Брониславы: — Ужинаать! — стол накрыт, ужинать!

— Потом покажу, зовут ужинать, ты верно очень голодная.

— Нет, нет покажи теперь — взмолилась Иллона.

Марта распахнула дверь. Гракх положил на плечо Марты храп и подул ей в ухо запахом сена.

— Покажись, ну покажись Иллоне, какой ты у меня. — говорила Марта поворачивая своего жеребца в профиль.

Изумрудные глаза впивались то в грудь Гракха, то в спину, то в круп, то в шею. Жеребец словно чувствуя на себе взгляд знатока завертелся шелестя подстилкой и выгибаясь на все стороны. Блеск его шерсти был подобен блеску крыла ворона. Чуть чуть даже синевой отливала шерсть. Сильные мышцы ходили под тонкой кожей составляя гармонию силы и красоты.

— Да, хорош, что и говорить? А вон у него пятнышко Эклипса, под гривой на шее — сказала Иллона.

— Ты и это увидела? удивилась Марта.

— Помнишь Эклипс родился во время затмения солнца. Он передает свой знак многим потомкам. А с тех пор прошло сто пятдесят лет.

— Удивительно, конечно помню! — воскликнула Марта. — Какое это было благородное дело конозаводство, продолжала она — Короли Англии этим занимались, аристократия. Сколько труда, знаний понадобилось, что бы вывести породу чистокровных лошадей. Как это чудно было: помогать природе, что бы она при помощи человека достигала в своих произведениях совершенства. Это было соучастием в творчестве Бога. Это шло рука об руку с притчей Христа о « Талантах ». Ты не находишь? — спросила Марта закрывая денник.

— Конечно — подтвердила Иллона. Я много новостей привезла вам. До чего люди доходят в своем неистовстве?

— Ну, это ты за столом расскажешь — сказала Марта.

— Пойдем умоешся сначала.

— Зачем? вон ведро стоит я тут умоюсь и все.

— Так это Гракх не допил.

— Тем лучше, я лошадьми не брезгаю — возразила Иллона нагнувшись.

— Дай я тебе солью — предложила Марта.

Марта подняла ведро, Иллона подставила под

струю свои чудесные руки, сложив их корытцем. Она хорошенько вымыла лицо, шею.

— Твоя любезность граничит с красотой твоего жеребца — сказала девушка вытирая лицо и руки чистой попонкой, которую она сорваал с гвоздя на столбе.

От замка в это время уже раздавались голоса Игната и Володи призывающие к ужину.

— Идем ! — закричала Марта выходя из конюшни.

Подходя к столу накрытому под липой, Иллона говорила : — вся копоть, весь ужас, вся грязь сошла с меня в вашей конюшне. Смотрите ! — крикнула она расставив пригласительно руки. Все собравшиеся глянули и увидели новую Иллону. Вместо пыли размазанной потом, на лице ее золотился здоровый загар. Черты ее худенького лица рассмотреть было почти невозможно, потому, что этому мешала лучистость ее длинных чуть косо разрезанных глаз.

— Ты из Бахчи-Сарая примчалась ? ! крикнул Саша.

— В нашу Золотую Орду — пошутил дядя Петя.

Волчек присмотрелся к Иллоне и вдруг лизнул ее в лицо.

— Чудесный пример заразителен — пробасил Игнат. Он первый, а за ним и все остальные стали обмениваться с Иллоной родственными лобзаниями.

Когда порядок водворился, после краткой молитвы отца Иллариона, все уселись за стол.

На большом блюде были вареники с сыром, в огромной миске сметана. Игнат разглагольствовал — Привиденья не могут принимать земной нашей пищи, а ну ка Иллона, навались на вареднички ! Теперь то мы точно узнаем не дух ли ты ? Не ангел ли посланный нам с неба за нашу верность нерукотворному миру ?

— Ты смущаешь Иллону, перестань молоть чепуху — сказал Марк накладывая своей соседке гору вареников на тарелку.

Некоторое молчанье воцарилось, как всегда когда люди утоляют первый голод. Однако на новую девушку все посматривали и видели, что она ест чрезвычайно красиво.

Под конец ужина Марта сама принесла из погреба несколько пыльных бутылок.

Бронислава сбегала за бокалами. Разливалось старое вино, душистое искристое напоминающее солнечный свет. Пили за вновь прибывшую, за Марту, за процветание общества, потом тосты пошли такие, что если бы их услышал человек складки, скажем, Богатого, или даже человек менее деловой, то у него уши безусловно завяли бы.

— За победу искусства над наукой — орал подвыпивший дядя Петя.

— За ограничение в области технического прогресса. — поднял бокал отец Илларион.

— За уменьшение народонаселения — пил Володя, подмигивая Лукерье. Марк заорал : — долой автомобили, телевизоры, холодильники, долой все противоестественное, долой веру в разум !

Иллона вдруг наклонилась к уху Марты и сказала с торжественностью : — я вспомнила : « Дан Купид » дал « Сэа Бирда ». — Марта обрадовалась — Который был непобедим, ах, и я вспомнила !

Иллона повысила голос. — Господа сказала она, я в этот вечер чувствую себя самой счастливой на свете женщиной ! Мне не хочеться портить этот вечер, но я не могу не поделиться с вами некоторыми сведеньями. Каждый день, открывая газету, я ждала, что прочту о новой пакости человеческой. Убийства людей людьми, насилия, грабежи на улицах, эти события перестали меня интересовать. Но за то, те раны безчисленные и безрассудные и жестокие, что наносит рука человече-

ская всему окружающему кровоточат в моем сердце. Последний ужас о котором я узнала уже отъезжая к вам есть уничтожение птиц которые своим щебетом мешали людям спать по утрам. Была вызвана пехота, солдаты накинули на кусты сетки, потом взорвали кусты вместе с птицами.

— А автомобильный рев, а рев сирен, а гвалт радио, телевизоров им не мешает спать по утрам! — с возмущением проговорил отец Илларион.

— Свое не воняет — добавил Игнат в чрезвычайном волнении.

Марк буквально вышел из себя.

— Ничто их злодеяний не остановит, нужна катастрофа, страшная, такая какой еще во веки веков не было! — заорал он во весь голос.

— Я готова погибнуть, это лучше, чем так жить! воскликнула Марта. Но нужно бороться, нужно пока у нас есть жизнь, нужно стоять крепко держа в руках знамя благородства, знамя правды, справедливости, знамя ангела земли, породившей этот живой и мертвый мир. Марта встала с бокалом в руке и продолжала: — Я куплю осенью еще лошадей, мы поедем с Иллоной на бойни, мы будем спасать сколько у нас хватит средств великий земной мир. Осенью вы все научитесь под ее руководством ездить верхом.

Ура! — закричали девушки и хлопцы. Когда они утихли Марта добавила. — Вы будете ездить по окрестным деревням и вести пропаганду. Я выработаю конспект того, о чем вы будете говорить. Сумбурно вот что: химические удобрения это допинг земле. Она пока что родит под допингами, но наркотик в конце концов может вызвать обратные явления, как он вызывает их в живом организме. Тракторы удобрения не дают. Лошади дают. Это раз, во вторых может случится благодаря войне или по другим причинам то, что нефти не будет. В третьих благодаря технике ваши дети перестают трудиться на земле, ищут комфорта,

развращаются наряду с городскими жителями. Земля ваших предков сиротеет. Нужно отделиться от техники вернуться к прежнему труду, благороднейшему труду. К тому труду, что помогал землепашцам отличаться своей моралью от городских людей. Жажда роскоши, жажка удобств, стремление иметь все аппараты убивает в ваших детях, те качества по которым человек отличался от диявола. Лик Божий, подобье Божье от вас отходит, превращая вас в закопченных чадом машин, дьяволов.

Долгое ураааа огласило уже совсем потемневший сад.

За это будущее все выпили свои бокалы до дна.

XIX

В это утро Володя и Саша вывозили навоз из конюшни. Четыре девицы подвязывали помидоры в огороде. Марта и Бронислава месили тесто, к уборке урожая нужно было сделать запас хлеба. Марк осознав свою глупость был в ужасном настроении. Он взялся писать картину, сюжетом которой было : Л.Н. Толстой идет за сохой, а вокруг летают сателиты, ареопланы, поднимаються грибы дыма, пламя хлещет из преисподней. Волчек побежал искать лечебную траву, у него заболел правый глаз. Он пробежал, принюхиваясь ко всему, мимо девушек. — Я больше люблю котов, собаки грязные нюхают всякую дрянь. — сказала Виктория. — Для них это нюханье все равно, что для тебя чтенье книги. Ты ведь тоже читаешь про всякую вонь и гной человеческий — возразила Зинаида. Все четыре остановились и щурясь от яркого солнца долго разговаривали на тему кто лучше, кошка или собака ?

Дядя Петя сидел на бугорке, овцы по утреннему жадно щипали траву. — Если исходить из предания о рае — думал он — то Христос на земле сделал то же что диявол в раю. — Смелая эта мысль показалась ему неприемлемой, он отбросил ее, стал думать о другом, но не смог отцепить дальнейших своих размышлений от этого страшного толчка, пришедшего вдруг не известно как. — Сын Бога пришел на землю в образе человека... Какой соблазн ! Не ангелом, не архангелом а челове-

ком! — думал дядя Петя дальше — Какая гордость внушена была человеку! Какая перспектива? Это было уже как бы согласие Бога отца на право людей познавать добро и зло. Это было разрешением того, за что люди были изгнаны из рая. Но это официальное разрешение не принесло пользы. Благодаря ему, именно благодаря ему, люди забыли Бога. Первыми отошли от Бога христиане. Открывшийся им простор духовный превратили в матерьяльную мелочность. Возгордились и образовали свой отдельный мир. Мир технический. Получилось второе изгнание, вернее добровольный отход человека от всего данного Богом. Так, что сын Божий сделал на земле то что диявол в раю. Эти свои мысли дядя Петя перебирал перекладывал с места на место очень долго, но решил, что никому никогда не расскажет своих дум.

В это время Игнат и Иллона были в кузне. Игнат взялся сварить ножевой рычаг самовязки. Иллона работала поддувалом. Игнат держал щипцами сломанный рычаг в горне. От горна шел жар, чуб Игната упал вниз и прилип к потному лбу. Он засмотрелся на то, как девушка прилежно накачивает мехом воздух. Он сравнил ее с легкой птичкой. Из пламени посыпались белые как снежинки искры. Они сыпались и лопались в воздухе. Задымленная кузня замерцала словно при вспышках молний.

Спохватившись Игнат бросил рассыпающееся искрами железо на наковальню. По его указанию Иллона придержала щипцами вторую половину сломанной части.

Под молотом Игната весело на весь двор зазвенела наковальня. От каждого удара веером сыпался дождь искр вокруг Иллоны и вокруг самого кузнеца. Белый жар железа бил им в лица. В этом озарении не только железо спаивалось но и самые работники чувствовали между собою крепкую спайку.

Железо быстро меняло цвет: из белого оно стало

розовым, потом алым, потом алый цвет стал быстро зарастать черной коркой. Игнат опустил часть в ведро воды. Зашипело, взвился клуб пара. Рассматривая сварку молодые люди почти касались друг друга щеками. — Данная себе клятва никогда больше не жениться начинала вредить Игнату в том смысле, что он быстро превращался в клятвопреступника.

Всем своим сердцем Игнат почувствовал что обожает эту героическую девушку.

— Тютенька в тютеньку — сказал мастер прикладывая к части сентиметр.

Отступив на шаг, девушка радостно улыбалась. Ей было чрезвычайно смешно то, что студент так замечательно сыграл роль кузнеца. Она думала : — были лошади битюги, были простые лошадки для работы, были упражные рысачки. Все эти породы были ограничены своей специальностью. А вот чистокровная лошадь она где угодно годиться. Она и тяжесть потащит больше чем битюг, она и в упряжи лучше других, выносливее в любой работе, так вот и люди. Игнат чистокровная лошадь : все может.

Тонкое маленькое лицо Иллоны как всегда скрывалось за лучистостью ее глаз. Вонзиться в эти глаза рассказывающим всю правду взглядом Игнату чрезвычайно, мучительно хотелось.

— Иллона дай руку — сказал он.

— Зачем ? спросила она не без лукавства. Но руку подала.

— Хочешь навсегда ! ? спросил Игнат крепко сжимая маленькую ладонь. Иллона молчала но руки не отнимала. И вспотели их руки, и лица у них были потные, вымазанные в кузнечной саже, и вообще давно уже было пора нести часть к самовязке и налаживать механику, а они все стояли. Стояли в мрачной кузне, рядом с мешком кокса. Из горна шел едкий дымок. Но все это было залито сияньем и преображено чудом

любви в такие ценности которых нет ни в одном дворце.

— А ты подковать Хижру сможеш? — спросила Иллона.

— Кого хочешь смогу подковать! воскликнул Игнат и поднял ее на руки словно перышко и поставил на землю для того что бы расцеловать.

XX

Рано утром Володя и Саша вышли из сарая с косами на плечах, и отправились обкашивать овес, что бы подготовить путь самовязкам. Когда роса спадет Марк и Игнат должны были выехать на этих самовязках. Они вывели лошадей из конюшни в сбруе с закинутыми на спины постромками.

Лукерья, Мария, Зинаида, Виктория и Иллона пошли на работу по дорожке через сад. В саду лежали еще на травах и ветвях сизые росы. Некоторые деревья напоминали люстры с зажженными свечами. Розовое, голубое, кремовое, сиреневое и лиловое облако, проплыли между деревьями.

Выйдя на дорогу, девушки увидели вдали странную фигуру. Фигура приближалась, делая иногда несуразные жесты руками и подскакивая. Володя и Саша были на другом конце поля. Видно было как они ступая с левой ноги взмахивают взблескивающими зеркально косами. Разноцветные облачка на дороге слились в общий букет. Путешественник боролся с пространством чрезвычайно сложным образом.

— Что за чучело? — сказала Иллона.

— Может быть Марсиянин? — добавила смеясь Мария.

И действительно чем яснее становились очертания фигуры тем больше сходства получалось с Марсиянином.

На путешественнике был шлем с опущенной на лицо чадрой, темно зеленый, весь в карманах, но совершенно лишенный пуговиц сплошной костюм. На ногах путешественника красовались высокие сапоги с гвоздями в подошвах. Крепко занятый выбором места для своих ног, пешеход путался, спотыкался в коллее дороги, цеплялся сапогами за траву, кроме этой сложной операции ему еще приходилось отбиваться от двух ос. Следствием всего этого было то, что он увидел девушек стоящих на его дороге только в десяти шагах. Выражение его лица скрывала металлическая чадра, но по постановке сапог, можно было предположить готовность к бегству.

Девицы рассмеялись ему в лицо, вернее в чадру. За чадрой взблескивали очки. Фигура начала извиваться и утончаться так, словно, ей предстояло пролезть в узкое отверстие.

Осы с особенной назойливостью вились вокруг чадры. На вопрос Иллоны : — кто вы и куда держите путь дорогу ? Путник ответил сквозь сетку.

— Адвокат Бабабила — звук его голоса показался Иллоне знакомым. Но это произошло лишь потому, что голос у адвоката был точь в точь, таким каким говорят спикеры во время радиопередач.

— Не есть ли вы члены общества « Крест и Лира » ? если так то вы имеете в моем лице вашего нового коллегу — опять таки через сетку сказал Бабабила слека разочарованный тем, что его протянутой руки никто не пожал.

— Неужели ! ? — воскликнули разом девушки. — В таком случае вы на верной дороге. Она ведет прямо к замку, часика через два вы будете у цели. — сдерживая смех сказала Иллона. Лукерья шепнула ей на ухо — Волчек даст ему жару.

Над волнами хлеба показались мерно покачивающиеся головы лошадей, чуть дальше то показывалась, то пряталась голова Марты. Топот конских копыт

делался все отчетливее. Бабабила вместо того, что бы продолжать трудный свой путь, стоял и слушал, он даже про ос забыл.

— Я извиняюсь, мадмуазель, но что это за шум? спросил он.

— Самовязки идут — ответила Лукерья.

— Кого они вяжут? Кого? Что? — нервно восклицал адвокат явно пытаясь защитить себя от грозной напасти телом Зинаиды.

— Овес будут косить и вязать в снопы — пояснила Зинаида, брезгливо отстраняясь.

— А, ну это очень хорошо! обрадовался адвокат.

Первая четверка, управляемая Марком, вынырнула из за колосьев и показалась во весь рост на дороге, за ней и вторая, шла мерным шагом, управляемая Игнатом.

Машины на холостом ходу поблескивали на солнце крыльями и двигались безшумно. В топот восьми копыт ввязался быстрый звонкий топот четырех копыт Гракха. Марта вся радостная, сияющая, счастливая тем, что начинается жатва, сидела в седле на своем гордом жеребце подбоченившись, словно вождь, посылающий войска в битву.

— Что за человек? — подумала Марта, заметив Бабабилу — это безусловно тот, кто избавит меня от бумажного ужаса — Своей догадке Марта тут же постаралась найти подтверждение! — Кто с вами!? спросила она подруг.

— Говорит, что он адвокат Бабабила — крикнула Лукерья.

Марта хотела подъехать к нему, что бы его приветствовать с седла. Но лошадь захрапела и чуть было не повторилась история с зонтиком. Так что ей пришлось удолетвориться отдаленным приветствием.

— Он не умеет ходить по земле! — крикнула Иллона с хохотом.

— Волчек его загрызет — добавила Лукерья.

— Займитесь господином Бабабилой — отдала

распоряжение Марта, а сама поскакала к косарям. — Володя, брось косу беги домой запряги Машку в бегунки и приезжай сюда. Нужно адвоката отвезти.

Чем его занимать? недоумевали девушки.

— Прежде всего прогоним ос — предложила Виктория. Сняв головные платки девушки стали обвевать адвоката со всех сторон. Осы в панике исчезли в солнечном сиянии.

Адвокат надавил на своем шлеме одну из кнопок, стальная чадра поднялась. Девушки увидели топор в очках.

Марта, отдав приказанье Володе, подскакала к самовязкам.

— С Богом, хлопцы, начинайте! — крикнула она. Самовязки тронулись. Крылья медленными оборотами зашагали по глади золотых колосьев овса, ножи застрекотали. Стебли срезанного овса стали падать на полотняный элеватор который поднимал их в вязальный аппарат. Там собирался первый сноп. Из под самовязки вместо только что стоявшего высокого овса, выходила колкая щетина. Первый сноп упал почти на дорогу. Коснувшись земли он свалился на бок и зашептал, подобно тому, как сраженный воин шепчет свою последнюю молитву. И пошли падать снопы за снопами. Вторая самовязка бросала снопы вторым рядом уже на стырню.

Девушки стали сносить снопы и ставить копны. — Дненадцать снопов складывайте крестом, тринадцатый кладите сверху, как крышу — учила Марта.

Солнце уже начинало припекать. Марк и Игнат сидели на железных седлах впереди вязальных аппаратов, в руках они держали возжи, на бок, словно, удочки свисали кнуты. Они прошли всю длину поля, и повернув, пошли в ширину. Над гладью колосьев медленно вертелись крылья, а впереди виднелись только головы и спины лошадей. Золотая пыль поднималась за самовязками. За новым поворотом, ког-

да снова пошли в длину только она и обозначала потонувшее в овсе движенье машин. Самовязка забирает полтора метра. Сколько раз нужно объехать поле что бы его скосить? Какое терпение, выдержка, настойчивость нужны хлебопашцу! Всех этих качеств негде больше человеку взять. Новые машины прогнали людей с земли их предков. Шумные веселые сестры и братья не собирают снопов в копны, не свозят их потом на арбах к молотилке, один человек сидит в новой машине которая тут же косит, молотит, веет и отбрасывает солому. Пыхтит, дымит, гремит трактор. Фабрика пришла и заглянула в самые тайные уголки земли. И нет больше воодушевления, нет радости, радости творческой, того азарта с которым хлебопашец собирал свой урожай. Скучно и дико стало на полях. Но здесь у Марты было иначе.

Марта спешилась и подошла к застывшему в ужасе адвокату. Все что он видел тут, унижало его достоинство.

— Вам не жарко в такой закупорке? спросила она, протягивая ему руку. Но адвокат был так поглощен присутствием Гракха, так боялся, что губы его дрожали так же, как руки и ноги. Кроме этого на него мучительно действовал запах конского пота. Для него он был подобен кадильному дыму, которого адвокат от роду не выносил.

— Вы не бойтесь, он вас не сьест. Вы конечно привыкните ко всему, знаете в некотором роде тут у нас будет вам не плохо, вы будете заниматься концелярией общества. Дела у вас будет не мало — говорила Марта прислушиваясь к звуку приближающихся бегунков.

Машка вынырнула из за кукурузы, рядом на своих высоких ногах прыгал и резвился ее сын Грамаш.

Володя воспользовался местом где был скошен овес, что бы повернуть. Задев первый сноп передним колесом он остановился.

— Это для вас, шеф, экипаж — сказала Марта. — Благодарю покорно, но как же я сяду? спросил Бабабила.

— Очень просто, на среднюю часть вашего уважаемого тела отозвался Володя, хлопая рукой сзади себя. Адвокат тяжело вздохнул, голова его поникла. Он надавил кнопку стальная сетка закрыла его лицо. Нужно было сесть на бегунки верхом. Так он и сделал сел верхом, но только после того, как Марта подбодрила его словами: — вообразите любезный друг, что перед вами мотоциклет.

Между тем Грамаш, подсунув морду под живот Машки пробовал молочко.

— Что он делает? — спросил адвокат.

— Как, вы этого не знаете? — удивился Володя — он слушает радиопередачу, видите как ходят его уши.

— Шутите! воскликнул Бабабила, но тут Володя тронул Машку возжей и она побежала. Жеребенок отскочил и пошел козлить, потом вдруг остановился как вкопанный и разразился веселым напоминающим колокольчик ржаньем.

— Видите — крикнул заглушая треск колес Володя — как он доволен полученными новостями.

Но адвокат ничего не ответил, он думал свои думы, вцепившись руками в перчатках в линейку.

Бегунки прыгали с рытвины на рытвину. Иногда кренились то вправо, то влево. Бабабиле казалось что нежное тело его вот вот рассыпется на части. Ветка хлеснула его по шлему. За спиной послышался топот быстро приближающийся. Все эти напасти требовали стойкости и героизма. Во дворе, как и следовало ожидать Волчек пришел в бешенство, при виде Бабабилы. Бронислава с криком бросилась на собаку и по совету Володи посадила ее на цепь.

Когда адвокат сошел на землю и увидел старинный замок, после проявленного героизма во время езды, на

него напала совершенно естественная радость, радость победителя. Поэтому он стал разглядывать окружающее и его заинтересовала некоторая странность. С крыши замка спускались водосточные трубы в подземный бассейн. (Хранилище на случай засухи). Труб этих было две. — Почему тут у вас две трубы? — осведомился приезжий. Володя в карман за словом не полез. Он брякнул: — одна с холодной водой, другая с горячей — Ааа скажите!? Значит все же до некоторой степени дряхлая эта построечка модернизировалась. — Безусловно — лаконически подтвердил гипотезу Володя...

Прискакав Марта, привязала Гракха к специальному кольцу в стене замка и сама бросилась устраивать Бабабилу. Пока Бронислава варила кофе, Марта привела адвоката в его будущую комнату. Принесла ему из гардероба покойного дяди Васи новенький костюм. Бабабила покорно переоделся в виду того, что в доме пожалуй не так уж много опасностей.

После кофе Марта провела его в канцелярию. Увидев казенные бумаги, Бабабила воспрянул духом.

С жадностью пустынника, истомленного жаждой он кинулся к источнику. У Марты создалось впечаление, что адвокат роясь в документах ищет нечто ему знакомое. Как то так вышло, что он сразу выудил из кучи писем приговоры суда по делам Марка. Прочтя их он принял чрезвычайно серьезный вид и напал на Марту жестикулируя и даже покрикивая при чем Марта все отступала от той вони что шла из его рта, а он не понимая причины все наседал.

Кончилось тем, что хозяйке пришлось подписать два чека на имя Богатого. Два больших разорительных чека!

Он приказал тотчас же их отправить. Для этой цели был мобилизован Володя.

С необычайной радостью Марта рассталась со

своим Бабабилой. Отвязав Гракха она поскакала назад в поле.

Близился полдень. Овес на корню, снопы и копны были совершенно такого же цвета, как и обливающее поля своим жаром высокое солнце. Девушки показались Марте разноцветными огнями не гаснущего фееверка. Они носят снопы. Склоняются. Черная тень снопа выростает и исчезает у коричневых ног. Они насунули платки на глаза и половина лица у них черная. Самовязки идут навстречу. Марк и Игнат слезли с ракаленных железных седел, идут пешком, держа в руках возжи. Машины стрекочут, стригут. Гракх под Мартой грациозно переступает с ноги на ногу, выгибает шею. Он чрезвычайно хорошеет, что бы показаться рабочим лошадям в блеске своей высокой породы.

Дойдя до поворота, Марк остановился. — Пора Выпрягать!? спрашивает он Марту. Глянув на солнце она отвечает: — Да, пожалуй!

Под животами коней выростают черные в розовых пятнах трубочки они начинают по очереди мочиться. Марк и Игнат посвистывают. Запах конской мочи смешиваясь с запахом раскаленной земли и колкой овсяной щетины, распространяясь в горячем воздухе напоминает запах горячего пшеничного калача. Лошади закончив поливку тянутся к колосьям овса. Чубарый схватил сноп и поднял его стараясь растрепать. — Подожди, сейчас получишь — говорит Марк вырывая сноп. Но у Чубарого кое что остается, он хрумкает зубами и помахивает головой.

К меже под тени лип подъезжает воз запряженный Машкой. На возу сидит Бронислава и Саша.

— Полудновать идите! кричит Бронислава с интонациями иволги в голосе.

Девушки спешат по колкому жниву, пригиная его подошвами сандалий так что бы оно не кололо ног. Иллона бежит босиком. Ей все нипочем. Колко и

пусть. Хочет приучить свои маленькие ножки ко всему тому, чем богата земля. Грамаш звенит своим колокольчиком, из приоткрытой пасти жеребенка льется призывное ржанье. Как гармонирует оно с ясным полднем! Кажется будто бы в самом воздухе пробегают волны зыби. Так бегут тени волн по песчаному дну, или тени рыбок серебристых, когда солнце купает свои горячие лучи в прозрачной воде.

В жаркий день только начни пить и не остановишся! Прежде всего вода. И она пойманная в ведра из привезенного боченка колышется в них, как живая. Синнет небо, темнеют отражения листвы лип, отражение покачивается и к нему склоняется лицо человеческое. Жаждущий сначала видит свое отражение потом пьет уже не видя его. В спину, в затылок бьет горячее солнце. Губы хватают колышащуюся в ведре волну, которая то захлестывает нос, то отходит от губ. Только тут в поле, на солнце осознается в полном своем объеме благо того дара, что проходит незамеченным, когда вода льется из крана в городской квартире.

Да и вода какая? Холодная, чистая, родниковая, прямо из земли прямо из сокровищницы, так заботливо кем то уготовленной для всего жаждущего мира.

И хлебы огромные, душистые лежат на возу и котел с галушками дымится, и тут же груда свежих хрустящих огурцов лежит, и арбузы горой и яблоки. И Запах от всего идет такой, что текут слюнки.

А тут уже отсыпается овес в торбы, уже стоят помахивая хвостами и головами лошади и ходят по их натруженным телам прохладные тени листьев.

С чем сравнить этот краткий полуденный отдых в поле, когда из тени деревьев видится труд рук своих? Вот эти копны сложенные крестами, эти застывшие в зное жатки, эта даль еще не скошенного овса...

XXI

Не долго длилось счастье, через пять дней Бабабила исчез. Как корова его языком слизнула. Первое, что пришло Марте в голову : — не понравилось ему, не вынес испытания.

Потом однако она начала вспоминать и сопоставлять некоторые возбудившие подозрение факты. — Почему он сразу нашел приговоры суда? Почему заставил уплатить? — думала она — Почему завел книгу? Выписал фиктивные ведомости на жалованье и сказал, что их должен каждый подписать? Все эти соображения наводили Марту на мысль, что тут что то кроется. Некоторая тревога закралась в ее душу. В довершение всех этих странностей отец Илларион сообщил, что однажды ночью он слышал, как адвокат с кем то разговаривал по безпроволочному телефону, действующему на батарейках.

Дядя Петя рассказал, что видел спрятанную в кустах машину. Тревожиться специально делом Бабабилы, Марте было некогда. Овес скосили и сложили в копны. Поспела пшеница. Пользуясь хорошей погодой, решили работать в воскресенье.

Колос к колосу стояла пшеница, без единой соринки, вся залитая розовым светом восхода. И пошли самовязки бросать тяжелые снопы, и пошли девушки складывать копны.

Так что хотя и была пуста касса общества, Марта

не унывала. Пополнение всех недостатков она надеялась с лихвой покрыть хорошим урожаем.

Так часа в четыре по полудни, подул ветер. Красно медные волны заходили по пшенице. Тревожно зашумели деревья. Хвосты и гривы лошадей в жатках отнесло в сторону. Платья девушек стали точно обозначать очертания их тел. Но ветер этот был изнуряющим. Стало трудно дышать. Словно в бане на людях и на лошадях выступила испарина.

Лошади несмотря на понукания, что ни шаг, начали останавливаться, отворачивать головы от дуновения в сторону. Коровы перестали пастись и часто мычали, утыкаясь головами в землю. В поле донесся протяжный вой Волчка.

На горизонте показалась черная туча. Выше и выше подымалась она, застилая небо. Все чаще пробегали по ней сверкающие бриллианты. Грохотало все небо. Порыв бури пригнул деревья с такой силой, что они не могли разогнуться. Листья сорванные взвивались и исчезали.

Март и Игнат силились выпрягать лошадей. Солнце скрылось. Марта прискакала. Ее крик был уже не слышен. Молнии прожигали зловещий мрак, грохот стоял в буре. Ливень подхваченный бурей дымился и летел параллельно земле. Лошади вырвались и неслись, путаясь в возжах и постромках. Иллона кричала — давайте руки ! Держитесь за меня ! Девушки видели раскрытый рот, но ничего не слышали. Чудом Иллона собрала их и они, держась друг за друга бежали. Хорошо, что буря дула в спины.

Подскакав к хлопцам, Марта сколько было сил закричала : Марк, возьми стремя ! — Он не слышал — Держи крепко стремя — склонясь кричала она ему в самое ухо. Он понял наконец. Игнат сам догадался схватить второе стремя. Она поехала рысью, они держась за стремена бежали по бокам.

Так они перегнали девушек. За спиной рухнула столетняя липа. Но никто не успел испугаться.

Продолжительный гром, похожий на треск раздираемого полотна, гремел над головами бегущих. Молнии словно щели в иной мир вырывали из мрака залитую ливнем зеркально мерцающую землю. Ослепленные светом иного мира глаза в кратких паузах между молниями, теряли способность видеть. Коровы прыгали через изгороди, кусты и канавы. С ветками на рогах они мчались домой. Упущенные лошади сбились у ворот конюшни. Их секло ливнем так, что они казались охваченными серебрянным дымом. Хлопали окна, ворота, раскачиваясь, скрипели. Стекла в окнах то прозревали, то гасли как бы покрываясь бельмами.

Постепенно все собрались в зале замка. Первые тревожились о последних. Позже всех в зал вошел отец Илларион. Марк бросился к нему, повис у него на шее и зашептал ему в ухо : — радость в моей душе, я весь ликую, это конец мира !

— Дай Боже ! — прошептал отец Илларион. Подойдя к образу он опустился на колени. Его примеру последовали все остальные, за исключением Игната. Со звоном посыпались стекла. Ветка упавшего тополя, словно рука, просунулась в окно. Вихрь вместе с брызгами ворвался в залу. Все невольно подняли головы. В другом окне стемнело. Во тьме взметнулось красное пламя : словно свеча вспыхнул другой тополь. Он сразу же погас. Казалось земля трескается.

Из трещин рвется пламя. Игнат опустился на колени. Послышались рыданья. Виктория лишилась чувств. Но никто этого не увидел. Поднявшись на ноги, Марк говорил, словно помешанный : — не плачьте дети, не рыдайте, радуйтесь ибо настал час чудес. Чаша терпенья переполнилась. Да погибнет лжепророк, производивший чудеса, которыми он обольстил людей. Да низвергнеться диавол, сатана, ибо прежние

небо и земля миновали. Да восплачут и возрыдают мошенники, злодеи ибо сгинут товары их. Да превратятся, мертворожденные чудеса их, в груды ржавого железа. Иной мир, да прийдет на землю! Мир праведный, чистый и славный данный из рук Всевышнего!

Марта обняла Марка и так они стояли озаряемые молниями, осыпаемые брызгами ливня из разбитого окна.

Слова Марка в соединении с видимым всеми светопредставлением произвели на присутствующих потрясающее впечатление.

— Слава Тебе Господи, что удостоил нас грешных дожить до гнева Твоего — говорил дядя Петя ударяя себя кулаком в грудь. Обнаженные руки девушек были воздеты к небу.

Непрерывный гром, свист бури и падающие загорающиеся деверья дополняли чудесную, жуткую картину конца мира.

Высокий Божественный суд над землей не состоялся. Утром буря затихла. Потери оказались трагическими. Весь урожай был уничтожен. Снопы валялись разбросанными по всей земле. Кукуруза была превращена в зеленую пену. В саду все фрукты валялись на земле. Две лучшие коровы были убиты грозой. Крыша с амбара была почти вся сорвана. На клуне вообще крыши не оказалось. Все сено было промочено насквозь. Природа, за которую боролось общество « Крест и Лира » как бы сама отвергла и разорила своих заступников. Незаслуженную обиду эту все горько чувствовали. У каждого члена общества возник вопрос : — за что такая напасть? Он был не разрешим и потому многие начали сомневаться в правильности избранного пути. Хуже всех чувствовал себя Марк. Он

сильно оскандалился своими пророчествами. Ему было стыдно теперь смотреть товарищам в глаза.

Марта однако не потеряла энергии. Она отдала распоряжение : высушить на одеялах и простынях промокшее в амбаре зерно, собрать, по возможности снопы, починить крышу на амбаре, зарыть в землю убитых коров, а сама уехала в город с тем что бы продать городскую дачу и на эти деньги возстановить хозяйство и заплатит налоги.

XXII

У вырытой накануне ямы лежала мертвая корова. Это была « Учительница ». Марк и Игнат притащили ее сюда волоком лошадьми. Привязав лошадей к вербе они подошли к убитой.

— Нам теперь жрать нечего, а мы такую тушу мяса зарываем — сказал Игнат.

— Голодающие индусы своих священных коров не трогали — напомнил Марк.

— Да, это были последние могикане, но их тоже уже добивает наша знаменитая цивилизация. Скоро и они все будут жрать. — возразил Игнат. Подумав он продолжал : — проникновение в Индию нашей техники на мой взгляд тоже самое как если бы пришел маляр и закрасил все фрески в древнем храме. Во имя, так сказать, чистоты, гигиены ну там и во имя того, что бы и храм стал модным.

— Значит, ты считаешь, что умиранье от голода не достаточный факт для того что бы наши молодцы пришли со своими благодеяниями ?

— Смешны мне эти благодеяния ! — воскликнул Игнат. Бедняк всегда гостиприимнее, мудрее, чище и лучше всякого богача.

— Он и щедрее — добавил Марк.

— Зачем же к ним лезть ? Никего хорошего не будет в том, что из прекрасных людей сделают шантрапу.

Игнат подсунул под бок коровы дрючек и начал действовать, как рычагом. Марк помогал другим дрючком. Ноги Учительницы повисли над ямой. Обведенный черными очками глаз, безжизненный, мутный отражал небо. Мухи ползали по глазу, залазили в розовые ноздри.

— Разом, гоп ! Разом, гоп ! — командовал Игнат.

Корова свалилась в яму на ноги, но ноги подогнулись и она легла на живот, голова подвернулась так, что получилось впечатление, будто бы она собирается забодать кого то рогами.

Постояв с минуту в глубоком раздумьи, друзья взялись за лопаты. Словно в доску ударил первый ком земли. Этот звук был так пронзителен, что оба приятеля остановились.

Марк сказал : — мне стыдно — и тяжело.

— Я тебя понимаю — ответил быстро Игнат и похлопал Марка по плечу, потом добавил : — конец мира не состоялся. Тебе поэтому стыдно ?

— Если хочешь да, но есть еще и другое — ответил Марк — то, что изнывающий от своих механических бесов мир, протягивает к нам свои щупальцы, что бы выбить из под наших ног почву, это понятно. Слепой лупит своей палкой во что попало. Но почему свой родной мир послал на нас бурю ? Вот загадка ! Игнаша, дорогой ты думал об этом ?

— Мне кажется — ответил Игнат — что буря есть результат накопления в воздухе того зла, что исходит от людей. Весь этот миллионный хохот перед экранами телевизоров, рев машин, всякие спутники, полеты на луну все это даром пройти не может.

— Так, что по твоему все это идет из того же источника, что налоги, суды, с Богатым и все другие разоряющие нас подлоги, бумажки, провокация и тому подобное ?

— Безусловно — сказал Игнат вкапывая лопату в землю.

— Нет брат, я думаю иначе, хочешь скажу? предложил Марк и получив утвердительный кивок сказал: — люди только на вид стали могущественными, на самом же деле они безпомощны. Они ничего не могут противопоставить хотя бы той же природе, которую будто бы победили. Затрясется земля и куда денутся всякие их машины? Налетит ураган: сметет небоскребы, разрушит фабрики. Не так ли? Так вот, что я тебе скажу: по моему глубокому убеждению в земном мире действует рок. Ему этому року поручена миссия довести человеческий разум до аппогея. Позволить ему сотворить немыслимые чудеса в технике, в механике. Позволить ему создать свой отдельный ни в Боге, ни в черте не нуждающийся мир. Грибоедов знаешь написал « Горе от ума ». Я беру только заглавие. Оно это заглавие пророческое. Попустительство рока есть его умысел. Уверовали в свой ум, пожалуйста идите, куда хотите по указке этого ума. А я рок: посмотрю куда вы зайдете. Ибо ум человеческий: есть ум разрушительный, создания всего этого ума в сущности есть разрушитеэльные создания. Я считаю, что мы попали в роковой круг и нас ударило за то, что силимся помешать исполнению роковой задачи. Люди избраны, как бич земного мира. Разум человеческий должен привести их к самоуничтожению.

— Марк, ты сумасшедший — с улыбкой противоречащей словам сказал Игнат. — Давай кончать.

Хлопцы дружно закидали яму. Во время их работы Чубарый положил голову на спину Заседателя. Лошади помахивали хвостами, поводили ушами и как бы дремали.

Подойдя к Чубарому Марк подозвал Игната. — Посмотри как нас видять лошади — сказал он. Игнат посмотрел на свое отражение в глазу Чубарого и расхохотался. Там он увидел себя словно в выпуклом зеркале коротконожкой с огромным пузом и огромной чудовищной головой.

— Представление о злых духах не из конских ли глаз взято людьми? — заметил Марк.

— По всей вероятности — ответил Игнат.

— Так вот тебе первое доказательство того, что я говорил — хлопая по плечу Игната сказал Марк.

Отвязав лошадей они пошли к замку за другой коровой.

XXIII

Давно прошло то время, когда коммерсант послюнив огрызок карандаша производил все свои вычисления. Чрезвычайно сложным стало любое, самое крошечное занятие. В копеечной лавченке и то стоит счетная машинка. И не одна машинка нужна, ибо появилось столько сложных вычислений, что голова бы кругом пошла даже у высоко образованного человека. Так что кроме машинки нужен специалист счетовод. Но специалист счетовод в свою очередь не может иметь достаточно нужных знаний поэтому он обращается к еще большему специалисту. А уж этот последний в свою очередь обращается к помощи ординатора. Не будь этой замечательной машины всевозможным дельцам небыло бы времени даже высморкаться. Богатый сразу смекнул, что имея собственный ординатор можно получить большое превосходство над людьми не имеющими этой машины. Не долго думая он купил ординатор. Ни одной пылинки не должно быть в воздухе того помещения, где стоит эта штука. Температура должна быть шестнадцать градусов тепла. Точно, не меньше не больше. Если в помещении есть блоха или комар ординатор отказывается отвечать на вопросы. Так, что обслуживают ординатор другие машины. Тут тебе и вентиляторы, и электрические печки, и холодильники, и термостаты, и особенные пылесосы. Мертвый бог человечества не может обхо-

диться без свиты так, что и тут у нового божества есть ангелы, архангелы, поддерживающие трон.

Все это Богатому чрезвычайно нравилось. В устройстве своего ординатора он принимал деятельное участие.

Когда ординатор был внесен в изолированную комнату и возсел на свой трон, Богатый после неимоверной суеты, сопровождавшей это событие, вздохнул с облегчением. Вопросы назрели к этому времени очень важные. Тянуть с перекраской негров становилось все труднее. Пошли всякие неприятные для Богатого слухи. Поговаривали даже о том, что Богатый просто авантюрист и что никакой перекраски не будет. Стали в конторы приходить тревожные письма с вопросами о том, когда же наконец перекраска начнется? Телефонистки Богатого не успевали положить трубку, как следующий клиент уже звонил.

По полученной инструкции девушки отвечали, что остановка только за окончанием работ по постройке специальных помещений. Но некоторые клиенты начали употреблять даже площадную ругань, которую им этим телефонисткам приходилось ради куска хлеба выслушивать. Богатый находился в некотором даже тревожном состоянии.

Мошеничество с минуты на минуту могло обнаружиться и тогда прости-прощай и « Шиномаз 9 » и « Шиномаз 6 » и вообще вся любимая горячо индустрия. Тюрьма ожидала Богатого.

Плотно закрыв механическую дверь с тринадцацью замками Богатый подошел, трепеща, к своему новому советнику.

— Боже мой, что мне делать с неграми? задал Богатый вопрос, предварительно нажав соответствующие кнопки.

— Обьяви в прессе и в радио и в телевидении, что перекраска неминумо приведет всех, кто перекрасится

к раку мозга. Но сделай это так, что бы это научное открытие исходило от меня-ординатора.

— Здорово! Вот это я понимаю! воскликнул Богатый, охваченный восторгом. Переменив кнопки он задал другой вопрос : — как быть с задатками?

— В контрактах, которые подписали все твои клиенты, есть параграф : « Добровольно отказавшимся перекраситься, задатки не возвращаются ».

— И верно! А я дурень забыл! воскликнул Богатый, хлопнув себя по лбу. — Так ты думаешь откажутся ? — спросил он еще.

— Если умело поведешь пропаганду про рак мозга откажутся — получился ответ. Богатый начал целовать машину, но не успел даже губ своих к ней приблизить, как получил приказ : пошел вон, скотина. Твои слюни мне вредят!

Богатый на цыпочках вышел из помещения и тринадцать замков захлопнулось.

Тут к нему подлетела секретарша и двенадцать телефонисток.

— На нас идут толпы — пищали женщины — Богатый, что делать? Гляньте в окно! — Богатый глянул и увидел, как бы, сплошную каракулевую шубу которая растянулась до перекрестка и заворачивала за угол. — Ооо! эти мне курчавые! — закричал Богатый и быстро надавив кнопку в стене начал опускаться в подземный гараж. Из гаража он вылетел на Шиномазе и помчался по делам.

К вечеру крики толпы затихли. Сплошной каракуль начал давать трещины. В этот же вечер все клиенты Богатого были извещены всевозможными способами, доступными современной технике о том, что ординатор предостерегает их от необдуманного шага.

На экране телевизора появился перекрашенный в белый цвет лакей Богатого и тут же схватился за голову и заплакал.

Пришел врач, осмотрел его и обратившись к зрителям сказал :

— Самый настоящий рак мозга. — После этого выскочила негритянка и сообщила, что она лично ни за какие деньги не променяла бы своего прекрасного цвета кожи на нездоровый бледный цвет своих бледнолицых братьев.

Толпа однако снова собралась перед фирмой Богатого, но на этот раз она вела себя скромнее, вместо требований моментальной перекраски, слышались требованья вернуть задаток.

Тут вышел на сцену подметальщик и наклеял на стену огромный плакат. На плакате стояло :

« По параграфу тринадцатому тем, кто отказывается от изменения своего цвета, задаток не возвращается ».

Вскоре клиенты Богатого плюнули на свои задатки, они ведь сравнительно были ничтожны. Возбуждать судебный процесс было бы в десять дороже. Да и многие к тому же были жителями далеких стран. Так что Богатый постепенно окончательно успокоился. После сильных нервных испытаний он решил отдохнуть. В газете была статья о том, как Богатый плавал на моторной лодке по Дунаю.

Было известно, что однажды, сидя в этой лодке Богатый приказал подать себе бокал вина. Половину бокала он отпил, а другую половину широким жестом опрокинул за борт и воскликнул : — эх, ты мой Дунай широкий, половина бокала мне, другая половина тебе. — И статья по этому поводу была отдельная. Заглавие ее было : « Богатый пьет вино пополам с Дунаем ».

Вернувшись благополучно Богатый тут же стал крупным акционером заводов : Шиномаз и Дрин Дрон.

Заводы расширялись. Техники старались найти завлекающие клиентов новые улучшения в новых фрабрикациях. Как будто все уже было достигнуто, но они все же нашли нечто новое и обещали выпустить

серию « Шиномаз 11 » который должен был оказаться еще быстроходнее « Шиномаза 10 ». « Дрин Дрон 16 » должен был оказаться еще мягче, чем был « Дрин Дрон 15 ».

Но для автомобилей необходимо было строить новые трассы. Иначе их никто не покупал бы, ибо вчерашних трасс уже не хватало и не будь новых быстроходные машины, попадая в дорожные пробки, должны бы были двигаться со скоростью не превышающей десяти километров в час. Следовало так обставить автомобильное дело, что бы некий « икс » мог примчаться хотя бы к ужину под сень деревьев. Мчаться этому « иксу » приходилось все дальше, ибо деревья все дальше уходили от городов.

Словом Богатый понимал это и посоветовавшись с ординатором затеял еще и строительство новых широких очень удобных трасс.

В новом бюро сидели за подвижными партами чертежники. Они болтали всякую чушь, но когда Богатый вошел все чертежники прилежно склонили головы над работой.

Тут гудело — Работала машина делающая копии. Там стрекотали пишущие машинки. Там одна девушка непрерывно работала рычагом, противно гудящей машины. Там звонил телефон. Там стучал молоточком электротехник, делая новую проводку к только что полученной машине.

Богатый шел, на нем звенела индустриальная амуниция. Перед ним раздвигались механические двери. Богатый вошел в кабинет своего директора. Этот человек сидел за столом, перед ним было восемнадцать трубок посредствам которых он разговаривал с восемнадцатью шефами. По правую руку стояла машина, имеющая прямую связь с ординатором. На машине было четыре тысячи кнопок. Директор давил кнопки и в то же время посредствам педалей пускал трубки в

ход и произносил речи. В глубине комнаты сидела санитарка в белом халате с готовым шприцем. Директора мог в любую секунду хватить удар. Насчастный этот человек представлял из себя чучело обмотанное со всех сторон проводами. Он не жил, но переносил жизнь свою, как обязанность. Знания у него были потрясающие.

Поздоровавшись Богатый приказал показать ему проэкт новой дороги которая должна разрядить главную магистраль. Директор повернул рычаг надавил восем кнопок. На стене, на экране показался план. Директор вооружился указкой.

— Ага, понимаю — сказал Богатый — дорога тут вот проходит через владения общества « Крест и Лира ».

— Так точно ! — подтвердил директор.

— Я хочу что бы под замком проходил тунель — сказал Богатый. Директор показал указкой на знак обозначающий тунель.

— Видите так и будет — сказал он — ибо разрушение было бы обозначено иначе. Вот тут мы будем разрушать церковь поэтому знак стоит другой.

— Проэкт утвержден ? — спросил Богатый.

— Не только утвержден, но даже уже послан заинтересованным лицам акт об отчуждении територии под дорогу. Высланы землемеры.

Богатый начал прощаться. Но директор его задержал. — Видите ли — Сказал он — некоторые служащие просят прибавки. Как быть ?

— Какая отсталость ! гневно воскликнул Богатый — Пора кажется понять, что век всяких таких требований прошел. Разьясните им наконец, что жалованье назначается ординатором, а не нами. Так что никаких возражений быть не может !

С этими словами Богатый повернулся и ушел.

Видя, как у начальника покраснел лоб санитарка приготовила шприц. Но богровая краска постепенно

начала сходить со лба этого несчастного человека, который несчастья своего даже не замечал. Работа не ждала, уже сыпались вопросы со всех сторон все трубки гудели, директор начал снова нервно дергаться.

XXIV

Деньги за проданную городскую виллу Марта получила с большим опозданием. К чеку было приложено извинительное письмо, возлагающее вину за это опоздание на ординатор. Замечательная безошибочная машина оказывается, иногда, все же ошибалась.

Деньги быстро разошлись на закупку кормов. Они едва покрыли нанесенные бурей убытки.

В хозяйстве образовалась некоторая пустота : собирать и молотить было нечего, а начинать подготовку к озимым посевам было еще рано. У колонистов оказалось много свободного времени. Намечалось несколько свадьб : Иллона — Игнат, Мария — Саша, Марта — Марк, Лукерья — Володя. Виктория оставалась в запасе. По вечерам отец Илларион играл на рояле, молодежь танцевала. К внешнему миру, к его бумажным напоминаниям Марта почему то относилась с небывалым легкомыслием.

Приезжал чиновник контролер. Приняли его как говориться « мордой об стол ». Огромным сюрпризом для всех оказалось утверждение чиновника будто бы все члены общества получали жалованье. Опровергнуть это утверждение было невозможно. Чиновник словам не верил. В ответ на опровержения членов общества, он показывал книгу, составленную сбежавшим адвокатом. В книге находились расписки в получении жалованья. Благодаря этой книге выходило, что

дирекция общества вела свое дело не легально. С Жалованья полагались отчисления в кассу взаимопомощи, а так же налоговые проценты. Все это не было уплачено. Сроки прошли, полагался штраф. В грозном настроении уехал чиновник. К неописуемому возмущению Марты, он пренебрег запрещением передвигаться на земле общества при помощи автомобиля. Его красная машина целый день портила своим отвратительным видом подъезд замка.

Вскоре пришли письма, со штрафами за всякие упущения и опоздания. Быть может, если бы они пришли раньше, Марта заложив замок могла бы как-то выкрутиться. Беда пришла главным образом оттого, что за день перед этими письмами пришло такое письмо перед которым все несчастья и даже буря показались членам общества пустяками.

Письмо это было тем самым письмом, что послал директор Богатого. Когда Марта из этого письма узнала, что новая магистраль должна разрезать пополам ее владения и что под замком должен быть для этой магистрали вырыт тунель ей стало дурно.

Потрясение было огромным. Марк буквально заболел. У него начались перебои сердца. Дядя Петя и отец Илларион, словно библейские старцы, разорвали на себе одежды. Даже Игнат приуныл. Продолжать борьбу, истомленные этой новой моральной казнью жители замка больше не могли.

На тонущем карабле, какое же дело может занимать матросов? Все начали шататься без дела, незная куда приложить руки. Лошадей перестали чистить, вывозить навоз из конюшни не хотели, не доили коров. Отец Илларион сам их доил из жалости. Что бы не видеть запустения, Марта и Иллона целыми днями пропадали на своих жеребцах в полях и лесах. Им хотелось насладиться последними днями еще не загаженных, еще чистых и веселых просторов. Они со своих лошадей смотрели на восходы солнца, любо-

вались закатами. Любовались вечерней и утренней звездой.

— Как жаль, что уходит солнце — восклицала Марта.

— Мне кажется, что и ему нас оставлять трудно — отвечала Иллона. Две всадницы стояли рядом, озаренные последними лучами заката. Все ниже падало солнце, все невыносимее делалась печаль темнеющего пространства. Так уходит любимый, оставляя провожающих, спрашивающих себя в глубокой тоске : — увидим ли мы тебя ? Доживем ли до счастья новой встречи ? Обе девушки так чувствовали составляя, как бы, одно целое с грустным вечерним шепотом трав, цветов и листьев.

С тайной тайн творения сопрокасались в эти минуты их души.

Остальные девушки и хлопцы стали беспокоиться о своем будущем. Писали письма, налаживали связи с прежним механическим миром.

Рык потрясал воздух утра. Он бушевал в тихо поднимающихся от земли утренних туманах. Он своим нудным грохотом будил утренние рощи, утренние поля. Деревья в ужасе дрожали. Травы клонились к земле, цветы трепетали. Лошади в конюшне испуганно поводили ушами, косили глаза, волновались так, что стали мокрыми. Коровы и овцы ходили по пастбищу, не находя себе покоя. Рык приближался, подступая к замку делался все победнее. На дороге показались грузовики и легковые автомобили.

Раздирающий душу вой заезжающего задним ходом грузовика застал жителей замка врасплох. Раздирающий душу вой начал повторяться под аккомпонимент бешенного лая Волчка.

Марк был болен, лежал в постели. У него был

сильный жар. Голова болела. Он повернулся в постели, ему показалось, что он видит кошмар. Взвыла еще одна машина безпощадно, дико, страшно. Вскочив, он подбежал к окну, отдернул занавес и увидел полный двор автомобилей.

В ночной рубахе Марк бросился стремглав вниз. Игнат, Володя, Саша и Бронислава выбежали во двор. Остальные девушки смотрели из окон.

Приезжие установив автомобили на газоне, пробовали из них выйти. Но Волчек загонял их назад. Так что, то открывались дверцы машин, то захлопывались перед страшной бешенной волчьей пастью.

Из легковой машины высунулся громкоговоритель и завопил : — привяжите на цепь пса !

Марк со встрепанными волосами, в ночной белой рубахе начал орать ! — Вон отсюда » Вон, я вас всех заставлю убраться ! Автомобили долой ! Моя воля вас уничтожит ! Бог не позволит !

Его появление было встречено дружным хохотом. Особенно усилило смех последнее восклицание Марка. Друзья, Володя и Саша подхватили Марка под руки. Но он вырвался и бросился на громкоговоритель с кулаками. Это было похоже на то, как польская конница атаковывала гитлеровские танки. Все же Марку удалось вырвать из рук шофера револьвер, направленный на Волчка. Тут Игнат спас Марка от преступления. Он вырвал револьвер у друга. Марк потерял сознание. Общими усильями его унесли и уложили на постель. Марта прибежала из сада.

Она думала, как и многие, что это прибыли инженеры для постройки дороги и тунеля. Ей нельзя было покинуть Марка. Он мог натворить Бог знает каких глупостей.

Он бредил, выкрикивая проклятия. — Господи ! Господи ! говорил он — я перейду на сторону диявола если Ты позволишь им нас уничтожить ! Сделай так

что бы машины превратились в жесть, железо и резину.

Волчка заперли в чулане. Приезжие вышли из машин. Главный распорядитель потребовал себе стул и стол. Два разных мира стояли лицом к лицу. Мир органический и мир механический. На требованье распорядителя ответа не последовало. Никто из жителей замка не шелохнулся. Тогда тип сам вошел в замок в сопровождении двух мясников в длинных черных халатах. Они вынесли из замка старинное кресло и мраморный овальный столик, на котором был изображен русский император Александр первый на сером в яблоках жеребце.

Распорядитель вытащил из машины огромный портфель. Он уселся на кресло и стал разбирать бумаги. Между тем барышники мясники в черных своих халатах с палками в руках рассыпались перед замком живописной группой. Они пили вино из горлышек бутылок, закусывали. Отрежет мясничек ножичком кусочек хлеба, отрежет кусок колбасы всунет себе в рот медленно пожует и опрокинет бутылку, задрав голову и пьет присосавшись на долго.

Лица у них багровые, затылки в складках красные, карманы на блузах оттопырены. Там наличные деньги. У кого карман отдувается больше, у того лицо багровее, складки на затылке покрупнее.

Серебрянный Шиномаз остановился метров за четыреста от остальных приезжих. В нем сидел Богатый в маске, в непроницаемом костюме. Множество аппаратов окружало Богатого. Перечислить их даже невозможно. Но пока что он употреблял только безпроволочный телефон, посредствам которого переговаривался с распорядителем. На столе распорядителя стояла коробочка с вытянутой из нее антеной. В коробочке похрипывал голос Богатого. — Объявите им, что я скупил все их долговые обязательства и хочу превратить их в наличность.

В это время Игнат смекнул, что на строителей публика не похожа. Он спросил : — что случилось, дорогу проводить будете ?

Распорядител сухо закашлял. Это был такой смех. На руках у него были зеленые перчатки. Они гармонировали с его внешностью потому что служили неотьемлимым дополнением к его общему чрезвычайному сходству с земляной жабой.

После своего кашля жаба протянул Игнату большую бумагу. Пробежав ее Игнат увидел что эта бумага утверждает право жабы продать с молотка живой инвентарь общества « Крест и Лира ».

— Кто у вас тут хозяин ? Вы ? — спросил жаба.

— Нет, не я — ответил Игнат.

— Могу ли я вам поручить ? Мы должны уведомить хозяина.

С несуразной важностью заявил распорядитель. — Продажа начнется ровно через четверть часа — добавил он в след уходящему Игнату.

Мяснички еще закусывали. Они затрагивали проходящих мимо них девушек. А те узнав в чем дело спешили убежать подальше в сад, что бы не видеть предстоящего ужаса. Игнат с актом в руках вбежал в комнату. — На тебе лица нет — зашептала Марта — что такое ? Только тихо, тихо мне на ухо — Марк открыл глаза — Игнаша ты ? Ну что там ? — спросил он и силы снова его оставили.

Игнат шепотом доложил — будут продавать с молотка мясникам лошадей и скот.

— Побудь с ним, не отходи ни на минуту — взмолилась Марта.

— Хорошо ! — согласился Игнат.

— Дай честное слово, что, что бы не произошло ты будешь при нем до тех пор пока я не вернусь.

Игнат поклялся. — Но ты куда ? Что ты хочешь сделать ? спросил он.

— Некогда, потом, потом — шептала Марта как помешанная пятясь на цыпочках от постели к двери.

— Скот в поле — сказал в ящик распорядитель.

— Начинайте с лошадей — послышался в ящике голос Богатого.

Сбежав со ступенек Марта зашла в кабинет, выхватила из столика револьвер дяди Васи. Прячась за кустами она перебежала расстоянье от замка к конюшне.

Едва переступив порог Марта поняла, что лошадям уже все известно. Запах бензина, рык машин, запах людей убивающих их, на бойнях был им знаком по тем страданьям через которые они прошли, перед тем как были выкуплены.

Все лошади были потными и дрожащими. По мере того как она шла они поворачивали головы, наставляли уши. Они силились приветствовать ее как всегда ржаньем, но вместо этого только их губы чуть чуть шевелились.

А глаза ! ? чего стоили эти взгляды, обращенные к Марте с надеждой. Какая глубокая трагичность отражалась в них, какая немая мольба ! Такого ужаса Марта даже представить себе не могла бы. У денника Гракха и Хижры конюшенный сумрак сгущался. Там за лучем солнца подающим из узкого окна на спину Карагеза в темноте что то белело.

Словно блеск молнии пронзил сознание Марты. Она увидела белоснежного сияющего неземным светом ангела. Марта словно во сне сделала еще шаг с полной готовностью повалиться в ноги спасителю. Вся она была в это мгновенье переполнена священным ужасом и нечеловеческой радостью.

— Марта, что нам делать ! ? — тихий, словно ветерок, коснулся ее ушей голос. Из сумерок в луч вышла Иллона.

Подогнутые, готовые пасть на колени ноги Марты

выравнялись, священный ужас и надежда, сменились грубоким разочарованием.

Денник Хижры был открыт, белый, как снет, жеребец дрожал мелкой дрожью. Он уже был поседлан. Иллона держала в руках уздечку. Прийдя в себя Марта спросила : — хочешь прорваться, ускакать ?

— Да, а ты ?

— Я своего застрелю. Деваться с лошадью некуда. Везде найдут. Отнимут — жестоко убьют. Лучше пусть я сама, без мук — Иллона схватила руку Марты. По ее лицу текли крупные слезы. — Прощай, не поминай лихом — сказала она непослушными губами. Девушки крепко обнялись. Обе рыдали.

— С Богом — сказала Марта освобождаясь.

— Сын Принца-Рюделя и Тзи Квин им не достанется. — уже сжимая револьвер крикнула Марта, вскочившей в седло Иллоне.

Звонкий топот копыт наполнил конюшню. Иллона вылетела чуть ли не галопом из ворот. Там послышались крики мясников. Загудели моторы. Богатый говорил по беспроволочному телефону. Но потом увидел всадницу, завел мотор и начал пятить Шиномаз задом.

Открыв денник Гракха, Марта увидела свое сокровище в небывалом состоянии. Низко опустив голову жеребец медленно подошел к ней. В нем и капли не оставалось той жизенной силы, что играла в нем всеми мускулами, светилась в глазах, в красивой благородной поступи. Одно уныние было написано во всех его движеньях. Марта подала ему на лодони любимое лакомство, сахар, но Гракх его не тронул.

Сердце Марты облилось кровью. Оно сжалось до боли. Стиснув зубы девушка вложила в ухо жеребца дуло револьвера. Она не услышала выстрела. Увидела только как подкосились ноги Гракха и как он рухнул на земь. Последние конвульсии пробежали по муску-

лам, зашевелились ноги. Марта упала на труп своего любимца.

Так ее и застали мясники. Они сладострастно уставились на ее стройные, высоко оголенные ноги, на рассыпавшиеся смешавшиеся с конской гривой волосы. Один молодой взялся поднимать Марту. Кто то сбегал за главным. Главный тот час же заявил, что обязан составить протокол. Он объявил Марте с которой продолжал бороться мясник, что она будет отвечать по двум статьям.

По одной : за жестокое обращение с животным, по другой за уничтожение подлежащего продаже с молотка имущества.

После составления этих бумаг, главный приказал выводить из конюшни лошадей. Распродажа началась.

Человек-жаба назначал цену. — Кто больше ? — орал он. Но у покупателей был сговор : цен не поднимать. Распорядитель три раза постучал молотком по русскому императору. Холстомер пошел за безценок. Мясник выкладывал на стол ассигнации. Заседатель разделил его участь. И Карагез, и Фру-Фру и Машка с сыном и все другие и даже несчастная старенькая Россинанта были проданы. Над этой кобылой особенно издевались. Толстый мясник с шишкой на широкой шее щупал старушку, хохотал. Кричал что она и ломанного гроша не стоит, что мясо будет твердое. Богатый распорядился : — мы продадим эту дрянь в зверинец.

Проданные лошади ждали погрузки в грузовики. Взглянуть на них нельзя было без жалости. Даже шерсть на них как бы потускнела, стала дыбом. А глаза ! Кто осмелился бы заглянуть в них, имея человеческое сердце, тот навеки запомнил бы их выражение. Какая великая тоска светилась в глазах этих тварей Твоих, Господи !

В грузовики добровольно заходить лошади не хотели. Каждая билась с человеком за свою жизнь.

Палки пошли в ход. Человеческий крик, словно рев взбесившихся горил стоял в воздухе.

Отец Илларион прибежал с поля. — Как вам не стыдно! Вы люди или дияволы? — Кричал он. Но голос его тонул среди голосов, среди ударов палок, среди топота копыт на откинутых с грузовиков деревянных помостах. В коробке раздался голос Богатого: — скажите этому сердобольному чудачку, что бифштексы будут вкуснее, если их сначала хорошенько побить.

Распорядитель, не сморгнув глазом, исполнил приказание. Отец Илларион, словно новый Иов, горестно воздел руки к небу. Он увидел в яркой небесной синеве быстро бегущую к горизонту белую трещину. — Не такая, не аэропланная трещина могла бы возникнуть— подумал он с отчаянием. Смятенная душа его взывала к Богу. Он чуда ждал. Но небо было расколото не Божеским, а человеческим могуществом. Низко опустив голову отец Илларион пошел сам не зная куда, ему хотелось уйти безвести.

Лошадей увезли. В поле забрали коров и овец. Пусто и страшно стало во дворе замка.

Все дальше и дальше звучал голос Игната: Иллона где ты? Иллонаааа!

К вечеру в замке оставались только Марта, тяжко больной Марк и Волчек.

Ночью Марк как бы пришел в себя он поднялся на постели и сказал во тьму: — Вий поднял свои железные веки.

XXVI

Все разбежались. Остался один Волчек. Он, порой, охотился на мышей и зайцев, но большую часть времени проводил на крыльце замка. Прекрасная, большая голова его покоилась на вытянутых лапах. Иногда он поднимал ухо, принюхивался, привставал и снова безнадежно подала его голова... Однажды он быстро вскочил и напряженно устремил свои желтые, волчьи глаза в пространство. Нос его заерзал, уши навострились, он прислушивался к чему то, понятному ему одному и вдруг шерсть у него поднялась дыбом, глаза потускнели, он поднял высоко голову и завыл. Выл долго, протяжно, как воют псы, учуяв надвигающееся несчастье. Потом, поджав хвост, печальной рысцой затрусил вон со двора...

Богатый купил замок со всеми угодьями. Это приобретение было сделано посредством всяческих махинаций, и при участии многих деловых людей. Конечно не обошлось и без помощи ординатора. И снова взвыли адскими голосами разноцветные автомобили. И каждый взвывал на свой лад. Многие ясно выплевывали свое : « Веее-ль... зееее-вул ». Другие пришепетывали и слово это несколько стушевывалось, а третьи — самые дешевые блеяли потише, подобо-

страстно. Делали это так, как, скажем, мелкие людишки ведут свой разговор в присутствии тузов. И у машин все шло по чинам. Это, как сам диавол, а за ним черти, чертенятки, чертенята. Шиномаз Богатого вел за собой бесовскую стаю машин. Ехали не только легковые автомобили. Ехали мешалки для цемента, бульдозоры, подъемные краны, электрические пилы и черт его знает, что только не ехало! Мостодонты на огромных зубчатых лапищах, тракторы-красные и желтые, пузатые чудища цистерн... И все это рычало, грохотало, визжало. Черный дым, как дивольский хвост взвился к небу, вонь поплыла над кустами и полями... Все, что было живого в поле бросалось наутек, пряталось в норы. И деревья пришли в явное смятение. У каждого дерева выяснился свой характер. Иные — уже будто сразу стали привядать, листья на них съежились, замерли. На других, наоборот, листья забили тревогу, а величественные, серебренные тополя, как умудренные сединами старцы, сокрушенно покачивали своими верхушками. Новый дух заполнил пустые помещенья замка. И там сразу все изменилось. Ни одна вещь не соответсвовала этому духу. Новым глазам пришедших все казалось смешным анахронизмом — дуги, косы, шлеи, плуги, самые конюшни. Все это было обречено, годилось только на слом.

И пошла работа, Перевернутая земля поднялась дыбом. Под визги электрических пил, деревья падали вниз головой, тут же, их еще живые тела, резали на куски, разжигали костры. Все перестраивалось. На месте конюшен и амбаров обозначились корпуса будущих заводов « Шиномаза » и « ДринДрона ». Огромное пространство было залито асфальтом, однако среди асфальта были оставлены аккуратные квадратики с зеленой травкой и цветочками для развлечения глазу. Под замком проложили тунель. В замке взлетали и опускались лифты. Всюду горел ослепительный неоновый свет. Богатый использовал новейшие достиже-

ния техники. Он мог теперь прямо из Шиномаза движущейся платформой в одну секунду перенестись в замок. В его комнате был поставлен прибор, который брал его в бархатные лапы прямо из постели и осторожно нес в бассейн с теплой, морской водой, потом его брил, одевал и переносил в столовую, где другой прибор приготовлял ему сандвичи, наливал кофе и подносил пищу к самому рту. Богатому оставалось только глотать. Но для всех этих сверхбиблейских чудес ему надо было изучить функцию каждой из 666 кнопок. Изучить безошибочно, а то все полетело бы вверх ногами !

Чудесами модерной техники был снабжен и клозет Богатого. В дверях клозета функционировал телевизор, который автоматически зажигался, как только Богатый садился на судно. Приятное и полезное соединялось. Веселая программа, как нельзя лучше действовала на его хронические запоры. И какой нибудь разухабистый куплетист с успехом конкурировал с самым знаменитым эскулапом по гемороидам. Самые наиновейшие усовершенствования были введены и на заводах и в бюро. Появились, например, какие то таинственные угольно черные палки, обмотанные медными ниточками и так были они намотаны, что получалось желанное человечеством облегчение труда, папки с делами сами неслись по воздуху, как будто у них выросли крылья и так удивительно летели, что даже никого не стукали по лбу. Богатый приделал к своим надувным туфлям особые колеса и катался по специальным рельсам (чтобы сохранить « линию тела ») в застекленных оранжереях. Он очень боялся общения с живой природой и поэтому в оранжереях росли в кадках нилоновые деревья и пели заводные птички. Летом и зимой во всех помещениях стояла одна и та же температура. Сложной машиной накачивался кислород с примесью различных запахов. То пахло сосновым лесом, то морским прибоем, то разнообразными цветами. Богатый выдумал

и новую моду. Эта мода была обязательной для служащих автомобильных заводов « Шиномаз » и « Дрин Дрон », но вскоре распространилась и дальше. Мужчины и женщины должны были ходить в огромных, водолазных сапогах, но без всякого другого прикрытия своих грешных тел. Так якобы усиливался темп работы. Но чтобы фабриканты текстильных фабрик не были в обиде и в убытке, на головах все обязаны были носить гигантские парики, сшитые из длинных разноцветных лоскутьев. Получалось довольно красочное зрелище в духе Майн-Рида. В газетах, первое время, печаталось много статей о погибшем обществе Крест и Лира. Рисовалось это общество, как отсталое, варварское, смехотворное. А некоторые газетки, расчитанные на неприхотливые вкусы популяса, просто обвиняли Марту и Марка в бесовской ненависти к человечеству и антисоциализме. Газеты посолиднее считали их и всех членов общества-обыкновенными психопатами, место которых в клинике для церебрально-вывихнутых людей.

Марта поселилась в маленьком домике на опушке леса. Долго она не знала, что с собой делать. Начинать все сначало не хватало ни сил, ни средств. Часами она блуждала по лесу, еще чудом уцелевшему. Особенно любила она ненастную погоду. В такие дни и ночи в ней будто снова воскресала прежняя энергия. Она быстро шагала, навстречу буре, грозе, подставляя под холодные струи ливня свое пылающее лицо. Непогода была ей сродни. Но утихала буря и снова тоска мертвой хваткой сдавливала ее душу. Будущего у нее не было. Гибель общества, смерть Марка перечеркнули его черным крестом. Но надо было как то жить. Она

заставила себя вскопать маленький огородик. Посадила перед окном кусты роз... На ночь наглухо запиралась в своем домике. Больше всего на свете она теперь боялась людей. А злых людей шаталось повсюду немало. Газетные хроники пестрели описанием очередных злодеяний : насилий, ограблений, зверских убийств... В один из вечеров Марта, готовясь ко сну стлала постель. Думала как всегда о чем то печальном, может быть о самом печальном. Машинально прикрутила коптившую керосиновую лампочку и вдруг услышала снаружи, у дверей какое то осторожное движение, неясный шум. Или почудилось? Прислушалась. Шум повторился. Словно кто то тихонько у порога топчется. Внутри у Марты все похолодело. Она вынула из ящика револьвер, подошла к двери, на нее явно кто то, хотя и осторожно напирал.

« Кто там ? » — крикнула Марта и сама вздрогнула от своего резкого выкрика.

« Кто там — повторила она — я буду стрелять ». За дверью затихло. Марта, с револьвером в напряженно вытянутой руке, ждала... И вдруг несмелый скребок и тихое повизгивание, а за повизгиванием негромкий, счастливый лай. Да какой лай! Знакомый, милый, который так и отдался эхом в памяти. Зазвенели запоры и щеколды Марта распахнула двери в ночь, во всю ширь, Волчек поднялся на задние лапы а передние с размаху положил ей на плечи. И обнялись человек и зверь и так стояли несколько секунд. Горячий язык зверя слизывал слезы с лица Марты, лизал ее руки. Марта плакала впервые. Впервые с минуты, отнявшей у нее Марка. Она плакала, а пес извивался, весь ходуном ходил от счастья. Его длинный хвост неистово стучал по косяку двери и он блаженно взлаивал.

Когда Марта вошла в комнату, только тогда Волчек лег на коврик у кровати и задрав заднюю окровавленную лапу, начал ее старательно облизывать. Марта

увидела его впалый, грязный живот, резко выступающие ребра. Бросившись к шкафу она вытащила оттуда все, что имела в запасе и наполнила миску до краев. Волчек все глотнул в одну минуту, тогда Марта промыла и перевязала его раненную лапу. Потом целовала его славную морду, смотрела и не могла насмотреться и все спрашивала, спрашивала : « Ну, как ты меня нашел ? Каким чудом ? » И вдруг поняла. Чудо это свершила нерушимая, непостижимая, нечеловеческая любовь.

Imprimerie P.I.U.F., 3, rue du Sabot - Paris